

Б. КОСТИН

СКОБЕЛЕВ

Тот эгоист холодный и пустой.
Кто жизнь свою не посвятил народу:
Чтоб он ни говорил про долг любви святой,
Про человечество, свободу.

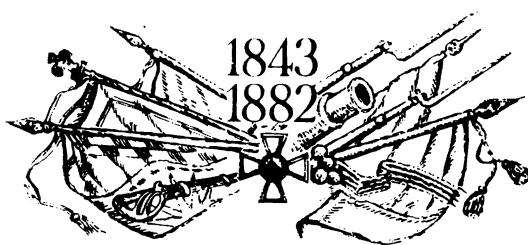
И. С. АКСАКОВ

М. Д. Скобелев

Б. КОСТИН

СКОБЕЛЕВ

МОСКВА
«Патриот»
1990

ББК 63.3(2)51
К71

Сканирование: alexxx78
Обработка: Titantus

Редактор **Е. И. Крохина**

Художник **В. Ю. Лукин**

В оформлении книги использованы
фрагменты картин **В. В. Верещагина**

Рецензент **М. В. Филимошин**

Костин Б. А.

К71 Скобелев. — М.: Патриот, 1990. — 175 с.
4 р.

В этой книге, основанной на подлинных фактах и документах, рассказывается о жизненном пути и военной деятельности известного русского военачальника -- генерала М. Д. Скобелева. Глубокое знание военного дела, постоянная забота о нуждах солдат и победоносные сражения — все это снискало ему большую популярность в России и за рубежом.

Для широкого круга читателей

К $\frac{1305010000-021}{072(02)-90}$ 22-90

ББК 63.3(2)51
371.011

ISBN 5-7030-0335-0

© Б. Костин, 1990

«...НЕ БОЛЕЕ КАК СЫН РУССКОГО СОЛДАТА»

Петербург. 17 сентября 1843 года*. Часы собора Петра и Павла пробили полночь, отзвучал гимн, по булыжнику гулко прошагала смена караула. Крепость затихла, и только в доме коменданта во всех окнах горел свет и безмолвно суетилась прислуга. У дверей одной из комнат собралось почти все население комендантского дома. Вдруг тишину нарушил надрывный крик и через мгновение раздался плач. Двери открылись, и женщина, вытирая руки о белоснежный передник, с улыбкой произнесла: «С сыночком вас, Дмитрий Иванович, а вас, Иван Никитич, с внуком». Новоиспеченные отец и дед новорожденного, не сдерживая эмоций, крепко обнялись. Рождение первенца у поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка Дмитрия Ивановича Скобелева праздновали буйно, с песнопениями, пальбой. На семейном совете долго решали, какое имя дать малышу.

Православный календарь в сентябре изобилует упоминаниями святых с именем Михаил, канонизированных церковью. Среди них первый митрополит Киевский, князья Черниговский и Тверской, архистратиг Михаил, поборник справедливости и добра. Может быть, это обстоятельство и повлияло на выбор имени. Решение назвать мальчика Мишей закреплено записью, сделанной при крещении в церковной книге Петропавловского собора.

Комендант Петропавловской крепости генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев, повесив над люлькой саблю с надписью «За храбрость», предопределил будущее внука. Малыш лежал тихо, запеленатый в атласное одеяло, в чепчике с ажурными кружевами. Изящная колыбель, убранная заботливыми материнскими руками, слегка покачивалась на шелковых полотнищах. Что вспомнилось в этот миг старому воину? Может быть, голодное, босоное детство. Такое, каким оно было у большинства сверстников, родившихся в крестьянских хатах, где с первым взглядом в мир приходила извечная забота о хлебе насущном, тесно уживающаяся с мечтами и надеждами на будущее, которое каждый выбирал и творил себе сам.

Каким оно представилось сыну крестьянина-однодворца Никиты Скобелева Ивану? В доме часто звучала песня:

* Все даты до 1917 года приводятся по старому стилю. *Здесь и далее прим. авт.*

Иван Никитич Скобелев

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!

Отставной сержант Никита Скобелев не единожды слышал победное ликование русских воинов и сохранил в памяти множество эпизодов из батальей. Рассказчиком он слыл отменным. И не потому ли в долгие зимние вечера в его избе, где светилась лампадка в красном углу, потрескивала лучина, за большим суковатым столом собирались деревенские ребята и, тесно прижавшись друг к другу, пошмыгивая носами, с нетерпением ожидали очередного повествования о славном времени, о походах и сражениях, о начальниках, с которыми приходилось делить ратные труды.

Царь. Вера. Отечество. В те далекие времена эти слова звучали совестью наказом любому россиянину, и величина расстояния от столицы до глубинки Российской империи, где проживали Скобелевы, вовсе не преуменьшала их значения. Поэтому, видимо, Иван Никитич на протяжении всей жизни избегал праздности, благодущия, был всегда готов стать в ряды защитников Отечества.

С прошения о зачислении его «в воинскую службу на казенный кошт», с котомки со ржаным караваем, с посоха и лаптей, которые отмерили долгий путь от села Новиковки Самарской губернии до Оренбургской укрепленной линии, началось его восхождение к генеральским эполетам и аксельбантам.

Но в памяти современников Иван Никитич остался и как неутомимый собиратель солдатских рассказов о войне Отечественной. Описывая подвиг солдата, почитал он его «как имя знаменитое, существо достойное уважения и любви». Не блеск и изящество фразы влекли читателей произведения «русского инвалида» (под таким псевдонимом печатался И. Н. Скобелев). Рассказы и пьесы Ивана Никитича, написанные живым, простонародным языком, подкупали искренностью и правдивостью.

Сам же писатель о своих литературных трудах отзывался так: «Примусь писать историю собственной жизни с полной откровенностью, обрисую сцены со всеми окрестностями и, оградясь законной десятилетней древностью, черкну смело за целые полвека о себе и о товарищах, хорошее и дурное. Положим, что труд мой не принесет пользы человечеству, по крайности я оставлю по себе в наследство горящую истину о предметах, коротко и близко мне известных».

Какие же это предметы? Жестокое Прейсиш-Эйлау и злосчастный Фридланд в 1807 году в Восточной Пруссии. Обильно политые русской кровью скалы Финляндии и лед Ботнического залива в Шведскую кампанию 1808 года. Сеящие смерть стены турецких крепостей в Болгарии в 1810 году. Служба в ординарцах у Михаила Илларионовича Кутузова. Бородино. Малоярославец. Красное и, наконец, горестное путешествие из Бунцлау в Петербург с телом спасителя России.

Среди множества наград скромная медаль «За взятие Парижа» была едва ли не самой дорогой для Ивана Никитича, а похвалы и репутация храброго и достойного офицера, звучавшие из уст полководцев суворовской школы — Багратиона, Кульнева, Милорадовича, — стали едва ли не самыми вескими основаниями для назначения на пост коменданта Петропавловской крепости. Впрочем, только ли это? «За царем служба, как за богом молитва, никогда не пропадет», — любил говаривать генерал. Слова эти получили реальное подтверждение. Сам же Иван Никитич говорит о столь престижном назначении как об абсолютно случайном, так же как и о встрече с Николаем I на берегу Невы, решившей его судьбу.

Современники характеризуют Ивана Никитича как исправного служаку, лишённого политического чутья. Очевидно, смотрел генерал из народа на многие события внутренней жизни России чересчур упрощенно и избрал жизненную позицию, которая в достаточной степени объясняется его же словами: «Каждому определено свыше свое дело; мужики поют и землю пашут, у цыган нет земли, так они поют и плачут; у нас есть все — мы должны петь и служить».

Но в известной истории 1821 года в Семеновском полку генерал встал на защиту «бунтовщиков». Продолжительная опала стала расплатой за его мнение о том, что «полиция собственно в армии не надобна». Так оберегал он честь и достоинство солдата, что и завещал своему сыну Дмитрию.

Дмитрий Иванович Скобелев

Жизнь Дмитрия Ивановича складывалась намного проще. Дворянство и прочное материальное положение, завоеванные шпагой отца, открыли перед ним двери привилегированного кадетского корпуса, после окончания которого он был зачислен в свиту императора. Это ли не стремительное начало военной карьеры!

Иван Никитич наставлял «не употребившего собственного труда» сына: «Однако не нужно гордости соблазна, могущего тебя учинить индийским петухом, советую тебе не забывать, что ты не более как сын русского солдата». И слова эти нашли отклик. Рассказы отца влекли к жизни деятельной, боевой, и Дмитрий Иванович вскоре без сожаления расстался с беззаботной жизнью свитского. Лишь только прозвучали первые выстрелы на Кавказе, объявив начало очередной кампании против Турции, Дмитрий Иванович отправился на юг. В аттестациях на ротмистра Скобелева, составленных после войны, перечислены многие сражения, где молодой офицер превзошел отвагою бывалых воинов. Солдаты полюбили его за неизменную заботу. Начальство же ценило за удаль, распорядительность и бережливость на солдатскую кровь. Крымскую войну 1853—1856 годов Дмитрий Иванович закончил, имея ордена св. Георгия IV степени, Анны II степени и Владимира III степени, а рядом с отцовской шпагой с надписью «За храбрость» появилась еще одна.

В личной жизни Дмитрию Ивановичу, можно сказать, повезло. Же-

Ольга Николаевна Скобелева

нился он по любви на дочери отставного поручика Полтавцева — Ольге Николаевне. Она внесла в дом Скобелевых душевное обаяние, мягкость и доброту характера, умение сглаживать семейные конфликты, заботу и внимание к Ивану Никитичу, страдавшему от ран и иногда подолгу не покидавшему постель в петербургскую непогодицу.

Выпускница Смольного института, воспитанная в лучших традициях женской добродетели, она слыла в столичных кругах женщиной высокообразованной, свободной во взглядах и суждениях. Кроме сына Михаила Ольга Николаевна родила Дмитрию Ивановичу трех дочерей — Надежду, Ольгу, Зинаиду. Без сомнения можно сказать, что все чаяния о продолжении рода Скобелевых Дмитрий Иванович связывал с сыном. Имея характер суровый и крутой, проповедуя аскетизм, он принял решение воспитать Михаила настоящим мужчиной.

В зрелом возрасте Михаил Дмитриевич с неохотой вспоминал детство. Достаток и обилие развлечений не могли изгладить неприязненный осадок, который остался у него в душе на долгие годы. Пока был жив дед, воспитанием Миши занимались он сам и друг семьи Скобелевых, ключарь Петропавловского собора Григорий Добротворский, личность не менее примечательная, чем Иван Никитич. Огромный лоб, окладистая борода, могучий рост и сильный, заставлявший колебаться пламя свечей, голос. С его

появлением дом наполнялся шумом, шутками. Маленький Миша с большим нетерпением ждал, когда дед и его друг усядутся в кресла и начнут рассказывать забавные истории, а потом к великой радости на его глазах разыграют спектакль, в котором непременно участником становился и он сам. Можно представить, что это были за спектакли. Дядька Григорий, водрузив на спину крестника, с могучим «ржанием» скакал по большому дому, не жалея коленей. Дед, обладавший незаурядным даром перевоплощения, удачно изображал то турецкого пашу, из-под чалмы которого выглядывали испуганно бегавшие глазки, то коменданта Парижа, сдающего ключи от французской столицы. Завершая «сражение», неразлучная тройца дружно распевала:

Взвейтесь соколы орлами!
Полно горе горевать.
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Иван Никитич и крестный дядька с особым постоянством преподносили Мише Скобелеву уроки познания жизни простого народа, героического прошлого России, и не потому ли они оказались прочны, что строились на искренности и правде.

Иван Никитич умер, когда Михаилу исполнилось шесть лет, а с ним навсегда ушло радостное беззаботное время. Мальчик горько переживал его смерть и тосковал возле свежей могилы у ограды Петропавловского собора, где по традиции хоронили комендантов крепости.

Оправившись от переживаний и покинув обжитой дом, Дмитрий Иванович поспешил заполнить педагогический вакуум, образовавшийся вокруг сына, и остановил свой выбор на немце-гувернере, которого присоветовал ему сослуживец. Доводами к такому шагу послужили прежде всего известная педантичность и внутренняя дисциплина, присущие немецкой нации. Вдобавок немец, имя которого так и осталось неизвестным, на собственной шкуре познал несложную прусскую армейскую педагогику, в которой подзатыльники и розги были надежными средствами воспитания в духе неукоснительного повиновения.

Как же складывались отношения воспитателя и воспитанника? Немец жаловался отцу и матери на короткую память Михаила. Удары розог, вызывавшие молчаливые слезы вместо ее прибавления, слышались из комнаты, где производилось учение. Мать безуспешно пыталась смягчить Дмитрия Ивановича, в общем-то считавшегося с мнением жены. Но он оставался непреклонным и прекращал разговор о воспитании сына следующей фразой: «По мне, лишь бы дело шло».

На удивление, дело шло с успехом, повергавшим иногда изверга-гувернера в состояние протрации. «Его величество болванус грандиозус» — этим неместным эпитетом оценивал он умственные способности юного Скобелева, открывая очередной урок. Но ученик вдруг начинал сыпать цитатами из Гете, Шиллера, а великолепную Лорелею преподносил так, будто накоротке был знаком с очаровательной русалкой. «Когда?» — вопрошал гувернер визгливой фистулой. «Вчера», — следовал неизменный ответ.

Воспитатель придумывал различные «педагогические» казусы со злым умыслом лишить воспитанника прогулок в экипаже по Петербургу или по-

Командантский дом в Петропавловской крепости, где родился М. Д. Скобелев

сещения кондитерской, но и воспитанник, взрослея, платил той же монетой. Вот лишь один из эпизодов... В доме Скобелевых погашены огни. И вдруг в коридоре, ведущем в комнаты прислуги, раздаются еле слышные шаги и появляется чья-то тень. Спят крепким сном кухарки, няньки, горничные. И можно догадаться, что тень та принадлежит не кому иному, как Михаилу Скобелеву. Что же привело его сюда? Завтра суббота — день, когда у ненавистного гувернера бывает выходной. Михаил знает, что по вечерам он очень спешит, по-видимому, к даме сердца. Решение досадить мучителю принято, а изобретательства ему не занимать. Набрав в банку ваксы, он обильно смазывает ею ручку нужной двери и тем же путем возвращается назад. Утром в спальне запах, не имеющий ничего общего с духами. Но банка спрятана надежно. Поведение в этот день безукоризненное. И вот, наконец, вечер. Гувернер спешит, надевает цилиндр, белоснежные перчатки, открывает дверь и — «Donner Wetter!» — на перчатках черные пятна, источающие запах обыкновенной ваксы, вызывающий у него приступ тошноты. Лицо перекошено. Короткое: «Mein gott!» Взгляд на часы. Опять бормотанье, смысл которого более чем ясен виновнику, укравшемуся за массивными лестничными перилами и не без удовольствия наблюдавшему за этой сценой...

Село Спасское имение Скобелевых

Но однажды в Спасском, родовом имении Скобелевых на Рязанщине, куда ежегодно выезжала семья, произошел случай, который привел к изгнанию немца из дома и тем самым положил конец угнетающему душу и ум воспитанию. Михаилу исполнилось в ту пору двенадцать лет. Скобелевы жили с соседями дружно, наезжали к ним с визитами и устраивали у себя хлебосольные приемы на православные праздники. На одном из них Михаилу приглянулась соседская девочка. Как правило, мальчишки в этом возрасте почти все безнадежно влюблены и полны рыцарских побуждений. И когда оскорбляют в присутствии избранницы, ну, например, награждают обычным тумакон, то разве это в состоянии выдержать юная душа! Конечно, нет! На тумакон следует ответить: звонкая оплеуха, возвестившая гувернеру, что перед ним стоит мужчина с характером, далеким от того, который ему так и не удалось слепить многолетними потугами. Звук пощечины дошел и до скупого на чувства Дмитрия Ивановича. Гувернер получил расчет, а отцу пришлось немало передумать, прежде чем окончательно решить судьбу сына. Полковник гвардии рассуждал так. Ни ликом, ни телом, ни норовом мальчуган для военного поприща не подходит. Не в меру шупл. Много читает. Памятлив. Обидчив,

словно девица красная. Скрытен. А при определенных обстоятельствах прямо до nepотpeбнoсти, дорожит прописными истинами. В людях более всех качеств ценит доброту, готов сразу на нее откликнуться или, напротив, затаиться в себе, если поймет, что это обман. Короче, такие мысли не могли не привести Дмитрия Ивановича к заключению, что военная карьера для его сына — несбыточная мечта. «А жаль!» — вздыхал он, вспоминая завещание Ивана Никитича. Между тем у родственников бытовало мнение, что если дать Михаилу должное образование, то из него может получиться настоящий ученый. Оставалось найти человека, которому можно было бы поручить заботы о сыне. Случай, казалось, сам шел в руки Дмитрию Ивановичу. На одном из великосветских приемов ему был представлен владетель парижского пансиона Дезидерий Жирарде, отзывы о котором были весьма похвальны.

Жирарде, всем сердцем привязавшись к России, использовал любую возможность, чтобы побывать в Петербурге и Москве. И, может быть, обаяние этого человека, умение с достоинством вести себя в обществе и блестящее знание русского языка во многом повлияли на решение Дмитрия Ивановича доверить ему воспитание и образование сына. Так Михаил оказался в Париже.

Опытный педагог, Жирарде без труда определил в юном Скобелеве душу возвышенную, искреннюю, полную жажды знаний, о громадном объеме которых свидетельствует то, что Скобелев впоследствии свободно говорил на восьми европейских языках и мог читать наизусть большие отрывки из произведений Бальзака, Шеридана, Герберта Спенсера, Геймли, среди русских писателей он особо ценил прозу и поэзию Лермонтова, социально звучащие стихи А. С. Хомякова, И. В. Киреевского. Скобелев был неплохим музыкантом, и те, кому удавалось слушать его игру на фортепиано и пение красивым баритоном, могли по достоинству оценить его. Каждый день из пяти лет, которые Скобелев провел во Франции, был наполнен массой впечатлений. Между учителем и учеником возникли незримая духовная связь и единomyслие. Жирарде без усилий направлял энергию юноши на познание мира, человеческих взаимоотношений.

Годы спустя Ольга Николаевна Скобелева, не единожды навещавшая сына в Париже, оценивая педагогические усилия Жирарде, говорила: «...нашему старому другу мы обязаны, что Миша стал сдерживать свою пылкую натуру... m-г Жирарде... развил в нем честные инстинкты и вывел его на дорогу». Сам же Жирарде о юном Скобелеве отзывался так: «... Михаил Дмитриевич в детстве был очень умный, бойкий мальчик, очень самостоятельный, любознательный и любил выводить свои решения». Любовь к воспитаннику не ослепляла разум, и где-то глубоко в душе зрело беспокойство за будущее Михаила Скобелева. Добродушный Жирарде повторял: «Он плохо кончит, говорю вам, что плохо кончит, потому что он сумасшедший, этот юноша!» Очевидно, что в этой фразе речь идет вовсе не об искаленной психике, а об особенностях характера, уже в ранние годы проявившихся у Скобелева. Он, по свидетельству Ж. Адам, «возмущался, еще с детства, против общепринятых правил». Попытка экспрессивной француженки представить Скобелева бунтарем не имеет почвы. Но то, что в его натуре уже в юном возрасте вызревал протест против схоластики, казенщины, оторванности знания

от реальной действительности, сомнению не подлежит. И не потому ли среди множества предметов, которым обучали в пансионе, Скобелев отдавал предпочтение истории, что во многом способствовало его гражданскому становлению. Жирарде сумел внушить ему, что «не знать, что было до того, как ты родился, значит, навсегда остаться ребенком». Это высказывание Цицерона Скобелев часто применял, когда приходилось отстаивать истину. С особой настойчивостью и тактом наставник воспитывал в Скобелеве чувство долга.

Став лучшим другом своего питомца, воспитатель последовал за ним в Россию, когда закончился срок обучения в пансионе. Так Жирарде обосновался в Петербурге на правах домашнего учителя семьи Скобелевых.

К сожалению, не сохранились свидетельства современников об образе мышления восемнадцатилетнего Скобелева. На его сверстников Париж и пребывание за границей накладывали порой такой отпечаток, что все русское, национальное казалось словно в кривом зеркале. Европеизированные юноши из общества, чувственно чмокавшие губами при воспоминании о времени, проведенном вне России, сыпали французскими и немецкими фразами и пренебрежительно фыркали при одном только упоминании мест, откуда вышли родом. Таким ли был Скобелев? Без сомнения, нет.

Он впитывал, словно губка, знания, восхищался многими сторонами жизни иностранцев, накапливал багаж впечатлений, но никогда не позволял презрительно относиться к своей стране и, может быть, проявлял излишнюю сентиментальность при воспоминании о пыльных рязанских дорогах, роскошных кудрявых липах, девичьим хороводом окружавших имение; о величественном, то задумчивом, то разливистом перезвоне колоколов на часовне в Спасском; о волшебном запахе ладана, в который, казалось, погружалось все имение в престольные праздники. Набожность юного Скобелева была сдержанной, лишенной внешних эмоциональных проявлений. По всей видимости, обязательное посещение православной церкви, непереносимое изучение Библии и пение молитв натолкнуло его на глубокое осмысление христианского учения, свое собственное понимание которого уже тогда в нем начало зарождаться. Не потому ли нет в более поздних высказываниях Скобелева строгого следования многовековым канонам, что трактовал он их по-своему, возведя в главенствующий постулат всеобщее славянское благоденствие, жертвенность в осуществлении высоких идеалов, сознательный труд и терпение.

Итак, Скобелев сумел сохранить привязанность к родной земле и потому изрядно волновался в ожидании протяжного гудка паровоза, известившего о скором свидании с Петербургом...

В 1861 году ему предстояло держать экзамены в Петербургский университет. Факультет он выбрал математический. Ровно год продолжались подготовительные занятия, ходом которых руководил профессор Л. Н. Модзалевский. В одном из писем читаем: «Сам я сдал с рук двоих учеников и с большим успехом, свидетелями которого были некоторые профессора и попечитель. Экзамен домашний производился у Скобелева с Адлербергом, в квартире молодого Адлерберга, сына министра (двора. — Б. К.). Успехами моего ученика остались довольны; на будущий год он будет держать экзамен в университет».

А. Ф. Кони, бывший в тот год в числе поступающих, много позже так описывал Скобелева: «...вышел ко мне навстречу молодой стройный человек высо-

Справка. По журналу Правления Санктпетербургскаго Университета

Августа 1 дня 1861 года, Михаила
Дмитриева сына Скобелева
изъ Дворянъ 18 лѣтъ, Православ-
наго — вѣровсповѣданія, принять въ
число *свѣдущихъ* студентовъ въ 1^ю
курсъ, по *Математическому*
разряду, о чемъ 28 Сентября сообщено Совету Уни-
верситета за № 2203, Инспектору Студентовъ за № 814,
и Бухгалтеру Правленія за № 2203.

Смотри опись о принятіи въ сту-
денты, начинающееся
1867 года №

Справка о зачислении М. Д. Скобелева
в Санкт-Петербургский университет

кого роста с едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвета и коротко остриженной головой. На нем, по моде того времени, были широчайшие серые брюки, длинный белый жилет и черный однобортный сюртук, а на шее, тоже по моде того времени, был повязан узенький черный галстук с вышитыми на концах цветочками. Манеры его были изысканно вежливы и обличали хорошее воспитание...» Они встретились во второй раз через двадцать лет — известный юрист и генерал-адъютант.

Но учеба в университете оказалась непродолжительной. Шел год провозглашения отмены крепостного права, год, всколыхнувший Россию студенческими волнениями, направленными против произвола и деспотизма, испокон веков насаждавшихся царизмом в стенах высших учебных заведений. Однако различие взглядов среди студентов было значительным. Одних захватил революционный порыв, других одолевал консервативный настрой, третьи же попросту ждали, чем закончится выступление за демократизацию учебного процесса. Последовало решение о временном закрытии университета и о прекращении занятий. Возле дверей *alma mater* многих поколений русских студентов, поблескивавшей окнами пустынных аудиторий, появились жандармы.

Какие мысли и чувства владели Скобелевым в этот бурный период? Ведь на его глазах бушевали доселе невиданные им политические страсти, а лексикон студентов изобилдовал словами «революция», «народное сознание», «рефор-

мы». Со студенческих скамей бесследно исчезали откровенные говоруны, а синяки и шрамы на лицах являлись вескими аргументами неблагонадежности. Можно предположить, что происходящее воспринималось Скобелевым с неподдельным интересом, но не более. Слишком большая пропасть отделяла сына начальника конвоя его императорского величества, «любимого при дворе человека», от небогатого в основной массе университетского студенчества.

Занятия в университете были приостановлены. Перед Скобелевым встала жизненная задача: что делать дальше? Кем быть? Где применить свои знания? Категоричный ответ отца: «На службе» Скобелев-младший расценил вовсе не как приказ. Год, проведенный в Петербурге, убедил, что прочные семейные традиции стали брать верх в его размышлениях. Чувствуя в себе призвание и любовь к военному делу, с завистью смотрел на сверстников, надевавших офицерские эполеты. Дмитрий Иванович, сетовавший несколько лет назад на немужской вид Михаила, был приятно поражен переменами в его облике. «Вылитый кавалергард», — подумалось тогда ему. Скобелев-младший будто прочитал мысли отца и бисерным почерком написал прошение императору о зачислении его юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк, тот, в котором некогда начинал службу Дмитрий Иванович. После непродолжительного хождения по инстанциям на прошении появилась размашистая императорская резолюция: «Удовлетворить».

ПРИЗВАНИЕ — СЛУЖБА

Кавалергардский полк во все времена считали самым аристократичным полком в русской кавалерии. Офицеры недаром шутили: дескать, голубая кровь течет не только в нас, но и в лошадях. Царственные особы шли первыми в списках полка. Во времена службы в нем Скобелева возглавлял список Александр II. Представители знатнейших российских фамилий, бароны, графы, князья, вели под уздцы на выезде в манеже арабских, ахалтекинских, донских скакунов, стоявших на аукционах баснословные суммы. Но кроме внешнего блеска полк имел славную боевую историю, традиции. «Настоящий кавалергард должен быть без страха и упрека» — таков был девиз полка.

Первое боевое испытание полк держал в 1805 году при Аустерлице и в проигранной битве заслужил похвалу Наполеона: «...*Regiment a fait noblement son devoir*»*. В Тильзите кавалергарды входили в состав императорского конвоя и лицеизревали того, кто так лестно отзывался о них. Под Витебском, Смоленском и при Бородино они яростно рубились в самых жарких точках сражений. Грозное звучание полковых труб и литавров сопровождало бегство неприятеля из России. В полку долго ходили рассказы о вступлении конной гвардии в Париж, а в знаменном зале стояли георгиевские штандарты с надписями за Лейпциг и Кульм, как постоянное напоминание о славном боевом пути.

Память о прошлом не служила помехой веселому и бурному течению мир

*...Полк с честью выполнил свой долг.

М. Д. Скобелев — юнкер кавалергардского полка

ной жизни, в которой соперничали в сорении банкнотами, в поклонении Бахусу, в проказах, в удали, в джигитовке, во владении оружием, в преданности войсковому товариществу.

22 ноября* 1861 года Скобелев предстал вместе с такими же, как и он, юными воинами перед командиром полка генерал-майором князем Барятинским. В день принятия воинской присяги Михаил Скобелев услышал такие слова: «Без сомнения, братцы, вы сознаете, что служба ваша почетна; охраняя

* Посвящение в кавалергарды и вручение оружия приурочивалось, по обыкновению, к одному из христианских праздников. Покровителями кавалергардов считались святые Захарий и Елизавета — отец и мать Иоанна Крестителя, предтечи Христа. Их имена носила и полковая церковь. Архистратиг Михаил — начальник ангельских воинов — покровительствовал третьему эскадрону, а Александр Невский и св. Георгий Победоносец — соответственно второму и четвертому. Их праздники приходились на 23 и 26 ноября.

священную нам всем особу Государя Императора и защищая Св. Веру нашу и дорогую нашему сердцу Русь., вы приносите великую пользу своей родине.

Почему говорят, что служба наша честная и святая? Потому, что для пользы общей — всей земли русской — мы жертвуем нашей кровью и жизнью».

Какие мысли пронеслись в голове Скобелева, когда на посвящении он поцеловал Евангелие и крест? Отныне он навсегда отрешался от бытия спокойного, размеренного, далекого от опасностей и вступал в жизнь, где действовали присяга, законы воинской чести и доблести, долг, дисциплина, ответственность, где человек оценивался по ратному мастерству. Готов ли был восемнадцатилетний юноша к такой жизни? Физически — нет. Поэтому ему многих трудов стоило стать вровень со всеми. Надо сказать, что к новичкам снисхождение было лишь в мелочах, послаблений по службе ждать не приходилось. Постигать мудреную науку владения конем, стрельбу, рубку, действия в строю Михаил Скобелев начал с нуля; с сигнала побудки и до сигнала зари занимался он в манеже, в учебном городке, в классе, а по ночам при свете свечи читал описания войн и сражений, книги по истории военного искусства. Знать больше того, чему тебя учат, — такой принцип сформулировал для себя молодой кавалергард и следовал ему на протяжении всей жизни. А вот что говорилось о Скобелеве в одной из первых аттестаций: «Служит ретиво, не щадя себя». Не потому ли менее чем через год (8 сентября 1862 года) его производят в портупей-юнкера?!

Как дворянин, он имел право на льготное получение первого офицерского звания после двухлетней службы юнкером. Но уже 31 марта 1863 года на его плечах заблестели офицерские погоны. Корнет Скобелев не позволил товарищам усомниться в верности и преданности традициям, и производство в первый офицерский чин кавалерии было отпраздновано на полковой вечеринке. На ней много говорилось и о его успехах и уважении, которое он завоевал у сослуживцев, еще помнивших деда и хорошо знавших отца. Но похвальные слова не вскружили голову Скобелеву. Уже на первых шагах офицерского становления он взял за правило реально оценивать свои достижения.

До 19 марта 1864 года Скобелев проходил службу в кавалергардском полку. Затем по прошению был переведен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, который имел славное боевое прошлое и носил долгие годы имя легендарного героя Отечественной войны Я. П. Кульнева. А 30 августа 1864 года Скобелева производят в поручики.

В таком стремительном шествии по ступенькам военной карьеры не было ничего предосудительного. Император, с неизменной симпатией относившийся к гродненцам, дядя — министр двора — и, конечно, отец во многом способствовали тому, что Скобелев в считанные годы стал на одну ступеньку с теми, кто начал службу ранее его. И то, что вскоре на его погонах появилась еще одна звездочка, подтверждает сказанное. Правда, и Скобелеву нельзя отказать в завидном трудолюбии, полнейшем пренебрежении к трудностям армейской жизни. Уже тогда у него начали проявляться черты, которые создадут ему впоследствии всенародное признание. В воспоминаниях офицеров Гродненского полка Скобелев остался «истым джентльменом и лихим кавалерийским офицером». В воспоминаниях одного из сослуживцев есть такие слова о нем: «Чудак. Отличный малый, лихой, берет сумасшедшие барьеры».

В 1866 году Скобелев подает прошение о зачислении в Николаевскую академию Генерального штаба и в этом же году блестяще сдает вступительные экзамены.

Созданная Николаем I в 1832 году в качестве «центральной стратегической школы» и укомплектованная преподавательским составом, утвержденным лично им, академия готовила высший командный состав для русской армии, исходя из формулы: плац, парад, палка.

Однако реформы 1861 года, и в частности военная реформа, уроки Крымской войны и новый шаг в развитии вооружения выдвинули ряд новых требований к подготовке командного состава русской армии. Значительно расширилась сеть юнкерских училищ, заново пересматривались учебные программы и соответственно требования к офицерским кадрам в свете развития военного искусства. В борьбе с косностью и рутинерством, сплошь и рядом существовавшими в стенах военно-учебных заведений, рождался новый принцип: учить офицера тому, что ему понадобится на войне. Не осталась в стороне от таких прогрессивных преобразований и академия, в которую поступил Скобелев. Веяния времени постепенно вытесняли устаревшие взгляды. Но процесс этот лишь начал набирать силу. Поэтому многие вопросы требовали критического осмысления и подтверждения практикой, то есть войной.

Скобелев учился в академии Генштаба, когда ее возглавлял генерал-майор А. Н. Леонтьев. В официальных источниках время пребывания его на этом посту оценивается как эпоха ее расцвета. Уже то, что академические кафедры возглавляли видные военные теоретики России Г. А. Леер, М. И. Драгомиров, А. К. Пузыревский, а в число главных предметов входили тактика, стратегия, военная история и международное право, свидетельствует о серьезных намерениях дать выпускникам довольно обширный багаж знаний.

В академии Скобелев с трудом подходил под общую мерку. Существовало как бы два Скобелева: один — сама скромность и непритязательность. Жесткая кровать, образок Богородицы в изголовье, подсвечник, множество книг, рояль, на котором он изредка играл, — вот и все, что имелось в его холостяцкой квартире. Другой — безудержное буйство, всевозможные проделки, которые доставляли немало хлопот родным, шумные офицерские пирушки с обильными возлияниями и похождениями, иногда с драматическими финалами. Товарищи ценили его, начальство и преподаватели считали его способным, но ленивым. На самом же деле Скобелев занимался с огромным рвением тем, что его привлекало, и часто пренебрегал теми требованиями, которые предъявляли к нему некоторые академические педанты. Одно время в профессорской даже высказывалось мнение о его исключении, поскольку он «совсем бросил ходить на лекции, а рапорта о болезни не присылает, да и гуляет по городу. Просто невозможный шалопай». Способ пассивного сопротивления казенщине, выбранный Скобелевым, может показаться несколько странным, если учесть, что по истории военного искусства, по военной и политической истории, русскому языку и литературе, по иностранным языкам и вообще по предметам общего образования он имел высшие баллы и был в числе первых.

Что касается сведений о первых опытах Скобелева в исследовании законов войны и оценки деятельности многих русских полководцев, то один из первых его биографов — М. М. Филиппов сообщает, что сочинения Скобелева пользо-

вались популярностью среди слушателей, вызывали одобрение и споры.

Тот же автор рассказывает о практическом экзамене. Скобелев должен был отыскать место переправы через Неман. Когда экзаменационная комиссия, возглавляемая профессором Г. А. Леером, подъехала с проверкой к Скобелеву, то все были немало удивлены тем, что выпускник находился на том самом месте, где они его оставили некоторое время назад, рядом пасся и его вороной. Вместо ответа на вопрос: «Ну так где же место, выбранное вами для переправы?» — Скобелев вскочил на коня и, бросившись в воду, преодолел Неман туда и обратно. Леер был восхищен и ходатайствовал о зачислении Скобелева в Генеральный штаб. Незадолго до выпуска, 20 мая 1868 года, Скобелева производят в очередной чин — штабс-ротмистра.

Некоторое время он работает в Генеральном штабе, а затем в качестве его представителя направляется в отряд генерала Абрамова, на границу с Бухарским ханством. Пребывание в отряде было непродолжительным и носило чисто познавательный характер. По возвращении в Петербург Скобелев получает новое назначение, на сей раз с выездом на Кавказ, в отряд, где командиром был Н. Г. Столетов, которому молодой, энергичный офицер пришелся по душе. Но вот энергию Скобелева приходилось сдерживать. Направленный в Красноводскую область, Скобелев выпросил небольшую партию солдат и произвел в Закаспийском крае рекогносцировку, дерзкую и удачную, но не входившую в планы командования, что вызвало предложение возвратиться в Петербург. 5 июля 1872 года Скобелеву присвоили чин капитана и подыскали спокойную должность адъютанта штаба дивизии, располагавшейся в Новгороде, но назначение осталось формальным, так как в это время его привлекли в военно-учебный комитет Генерального штаба, являвшийся фактически оперативным отделением. Здесь перед Скобелевым открылась возможность проследить ход процесса реорганизации армии, стать свидетелем составления различного рода военных планов. Некоторое время он служит штаб-офицером для поручений в Московском военном округе до производства 30 августа 1872 года в очередной чин подполковника.

Служебные «блуждания» Скобелева по России в 1874 году прерваны женитьбой на фрейлине императрицы княжне Марии Николаевне Гагариной. Княжна не блистала красотой, но ровный, выдержанный и спокойный характер, проявлявшийся в ее мягком женственном облике и неспешной, распевной речи, должны были, наконец, по мнению Дмитрия Ивановича и Ольги Николаевны, «обуздать порыв». И, кажется, в первые месяцы это удавалось, иначе в письме отцу не было бы таких слов: «Спокойствие есть почти целое счастье на земле».

Свое удовлетворение Дмитрий Иванович не скрывает. Сын, принеший столько хлопот в улаживании его постоянных конфликтов и долгов, обрел семейную пристань. «Радуюсь твоему настоящему степенству, — пишет он Михаилу, попутно делая комплимент его молодой жене, — радовался радостью твоей жены, она накупила удачно тебе в кабинет ковров...»

Внешне Скобелев действительно изменился, но жажда жизни иной, деятельной, боевой, где властвуют удаля, соперничество в хождении между жизнью и смертью, увлекала его сильнее, чем устланная мягкими коврами тахта и спокойное и ровное потрескивание свечей в уютной квартире.

Он буквально вымалывает назначение в Туркестан* и при посредничестве дяди получает долгожданное предписание, обычный, деловой стиль которого вызвал у Скобелева массу чувств. Наконец наступило избавление от унылого кабинетного сидения и затеплилась надежда испытать свой жребий в настоящем, столь необходимом для России деле.

Отъезд в Туркестан стал первым шагом к разрыву с женой. Их брак был расторгнут в 1876 году.

По прибытии он напишет дяде: «Жить моей жизнью, сознаюсь, для женщины нелегко». В разговорах с друзьями Скобелев часто говорил, что «Игнатий Лойола только потому и был велик, что не знал женщин и семьи...» И все же в семейном кредо Скобелева имелась трещина, выражавшаяся в желании «поняничить своих скобелят».

К сожалению, это желание так и не осуществилось.

В ТУРКЕСТАНЕ

линен и труден путь от Петербурга до Ташкента. Но вот он позади, и Скобелев с головой уходит в подготовку своего отряда к боевым действиям...

Впрочем, сначала надо сказать несколько слов о Туркестане и его отношениях с Россией. XVII век положил начало связям России с Бухарой и Хивой, инициатива которых принадлежала этим ханствам. Петр I придал им более организованный и целенаправленный характер. И лишь занятость России более важными делами — борьбой за выход к морям — отодвинула на значительный срок среднеазиатский вопрос. И только в XIX веке взоры их императорских величеств обратились к Востоку, где столкнулись интересы двух держав — России и Англии. По этому поводу Ф. Энгельс писал: «Санкт-петербургские дипломаты отдавали себе отчет, насколько парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после индийского восстания 1857 г., завоевание Туркестана, начатое еще в 1840 г., стало неотложной задачей»**.

Поэтому вся предшествующая присоединению азиатской территории деятельность русского правительства свидетельствует о том, что главная направленность ее носила политический характер и заключалась в стремлении ослабить позиции Англии на Среднем Востоке, не позволить Лондону создать там блок государств, направленный против России. В данном контексте употребляются два термина — завоевание и присоединение, однако последний значительно шире, исторически точнее и включает в себя понятия как за-

* Туркестан — прежнее название территории в Средней и Центральной Азии. На территории Русского Туркестана было образовано в 1867 году Туркестанское генерал-губернаторство.

** Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 22. С. 45.

воевания, так и мирного включения в состав России ряда областей и районов. Результаты этого исторического события настолько значительны, что впоследствии сказались на всем ходе развития среднеазиатских государств.

В семидесятые годы XIX столетия Туркестан представлял собой обширный по территории край, в котором господствовали крайне отсталые феодальные отношения, переплетающиеся тесно с остатками патриархально-родового быта, варварскими пережитками рабовладельчества, где значительная часть населения вела кочевой образ жизни.

В экономическом отношении Туркестан находился в крайнем тупике. Производительность сельскохозяйственного и ремесленного труда здесь стояла на очень низкой ступени, несмотря на исключительные природные богатства и обилие сырья. Деспотичные ханы враждовали между собой. Народы страдали от этих междоусобиц, несших разорение колодцев, арыков, кишлаков и обращение в рабство. Политическая раздробленность затрудняла торговые связи с внешним миром.

Русские в Туркестане действовали не как завоеватели. Они объединяли разрозненные, кочующие, враждующие народы, прививали вкус к оседлой жизни, к устройству новых городов, дорог, арыков. Россия оберегала край своей мощью. Ф. Энгельс в письме К. Марксу от 23 мая 1851 года утверждал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»*.

Туркестанские кампании имеют много характерных особенностей, делающих их совершенно несхожими с войнами на европейском театре. Преодолевая безводные пространства под палящим зноем, по сыпучим пескам и солончаковым пустыням, русским воинам приходилось вести борьбу не только с противником, но и с самой природой. Отсутствие дорог, населенных пунктов и колодцев, а также корма для лошадей в совершенно безводных пустынях делало эти походы чрезвычайно трудными. Постоянная необходимость везти с собой и нести запас продовольствия, воду, дрова и фураж требовала значительного количества верблюдов. Добыть же их у кочевников было весьма трудно.

Как сложилась обстановка в Туркестане и какие события свершились к моменту приезда туда Скобелева?

Русские войска заняли левый берег Сырдарьи, на котором выстроили целый ряд укреплений, граничивших с владениями хивинского хана. Подстрекаемый духовенством и английскими советчиками, он отверг предложения о мире. Отряды хивинцев предприняли ряд нападений на укрепления, караваны, кочевья киргизов, числящихся русскими подданными, подбивая их к выступлению против России, создавая постоянную угрозу мирной жизни. И в какой-то мере они достигли своей цели, сделав почти невозможным караванное движение. Пленение, а следовательно, обращение в рабство русских достигали огромных размеров. В воспоминаниях очевидцев приводится

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 27. С. 241.

цифра — до пятисот человек в год. С невольничьего рынка в Хиве рабы отправлялись сотнями в соседний Коканд, а оттуда в Персию, Турцию. Правительство ежегодно отпускало на выкуп из неволи до трех тысяч рублей золотом. Это заставило туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана обратиться к хивинскому хану с требованием о прекращении подобного рода действий и о возвращении всех русских, захваченных в плен.

Однако хивинский хан с показным недоумением восклицал, что он не может взять в толк, чтобы пять или десять человек русских, бывших в Хиве и живших там по дружбе, безобидно, могли послужить поводом для войны. Но русские купцы, которые страдали от высоких рыночных пошлин и от беспорядка, свидетельствовали совершенно противоположное. Существовал даже ценник, по которому русские ценились гораздо выше других. Цена на мужчин колебалась от ста до двухсот тилль*, на женщин — от шестидесяти до трехсот тилль.

Учитывая эти факты, К. П. Кауфман доносил в Петербург: «Не предвзятой времени, мы должны идти на Хиву, хотя бы только для освобождения наших соотечественников, томящихся в тяжелом плену».

Скобелев приехал в Туркестан, когда подготовка к походу на Хиву была в самом разгаре. И вот здесь горячность и недостаток выдержки сослужили ему плохую службу, став причиной натянутых отношений с некоторыми офицерами, пренебрежительно отзывавшимися о нем как о петербургском выскочке. Скобелев умел постоять за себя и дважды дрался на дуэли. К. П. Кауфман вынужден был сделать ему выговор и откомандировать в Тифлис.

Но наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич рассудил по-своему. Скобелев пришелся ему по душе неординарностью мышления, порывистостью, неумемным желанием проявить себя. И Скобелев вновь пересек Каспий, получив назначение в Мангышлакский отряд полковника Ломакина. В состав экспедиции против Хивы также вошли Туркестанский, Оренбургский, Красноводский отряды и Аральская флотилия. Общее руководство осуществлял К. П. Кауфман**.

* Тилль — денежная единица, равная 1 рублю 80 копейкам.

** Воспитанник инженерного училища Константин Петрович Кауфман происходил из незнатной немецкой обрусевшей семьи, исповедовавшей православие. Всю свою офицерскую молодость он провел на Кавказе в стычках с горцами, немало сделал и для укрепления Прикаспия. В нем удачно сочетались качества военного инженера и войскового командира. За штурм турецкой крепости Карс во время Крымской войны был награжден саблей с надписью «За храбрость». Обладая обширными военными знаниями, организаторским талантом и будучи человеком честным и принципиальным, он двигался по ступенькам военной карьеры без помощи всемогущего родства и связей. До прибытия в Туркестан в 1867 году участвовал в разработке военной реформы, некоторое время находился в свите императора, затем заведовал канцелярией военного министерства и два года занимал пост Виленского генерал-губернатора. Высокой требовательностью и заботливостью о людях завоевал в армейской среде весомый авторитет.

Его прибытие в Туркестан дало краю как бы второе рождение. Глубоко изучив быт и нравы местного населения, он проводил гибкую политику умиротворения народов, сурово карал тех, кто пытался ввергнуть их в разлад и в многовековую рабскую тьму. Твердо отстаивая интересы России, К. П. Кауфман делал все, чтобы население видело не только поражавшие воображение блеск губернаторской свиты и торжественность смотров войск как демонстрацию мощи государства, ставшего гарантом мирной жизни, но и лояльность русских воинов к существующему укладу, к обычаям. При К. П. Кауфмане в Туркестане построено шестьдесят школ, две прогимназии — мужская и женская, а Ташкент получил первую в Средней Азии публичную библиотеку.

В апреле 1873 года русские войска выступили в поход из четырех пунктов. Скобелев командовал авангардом Мангышлакского отряда (две тысячи сто сорок человек) в составе трех рот пехоты, двух сотен казаков и двух орудий. От колодца к колодцу, от стойбища к стойбищу шел отряд к главной цели — Хиве. Палили от изнеможения верблюды, лошади, нестерпимо палящее солнце делало людей безвольными, появились больные. Многие версты нелегкого пути Скобелеву пришлось пройти пешком. Но он знал, что основная часть отряда, следующая за авангардом, должна пройти по разведанному, безопасному пути и что колодцы не должны достаться бродившим по пустыни воинственным кочевникам. В одной из стычек с ними Скобелев получил семь ран и вынужден был преодолеть часть дороги лежа в арбе.

12 мая Мангышлакский и Оренбургский отряды соединились в Кунграде, и общее командование перешло к генерал-майору Веревкину. До Хивы оставалось двести пятьдесят верст, и они оказались самыми трудными и самыми кровавыми. Не проходило ни дня без крупных стычек с хивинцами, которые сжигали оставшиеся позади мосты через арыки и реки, засыпали колодцы. Значительными силами они преграждали путь отряду у Ходжейли, Мангыта и других пунктов, но безуспешно: 28 мая авангард Скобелева стоял у Хивы.

Тем временем Туркестанский отряд, в котором находился К. П. Кауфман, остановился в полупереходе от Хивы. В ответ на известие о том, что хан бежал, в городе безвластие и одна часть жителей намерена оказать сопротивление, другая — открыть ворота русским войскам, К. П. Кауфман сказал: «Если хивинцы спокойно покорятся, то жизнь, собственность и жены их будут пощажены, так как русские пришли не завоевать Хиву, а наказать хана». Посланник обещал передать эти слова жителям, а К. П. Кауфман предупредил Веревкина, чтобы он со штурмом не спешил.

Но агрессивность защитников северной части города вынудила объединенный Мангышлакско-Оренбургский отряд действовать решительно: поначалу пресекать вылазки из-за стен, а затем, после разведки боем, которую осуществил Скобелев, было принято решение штурмовать город.

Хивинцы поливали русских свинцом. Ядра пушек, разрываясь, взбивали огромные фонтаны песка. Но удачные выстрелы русской батареи заставили замолчать их артиллерию. В брешь, пробитую в Шахабатских воротах, первым пробрался Скобелев. Следом за ним в крепость проникли две роты его авангарда и после скоротечного боя овладели стенами и башнями. После чего Скобелев со своим отрядом, с боем завоевывая каждую улицу, вырвался к ханскому дворцу. 29 мая 1873 года Хива пала.

Вскоре в город возвратился хан. Интересен диалог, при котором присутствовал Скобелев, состоявшийся между К. П. Кауфманом и Сеид-Мохамед-Рахим-Богадур-ханом, переданный американским корреспондентом Мак-Гаханом.

Кауфман: Если бы вы послушались моего совета три года тому назад и исполнили бы тогда мои справедливые требования, то никогда не видали бы меня здесь... Великий Белый Царь не желает свергать вас с престола. Он только хочет доказать, что достаточно могуществен, чтобы можно было оказывать ему пренебрежение... Великий Белый Царь слишком велик, чтобы вам

*Художник В. В. Верещагин с Георгиевским крестом,
которым обменялся с М. Д. Скобелевым*

мстить... Он готов теперь простить вас и оставить по-прежнему на престоле, при известных условиях.

Хан: ...Мне давали дурные советы...

Кауфман: Теперь вы можете возвратиться, хан, в свою столицу. Восстановите свое правление, судите свой народ и охраняйте порядок. Скажите своим подданным, чтобы они принимались за труды и занятия, никто их не тронет; скажите им, что русские не разбойники и не грабители, а честные люди; что они не тронут их жен и имущества.

Этот наглядный урок дипломатии Скобелев усвоил надолго.

Подтверждение проникавших и ранее в город слухов о том, что там, где появляются русские, исчезает рабство, вызвало у жителей бурную радость. Документально же отмена рабства была зафиксирована в ханском указе.

На Хиву была возложена щадящая контрибуция в размере двух миллионов двухсот тысяч рублей с ежегодной выплатой по двести тысяч рублей в казну. Война стоила гораздо больших денег.

Для Скобелева участие в Хивинском походе стало серьезной воинской школой, проверкой его физических и моральных качеств. Испытание Скобе-

лев выдержал с честью. И даже среди обстрелянных в боях туркестанцев он выделялся своим поразительным самообладанием и храбростью. Инициатива, верный глазомер, быстрота в принятии решений уже тогда отличали молодого офицера. Скобелеву часто приходилось выполнять наитруднейшие и опаснейшие задания, применяя изобретательность и находчивость. Начальство полностью полагалось на него.

В конце Хивинского похода он совершил выдающуюся по смелости и лихости рекогносцировку. Из четырех отрядов, посланных на Хиву, Красноводский не дошел до места назначения и, измучив лошадей и вьючных верблюдов, во избежание гибели возвратился. Расстояние более чем в пятьсот верст осталось неразведанным. Важно было выяснить причину неудачи. Для получения сведений об этом отрезке пути предлагалось снарядить небольшой отряд пехоты и кавалерии с несколькими орудиями. Скобелев вызвался разведать маршрут, а также сделать глазомерную съемку местности. К. П. Кауфман после колебаний дал на это согласие.

Перед выступлением в путь Скобелева видел участник Хивинского похода полковник В. А. Полторацкий. Вот как он описывает этот эпизод: «...Я вышел и в темноте... только по голосу узнал всадника. Скобелев, в туркменском костюме, высокой шапке и вооруженный с головы до ног, стоял перед нами и просил благословения на дальний, опасный путь... Дай ему Бог успеха, но увидимся ли с ним?»

Опасения В. А. Полторацкого оказались напрасными. Через неделю Скобелев с тремя туркменами и двумя казаками, сопровождавшими его, возвратился целым и невредимым, описал словесно и набросал на карте маршрут, колодцы и доложил сведения о ватагах вооруженных хивинцев, контролировавших местность.

— Неужели вы никого не встретили на пути, кто бы признал в вас русского? — обратился к нему состоящий при генерал-губернаторе художник В. В. Верещагин*.

— Конечно, встречал я народ, — ответил Скобелев, — но я всегда высылал вперед моих джигитов, они заводили разговоры о том, о сем, рассказывали при нужде и небылицы, чем отвлекали их внимание, а я тем временем проskalзывал вперед.

Попадись он — смерти не миновать. За эту рекогносцировку Скобелев был награжден орденом св. Георгия IV степени.

Уже тогда о русском подполковнике начали говорить в Европе.

* С художником Василием Васильевичем Верещагиным Скобелев познакомился еще в 1870 году в единственном ресторане Ташкента благодаря Жирарде, безотлучно следовавшему за своим воспитанником и учившему в то время детей К. П. Кауфмана. Судьба разлучала художника и полководца надолго. Но сводила вновь и объединяла кипучая жажда деятельности на благо Родины.

Привлекательная внешность Скобелева, умение держаться без рисовки, открытый располагающий взгляд, прямота в высказываниях и суждениях — все это сделало возможным знакомство, которое позднее превратилось в прочную мужскую дружбу.

Верещагин совершал поездку по Туркестану, чтобы запечатлеть в своих картинах этот край, его историческое прошлое, самобытную культуру, народ, красоты древней архитектуры, восточные пейзажи. Но не только это привлекало его. Он ехал узнать, что такое истинная война, о которой много читал и слышал на Кавказе. Василий Васильевич принимал участие почти во всех крупных сражениях, за что получил Георгиевский крест.

24 августа русские войска, оставив в Хиве небольшой гарнизон, покинули город. Отдельные подразделения были расположены почти во всех городах ханства.

Зимой 1873 года Скобелев получил отпуск и решил провести его на юге Франции. Скобелев и отдых — понятия несовместимые. Вне дел он буквально чах, становился скучным, раздражительным, его энергия нуждалась в применении, он искал ей выход и находил в труде, в совершенствовании знаний. Стол в снятой им на берегу моря квартире был завален книгами, чертежами. Скобелев находился здесь инкогнито, но навязчивые репортеры, пронюхав, что среди отдыхающих находится русский офицер, имя которого не раз появлялось в газетах, беззастенчиво вторгались в мир его мыслей и повседневного труда, а следом за ними, как правило, не было отбоя от любителей шапочных знакомств. Избавиться от них удавалось с великим трудом. И однажды, ко всеобщему удивлению, Скобелев внезапно исчез. Лишь через несколько недель его след обнаружился в Испании.

На протяжении ряда лет с небольшими перерывами на Пиренеях шла вооруженная борьба между регулярными королевскими войсками и партизанскими отрядами карлистов, названных по имени Дона Карлоса, возглавлявшего движение и являвшегося ставленником клерикально-феодальной партии, пытавшейся втащить его на испанский престол.

Скобелев, внимательно следивший по газетам за ходом военных действий, не мог удержаться от поездки в Испанию, чтобы почерпнуть в опыте войны что-то новое и найти этому применение в своих будущих походах. Исходя из сообщений прессы, он пришел к выводу, что действия партизанских отрядов карлистов представляют гораздо больший интерес для изучения, чем действия регулярной испанской армии.

Переодевшись в костюм испанца, под чужим именем он тайно пробрался в горную местность, где действовали отряды карлистов. На одном из сторожевых постов его задержали и с завязанными глазами доставили к Алоизу Мартинецу, ближайшему сподвижнику Дона Карлоса. При обыске у Скобелева обнаружили рекомендательное письмо, в котором Скобелев был назван русским путешественником. В беседе с лидером карлистов Скобелев сообщил, что вовсе не сочувствует движению, но в настоящее время не находит лучшего примера войны в горных условиях, когда плохо вооруженные и малочисленные отряды продолжительное время сдерживают натиск регулярных войск.

Алоиз Мартинец вспоминал, что всех поражала работоспособность Скобелева. Неразлучный со своей записной книжкой, он следил за тем, как строились укрепления в горах, как совершались горные переходы и организовывалась перевозка артиллерии, снарядов по узким тропинкам.

Эта поездка еще раз подтверждает прозорливость Скобелева, за несколько лет вперед предвидевшего, что вероятность войны в условиях, подобных испанским, в ближайшем будущем не исключена.

Скобелев покинул Испанию, когда распространился слух о том, что он прислан русским правительством. У него могли быть неприятности. На родине Скобелева ожидало радостное известие: 22 февраля 1874 года состоялось его производство в полковники. А 17 апреля — назначение флигель-адъютан-

том с отчислением в свиту царя. Но события не позволили выехать в Петербург и окунуться в беззаботную жизнь.

Покидая Туркестан на непродолжительное время, Скобелев не предполагал, что мир настолько непрочен, и достаточно будет одной искры, чтобы накалить обстановку. Жизнь в Ташкенте текла в ожидании непредсказуемого. Все началось с волнений в Кокандском ханстве, которым с 1844 года правил Худояр-хан. Волны политических страстей порой выкидывали его с насиженного трона. Дважды приходилось спасаться бегством в Бухару. А с тех пор, как в Ташкенте обосновались русские, он стал налаживать контакты с администрацией края, готовя себе возможное пристанище на случай очередного кризиса, который, кстати, не заставил себя ждать. Собственно, организатором стал сам Худояр-хан — тщеславный и коварный владыка, питавший утробную страсть к наживе и обложивший народ непосильными податями.

Народ восстал. К нему примкнула часть духовенства и феодалов. Несмотря на все потуги, Худояру не удалось силой подавить сопротивление. Занятый борьбой с восставшими, он не подозревал о заговоре в своем собственном доме, организованном против него сыновьями.

Скобелев волей судьбы оказался в самой гуще событий. К. П. Кауфман для выяснения ситуации в Коканде направил посольство под охраной Скобелева. Посольство возвратилось вместе с самим ханом, которому с семьей спешно пришлось покинуть столицу. Благодаря твердости и осторожности Скобелева удалось уйти от погони, не пуская в ход даже оружия. Так Худояр-хан оказался в Ходженте, а его место на престоле занял старший сын Насреддин-бек, человек слабовольный и нерешительный, ставший игрушкой в руках кокандской знати. В ее кругах давно вызревала идея газавата — «священной войны» против «неверных», то есть русских. Началась она с подстрекательских выступлений мулл в мечетях и дервишей на базарных площадях. В городах, занятых русскими гарнизонами, стало беспокойно. Кокандцы, вторгнувшиеся в губернаторство, совершали налеты на почтовые станции и зверски расправлялись с их персоналом. Поползли слухи, что огромное по численности конное войско идет на Ташкент. Распри внутри ханства были обычным явлением, и К. П. Кауфман не вмешивался, но когда они стали сопровождаться резней, гибелью купцов, мирных людей и затрагивать русские интересы, то пришлось позаботиться о безопасности. С 9 по 12 августа выдерживал трудную осаду русский гарнизон в Ходженте*.

И как знать, возможно, он и пал бы, не подоспей своевременно помощь отряда, возглавляемого Скобелевым. «А не малочислен ли наш отряд?» — спросил его капитан Михайлов. «Отряд в две сотни, — ответил Скобелев, — с четырьмя ракетными станками я считаю сильным и самостоятельным в здешних войнах». Уже на подходе к Ходженту отряд увеличился до восьми сотен. Он внезапно ударил по кокандцам, заставив их с большими потерями отступить от города.

На этом военные действия могли закончиться, но воинственный Абдуррахман-автобачи, талантливый вождь кипчагов, совершивший намаз** в Мекке, решил сражаться до конца. Фанатичный и честолюбивый, он по-

* Ходжент — ныне город Ленинабад.

** Намаз — мусульманский религиозный обряд — ежедневное пятикратное богослужение.

ставил на карту не только спокойствие обширного края, но и тысячи жизней простых кокандцев, кипчагов, кара-киргизов, вовлеченных им в боевые действия.

18 августа 1875 года отряд, состоящий из шестнадцати рот, девяти сотен казаков, с двадцатью орудиями и восемью ракетными станками, всего четыре тысячи человек, под командованием К. П. Кауфмана выступил из Ходжента. Скобелев в этом отряде командовал всей конницей. Примечателен его отзыв: «Я глубоко верю в казаков, как славную боевую силу, и за поход надеюсь доказать, что они при маленькой сноровке не уступят регулярной коннице».

Кокандский поход можно условно разделить на два этапа — осенний и зимний. 21 августа русские войска сражались у кишлака Каракчикум, где Скобелев продемонстрировал возможности казачьей конницы. Орудия давали залп по скоплению неприятеля, а затем стремительная мощная кавалерийская атака решала исход сражения. 22 августа почти пятидесятитысячная армия кокандцев сосредоточилась у города Махраме. Но русские войска имели уже достаточный боевой опыт, и численное превосходство уступило организации и умелому взаимодействию родов войск. Несмотря на отчаянное сопротивление, на затопленную перед укреплениями местность, на неимоверный огонь, Скобелев с отрядом ворвался в город. Его желтый знак метался по полю сражения, словно вихрь. Раненный в самом начале сражения в ногу, он не слез с коня до той минуты, пока противник не перестал сопротивляться. Победителям достались тридцать девять орудий и девятьсот пленных.

До Коканда движение войск было мирным, жители ханства выходили на дороги, население городов открывало ворота и встречало русских подношением даров. Участник этого похода подполковник Маев вспоминал: «Доверие населения к вступившему в Кокандское ханство русскому войску было полное». В Коканде К. П. Кауфмана встретил хан Насреддин. Здесь был подписан мирный договор, по которому подтверждалось право русского купечества на торговлю, к Туркестанскому губернаторству присоединялся правый берег Сырдарьи с городами Чустом и Наманганом.

Скобелев с двумя ротами солдат да шестью сотнями казаков еще несколько дней преследовал остатки отряда автобачи. Затем настиг его и разбил, захватив всю артиллерию и обоз. В руках Скобелева оказался «меккский значок» кокандского военачальника, но самому ему удалось скрыться.

Русские войска покинули Коканд. Почти следом за ними в город ворвался Абдуррахман (его поддержало кипчагское население, не желавшее признавать себя побежденным), сверг Насреддина и отдал престол предводителю кара-киргизов, получившему официальное имя Пулат-хан. Военственные призывы накалили обстановку, и «священная война» развернулась с новой силой. Кокандцы нанесли целый ряд ударов по русским гарнизонам, что вызвало ответную реакцию.

Для борьбы с противником был организован отряд под командованием генерал-майора В. Н. Троицкого в составе пяти с половиной рот пехоты, трех с половиной сотен казаков, шести орудий, четырех ракетных станков. Скобелев находился в нем в качестве начальника штаба. 1 октября отряд взял штурмом город Андижан, произведя блестящую атаку.

18 октября 1875 года Скобелев за боевые заслуги был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту и награжден шпагой с надписью «За храбрость».

Теперь ему поручили командование довольно значительным по силе отрядом, в который входило шестнадцать рот, семь с половиной сотен казаков, двадцать два орудия, четыре ракетных станка, рота саперов — всего четыре тысячи триста человек. Уже только простое перечисление говорит о том, что Скобелеву предстояло выступать в роли общевоинского начальника и выполнять довольно сложные боевые задачи по ликвидации очагов сопротивления, располагавшихся в основном в городах.

Скученность построек, узкие улицы, высокие глинобитные стены и заборы — все это осложняло обстановку. Тем не менее войска под командованием Скобелева в течение двух месяцев разбили мятежников.

За отличие в Кокандском походе Скобелев был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», Георгиевским крестом III степени, орденом Владимира III степени с мечами. Воистину головокружительная карьера. В тридцать два года — генерал-майор, обладатель высших воинских наград за храбрость. Но если учесть, что и награды, и отличия завоеваны в наиболее сложных переходах, то для зависти места не найдется. И действительно, среди тех, с кем Скобелев делил все труды Кокандского похода, не нашлось ни одного, кто бы попытался очернить его заслуги: все сверталось на глазах многих, а личная скромность и простота, оставшиеся в обращении у Скобелева при его стремительном взлете, импонировали сослуживцам. Неизменный успех в сражениях, в которых принимал участие Скобелев, служил наглядным подтверждением правильности его взглядов и принятых решений. Действуя на поле боя быстро и решительно, храбро и тактически грамотно, он выходил победителем даже из самых сложных боев. Всегда одетый во все белое, на белой лошади, он оставался целым после яростных схваток с врагом. Здесь уместно сказать о необычайной суеверности Скобелева и его убежденности в том, что в белой одежде он не будет убит. Кроме того, уже в то время о нем сложилась легенда, что якобы он заговорен от пуль. Все это покрывало его имя особым ореолом. Даже в самых отдаленных кочевьях имя Ак-паши*, русского военачальника, знали и произносили одни с боязнью, другие — с уважением.

По указу царя от 18 февраля 1876 года Кокандское ханство упразднилось, а его территория преобразовывалась в Ферганскую область, которая вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Первым губернатором области и начальником войск, располагавшихся в его пределах, был назначен Скобелев.

Правитель канцелярии Туркестана генерал А. И. Гомзин, в руках которого находились кадровые перемещения, с опасением говорил К. П. Кауфману: «Не рискованно ли было... назначать на ответственный административный пост слишком ретивого кавалериста?» На что К. П. Кауфман ответил: «А вот, Андрей Иванович, сделаем опыт, авось этот кавалерист нас не осрамит».

* Ак (тюрк.) — белый.

Чувствуя в лице А. И. Гомзина явного недоброжелателя, Скобелев, хорошо разбиравшийся в людях, прибег к лести: «Ваше превосходительство видит перед собой новичка в гражданской службе, у которого нет ни знаний, ни опыта; ему нужен руководитель, и он пришел искать его в лице вашего превосходительства». Такой тон во многом смягчил Гомзина и как рукой снял высокомерие и пренебрежение.

С присущей ему энергией Скобелев взялся за устройство разоренного военными действиями края. Уже к концу апреля Ферганская область по своему административному устройству мало чем отличалась от внутренних губерний России. Образовывались уезды и их управления, областное управление и губернаторская канцелярия рассылали указы и инструкции, становилось на ноги городское хозяйство. Возле дома, который занимал Скобелев, и в людных местах появились объявления, извещавшие жителей, что генерал-губернатор принимает просителей по любым вопросам ежедневно утром.

Одним из наиболее важных направлений административной деятельности Скобелева стало установление прочного спокойствия в губернаторстве, для чего требовалось прекратить вражду между отдельными племенами. Главное, Скобелеву удалось сохранить мир. Он твердо знал, что ни в чем так не нуждался край, как в новых дорогах, арыках, и они строились невиданными доселе темпами. Но, пожалуй, ничто не решалось с таким огромным трудом, как полная ликвидация рабства и упорядочение системы налогов. Эти меры вызвали большое одобрение у простого народа.

К. П. Кауфман писал в Петербург: «Михаил Дмитриевич занимается серьезно своим делом, вникает во все, учится и трудится... Народ подает «арсы» (просьбы. — Б. К.) с полным доверием и, кажется, доволен своим теперешним положением...»

Из столицы во вновь приобретенные владения потянулись высокопоставленные инспекторы и визитеры. Скобелев встречал гостей с необычайной помпезностью и поражал восточным гостеприимством и обилием развлечений. Но за время долгого обратного пути восторги и впечатления становились умереннее и уступали место зависти и недобрым мыслям, которые в великосветских кругах обретали реальные очертания в виде нелестных отзывов и сплетен о молодом генерал-губернаторе. О них в весьма противоречивых строках повествует американский военный агент в России А. Грин. Уже в ту пору «Скобелев ...пустился в поход против интендантских чиновников... И так как они столь же ловки, сколь неразборчивы, то и не замедлили обвинить его в Петербурге в весьма серьезных злоупотреблениях. Один флигель-адъютант послан был для расследования дела; холодно принятый генералом..., флигель-адъютант вернулся в Петербург с докладом, в котором Скобелев обвинялся во взяточничестве на сумму около миллиона рублей».

Скобелев, как непримиримый противник обкрадывания солдат, не позволял никому запускать руку в государственный карман и жестоко карал тех, кто пытался нажиться на недоплате и недодаче. Это создало ему множество врагов, которые вели нечистоплотную борьбу против генерала.

Вот как развернулись дальнейшие события. Скобелев вынужден был

испросить у К. П. Кауфмана отпуск и спешно выехал в Петербург, где представил все счета и бумаги в Государственный Контроль. Генерал был оправдан.

В письмах, получаемых К. П. Кауфманом из Петербурга, недоброжелатели Скобелева обозначены буквами латинского алфавита, поскольку близость их ко двору была очевидной. Однако именно они высказывали сомнения в оценке деятельности Скобелева и уж совсем не принимали его отказ от помощников с громкими титулами.

За время пребывания Скобелева на посту губернатора в нем наглядно раскрылся талант администратора новой школы, умело подбиравшего и составлявшего кадры. Им был отменен под страхом сурового наказания обряд преподношения дорогих даров. Своим единственным достарханом Скобелев распорядился так: продал подарки на аукционе за три тысячи рублей, купил землю, построил на ней кишлак, провел к нему арык и поселил часть беднейших семей.

Не оставался вне его внимания и быт русских солдат. С небывалой скоростью строились военные городки, с уютными чайными, с библиотеками, школами. Стремясь заложить в солдате чувство собственного достоинства, Скобелев требовал беречь репутацию русской армии, боролся с малейшими проявлениями челоковенавистничества. Но ничто не могло идти в сравнение с той радостью, с которой было встречено решение Скобелева о вызове из России солдатских жен. И вскоре рядом с военными городками выросли русские слободки, где звучали женские голоса, раздавался детский смех и плач младенцев. Скобелев не жалел ни сил, ни средств на их благоустройство, и многие вышедшие из службы солдаты навсегда оставались в Ферганском крае.

Скобелеву, как губернатору пограничного с колониальными владениями Англии края, пришлось столкнуться с решением острой политической проблемы: оказания всеми средствами решительного отпора проникновению английского влияния в пределы области. И здесь у Скобелева раскрылось еще одно дарование — тонкое понимание обстановки и целей английской политики в Азии. В то время, когда английские пушки стояли на улицах Кабула, британские газеты вопили: Россия идет на Индию! Отповедь имперским дипломатам в устах Скобелева звучала примерно так: «Мы за твердое будущее границ наших и не ищем чужих земель в английских колониальных пределах, простершихся в Азии от Тегерана до Пекина, но и не позволим английскому штыку блеснуть в долинах Ферганы и Коканда».

Границы Ферганской области до присоединения к России имели весьма расплывчатое и приблизительное изображение на картах. В условиях же реального соприкосновения с английскими владениями они легко могли стать яблоком раздора. По мнению Скобелева, Россия должна обезопасить себя в Европе, предприняв решительное движение за Тянь-Шань и заставить признать весь Ферганский Тянь-Шань русским.

Было известно, что Англия и Цинский Китай вели острую дипломатическую борьбу между собой за раздел сфер влияния в этом обширном горном регионе, где в ту пору проживали припамирские таджики и памиро-алайские киргизы. Последние в начале XIX века попали под власть кокандских

ханов, которые установили режим жесточайшего угнетения кочевников-скотоводов. Бесправие, нищета, голод, эпидемии, уносившие иногда тысячи жизней, грозили им полным вымиранием. Киргизы неоднократно восставали против кокандского владычества и не раз обращались к России с просьбой о покровительстве. Вот что говорилось в одном из писем, полученных в канцелярии Туркестанского генерал-губернатора: «Положение киргизов вам хорошо известно... Мы несчастные кокандские подданные могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие». Положение киргизов Алая в некоторой степени облегчалось тем, что северные их сородичи уже присоединились к России, но лишь только по окончании Кокандского похода стало возможным совершить экспедицию в страну гор.

В «Туркестанских ведомостях» от 30 августа 1876 года говорилось, что К. П. Кауфман «приказал генералу Скобелеву двинуть небольшие отряды к горам, коим занять главнейшие выходы из гор в долину и идти с главными силами в восточную часть гор». Скобелев спешно, но без суеты снарядил, подготовил и лично возглавил экспедицию за Алайский хребет.

Отряд в составе восьми рот, четырех сотен казаков, трех горных орудий и ракетной батареи две недели обследовал огромный горный массив, населенный многочисленными кочевыми племенами. Специалисты — этнографы, метеорологи, топографы трудились на совесть. Скобелев требовал от них точности, достоверности исследований, поддерживал разумную инициативу и, словно очарованный странник, не мог без восхищения взирать на могучие и таинственные конусообразные пики, на удивительное переплетение караванных троп, на причудливую игру солнечных бликов в студёных брызгах водопадов, на веющие могильным холодом ущелья, на великолепие красок высокогорных лугов.

Освободив край от мятежников, русский генерал призывал к сотрудничеству и торговле.

И царица Алая Курбаджан-Датхо, уставшая от нескончаемых распрей с крупными феодалами и своими сыновьями, избрала путь сближения с Россией. Скобелев протянул ей руку, и она не повисла в воздухе. Царица Алая просила его быть «тамыром» — другом. Покидая южную Киргизию, генерал получил твердые заверения в неукоснительном соблюдении договоренности, подтверждением которой стал прочный мир и реальные очертания границ Российской империи, а в руках простых киргизов заблестели косы. И не слишком мудреная, но доселе незнакомая наука косьбы навсегда вошла в их быт.

В заботах и хлопотах быстро прошел год, и как ни мало еще сделано на посту генерал-губернатора, важные события, надвигающиеся в Европе, не могли оставить Скобелева равнодушным. Прощел почти месяц с того дня, как он отправил прошение царю о назначении в Дунайскую армию. И вот получен ответ. Скобелева поразило его содержание. Смысл многих «бы» сводился к тому, что в будущей войне и без него обойдутся.

Губернатор прошупывает отношение к нему в Зимнем дворце через графа Адлерберга: «...Я считаю предложить себя на какую бы то ни было чистую должность в действующих войсках логическим последствием всего моего прошлого и поступить иначе я относительно самого себя не могу...», а в ка-

честве пожелания: «...командовать бригадою, если возможно, то пехотною, в бою было бы для меня верхом счастья». Но даже и всемогущие связи оказались не в состоянии пробить брешь в паутине интриг, которые начали плестись задолго до прибытия Скобелева в столицу. С чувством досады со- бирался он в путь.

Но решение принято: хоть рядовым, но участвовать в войне. В войне, которая должна принести свободу целому народу.

асковые лучи солнца, vyplывающего из-за нависших над зелеными долинами Балканских гор, теплые волны Черного моря, скользящие по золотистому прибрежному песку, гроздя спелого винограда, возвращенного заботливыми руками, пьянящий дурман известных во всем мире розовых плантаций — все это Болгария. Но и этот благословенный уголок, созданный природой, и живущие на этой земле люди вот уже несколько веков томятся под ненавистным турецким игом. У народа было отнято все, но жажду свободы, непокорность, гордую любовь к своей Родине не смог убить и тяжкий пятивековой гнет.

Читая в газетах сообщения с Балкан, Скобелев сознавал, что именно этому району суждено стать в недалеком будущем местом, где развернутся важные события, которые так или иначе должны повлиять на судьбу многих государств и в которых он непременно должен участвовать.

Оставить почетную губернаторскую должность, пренебречь выгодами, которые сулило длительное пребывание на этом высоком посту, пренебречь спокойной жизнью, броситься в огонь сражений, без сомнения более жестоких и широкомасштабных, чем предыдущие, и, может быть, познать измену фортуны, до сих пор щадившей его, и сложить голову в одном из боев — вот на что решился Скобелев. Но в этом решении трудно усмотреть опрометчивость, если учесть, с какой глубиной и серьезностью он изучал положение южных славян и политическую обстановку, которая сложилась в Европе к середине семидесятых годов.

Континент раздирали восстания, противоречия. Но, пожалуй, ни в одном районе они не были так остры, как на Балканах. Интересы Англии, России, Турции, Австро-Венгрии, Германии здесь переплелись в единый клубок. По-разному глядели из министерских, императорских, султанских и президентских кабинетов на Балканский полуостров: одни с ненасытным аппетитом, как на лакомый кусок, другие с нескрываемой надеждой на то, что именно в этом районе наконец-то восторжествует справедливость и славянские народы обретут долгожданную свободу.

Началом первого этапа освободительной борьбы против турецкого господства стало вспыхнувшее в Герцеговине летом 1875 года восстание против национального и феодального гнета турецких поработителей. Вслед за Герцеговиной поднялась Босния. Все это вызвало резкое осложнение ситуации в Европе.

Разрешить возникший кризис, получивший название восточного, взялись великие державы, но только с одной из них, с Россией, народы Балканского полуострова связывали свои надежды на поддержку в мужественной и справедливой борьбе. И они не ошиблись. Русский народ оказывал героическим повстанцам материальную помощь: от сбора средств на приобретение хлеба и оружия до непосредственной помощи медицинским персоналом. Росла год от года солидарность народов России с освободительной борьбой южных славян. На Балканы выехали десятки русских добровольцев.

Главные европейские государства в период восточного кризиса занимали различные позиции. Германия пыталась использовать его для ослабления России. Бисмарк рассчитывал втянуть ее в войну с Турцией, а затем стравить Россию с Австро-Венгрией, благо яблоко раздора, пресловутый восточный вопрос, не был решен. Россия, еще не совсем оправившаяся после Крымской войны и ее последствий, в начале восточного кризиса не имея возможности открыто проявлять чувства, заботилась лишь о сохранении своих позиций на Балканах и поддержании своего престижа среди братьев-славян. Что касается Англии, то ее желания несколько совпадали с желаниями Германии, но если Германия опасалась помощи России Францией, то Англия просто мечтала, чтобы Россия увязла в кризисе и руки русского императора не дотянулись до границ с Индией. Тем временем, пока велись различного рода дипломатические интриги, на стороне Боснии и Герцеговины выступили Сербия и Черногория. Слабость их сил не вызывала сомнений, и потому весь ход боевых действий строился из расчета на помощь России. Но Россия на первом их этапе сохраняла нейтралитет, пытаясь дипломатическим путем решить балканскую проблему. Вступление в войну Сербии и Черногории вызвало в России новую волну всенародного сочувствия южным славянам. В движении помощи приняли участие все слои русского общества, призывавшие царское правительство активно вмешаться в войну, так как обстановка в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине стала складываться явно не в их пользу. 19 октября 1876 года царское правительство предъявило Турции ультиматум. Султан принял его условия, поскольку не был подготовлен английскими суфлерами к столкновению с Россией, да и Англия в этот момент мало чем могла ему помочь. Но вероятность войны с Турцией не уменьшилась, наоборот, ее приближение чувствовалось с каждым месяцем все больше.

Не менее драматические события развернулись в апреле 1876 года в Болгарии, народ которой решил покончить с турецким господством. С первых дней восстания в России с неослабным вниманием и сочувствием следили за ходом героической борьбы. Возглавлял ее Христо Ботев, пламенный проповедник революции и крупный революционный организатор. Неудовлетворительная подготовка восстания сказалась на его исходе. Турки с невероятной жестокостью подавили его и расправились с восставшими болгарями. Было вырезано несколько десятков тысяч человек, сожжены дотла сотни сел и городов. Сам Ботев погиб.

Несмотря на то, что апрельское восстание не увенчалось успехом, оно нанесло удар, от которого содрогнулись прогнившие основы Османской империи. Дабы уберечь страну от новых потрясений, Стамбул 23 декабря

1876 года ввел в Болгарии Конституцию. Но разве это то, о чем мечтали болгары? Надежда на свободу потонула в словесной казуистике. И единственным государством, которое могло помочь болгарскому народу решить задачу национального освобождения, была Россия. Но могла ли страна в тот момент поступиться значительной частью сил, которые собирались с невероятными трудностями? Наверное, нет.

...Ряд проведенных реформ привел к значительному ускорению развития капитализма, однако сложности пореформенного периода не позволили полностью осуществить перевод экономики, и особенно военной, на капиталистические рельсы. Касаясь состояния государства, Д. А. Милютин, бывший в то время военным министром, писал: «Внутреннее и экономическое перерождение России находится на таком фазисе, что всякая внешняя ему помеха может повести к весьма продолжительному расстройству государственного организма. Ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено. Экономические и нравственные силы государства далеко еще не приведены в равновесие с его потребностями. По всем отраслям государственного развития сделаны или еще делаются громадные затраты, от которых плоды ожидаются лишь в будущем».

Вот в таком состоянии подошла Россия к началу войны.

Ф. Энгельс очень точно отметил в письме к Л. Кугельману: «Война на Востоке, очевидно, скоро разразится. Русские никогда не имели возможности начать ее при таких благоприятных дипломатических условиях, как именно теперь. Зато военные условия менее благоприятны, чем в 1828 году, а финансовые крайне неблагоприятны для России, потому что ей никто не даст ни гроша займа»*.

Не в характере русского народа стоять в стороне и быть обычным созерцателем тяжких страданий болгар. Зверства турок вызвали чувства глубокого возмущения. По всей стране прокатилась волна негодующих протестов. Создавались славянские комитеты, усилилось движение поддержки славян в их борьбе против султанской Турции. В защиту прав мужественного и героического болгарского народа выступили выдающиеся русские ученые, писатели, художники: Д. И. Менделеев, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, И. Е. Репин и многие другие. По всей России начался сбор пожертвований. Вот одно из многих писем, посланных вместе с деньгами в один из комитетов крестьянами села Вязовый Гай Самарской губернии. Они писали: «По горькому опыту зная, как тяжело жить в несчастье... Знаем, что невелика наша помощь, состоящая в 143 руб(лях), но она приносится от чистого усердия и посильных средств не богатых людей, а мужей, жен и даже детей бедного сословия».

Забегая несколько вперед, скажем, что в день отъезда Скобелева из Спасского обитатели имения и крестьяне вручили ему небольшой мешок, туго завязанный бечевой, в котором позвякивали деньги «на войну». Долой известно, как Скобелев дорожил крестьянскими грошами и, раздавая их, присовокуплял зачастую и свои деньги особо отличившимся сол-

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 34. С. 169.

датам. Слова, которыми он сопровождал вручение трудовых денег, не оставляли сомнения в том, что они шли от сердца.

Пожалуй, трудно было в то время найти в России человека, который бы ратовал против начала войны с Турцией. И с этими настроениями народа не могло не считаться царское правительство.

Готовился к войне и «больной человек» — так с 1839 года стали называть Турцию, хозяйство которой, до сих времен обширное, богатое и спокойное, стало разваливаться, потому и надежды на победу связывались лишь с «родственной помощью».

События в конце 1876 года разворачивались следующим образом. В России была проведена мобилизация, в результате которой численность Дунайской армии, предназначенной для ведения боевых действий против Турции на Балканском театре (одновременно на Кавказе переступала границу азиатской Турции Кавказская армия), достигла двухсот тридцати пяти тысяч человек. Во главе Дунайской армии стоял главнокомандующий, назначаемый самим царем и наделенный большими правами. Именно в руках главнокомандующего и его штаба находилась судьба всей предстоящей кампании.

Эпоха начала развития капитализма не способствовала появлению достаточно ярких личностей военачальников. Стычки с горцами на Кавказе и в Средней Азии не принимались всерьез. Ехать воевать с «халатниками» высшие чины считали ниже своего достоинства, поэтому делали карьеру на петербургских балах и участвуя в дворцовых интригах. И вдруг — война в Европе, притом с извечным врагом России Турцией. Желающих отличиться тьма. Все хотят стать героями. А раз надо, значит, — будут. И на должность героя по велению Александра II назначается его младший брат Николай Николаевич. Почти равнозначную должность главнокомандующего Кавказской армией обрел другой брат царя Михаил Николаевич: по указу им обоим было суждено возглавить войско российское. Царский указ обжалованию не подлежит, и вот уже эта «радостная» весть полетела в войска. Чем же вызвано было столь высокое доверие и какие заслуги Николая Николаевича стали определяющими для назначения на столь высокий пост и в столь ответственный для судеб России и Болгарии час? Если сказать коротко, то прежде всего родство. А остальное — родился в 1831 году, то есть к началу войны с Турцией пребывал в возрасте сорока шести лет. В двадцать четыре года участвовал в Крымской войне: кто-нибудь из царской фамилии должен же быть с войсками. Правда, свиста пуль и грохота разрывов снарядов великий князь не слышал, но случаю суждено было распорядиться таким образом, что Николай Николаевич все же попал под Инкерманом на поле брани ненадолго, часа на два. За этот «отчаянный и сопряженный со многими опасностями поступок» он был награжден орденом св. Георгия IV степени.

В официальной прессе находим характеристику великого князя. «Его красивая, стройная фигура на чудном коне появлялась с утра то там, то здесь перед войсками, которые, услышав его звонкий голос, его ласковый привет, радостно отвечали Его Высочеству, удваивая свое старание угодить

Главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич

ему, своему любимому начальнику. И войска не только любили, — обожали его, потому что Великий Князь был необыкновенным начальником».

Совершенно другим запечатлен Николай Николаевич в воспоминаниях людей, по известным причинам хранивших мнение о нем в дневниках и записках, увидевших свет, когда миновали годы. Таковыми оказались записки офицера штаба Дунайской армии М. А. Газенкампа. В них великий князь выглядит так: «У него нет навыка всесторонне обдумывать сложные военные действия и делать общие распоряжения с надлежащим расчетом времени и в связи с действиями на других фронтах. Приказания его внезапны, отрывочны, без корней в прошедшем и без ясных расчетов на будущее. Убеждать его в необходимости тщательной примерки прежде чем отрезать — напрасный труд: это слишком несогласно с его природными свойствами». Упрямый, не обладавший твердой волей, с резкими переменами настроения, великий князь не имел ни малейшего авторитета среди военных, но боже упаси, если кто-либо осмеливался критиковать его действия — этого он не выносил.

Для подобного главнокомандующего следовало бы подобрать толкового начальника штаба, ведь он, как известно, всему голова. И такой головой вполне мог стать один из главных авторов плана войны генерал Н. Н. Обручев, начальник военно-учебного управления при русском генеральном штабе, выполняющем фактически роль оперативного отдела. Но умного подчиненного не каждый начальник рискнет взять к себе. И не взяли. Да кроме всего прочего Н. Н. Обручев обладал свободой мышления, и, как говорили в то время, «якшался с красными», то есть был близок к демократическим кругам. Поэтому по просьбе Николая Николаевича пост начальника штаба занял генерал от инфантерии А. А. Непокойчицкий. Этот подошел. Всем хорош: где плохо лежит, не задумываясь, брал. Не мог равнодушно пройти мимо списков награждаемых: если в них не указывалась его фамилия — дописывал. Артуру Адамовичу было далеко за шестьдесят, с изрядной седinouй в усах, зачесанных назад волосах и круглых бакенбардах, он производил впечатление бодрого старика, хотя фигура его и казалась сгорбленной. Да если учесть, что общее руководство всей войной осуществлял царь, правда, давший обещание не вмешиваться в непосредственное управление войсками и полагавший, что его августейшее присутствие в войсках будет служить надежным залогом победы, то можно себе представить, каких бы «успехов» добились русские, если бы не такие люди, как Обручев, Драгомиров, Скобелев, Тотлебен, простые русские солдаты и болгарские ополченцы. «...Нельзя не пугаться, — записывал в своем дневнике Д. А. Милютин, — когда подумаешь, в чьих руках теперь это решение».

После окончания апрельского восстания тысячи болгарских волонтеров выехали в Кишинев, где составили основу формируемого под видом почетного конвоя главнокомандующего русско-болгарского ополчения, во главе которого был поставлен талантливый и передовой генерал русской армии Н. Г. Столетов. Неизвестно, как бы сложилась судьба Николая Григорьевича, если бы после окончания Московского университета он не отправился добровольцем для участия в Крымской войне 1853—1856 годов. Уже тогда общественное мнение относило его к образованнейшим людям России. Прекрасное знание нескольких европейских и восточных языков позволяло Н. Г. Столетову хорошо ориентироваться в мировых событиях. Свою службу он начал рядовым солдатом, причем показал в сражениях замечательные образцы храбрости, за что был награжден высокой солдатской наградой — Георгиевским крестом, произведен затем в унтер-офицеры и закончил войну, имея офицерский чин. Свое военное образование Н. Г. Столетов завершил в академии Генерального штаба. Личная храбрость, высокая образованность — качества, которые принесли Н. Г. Столетову заслуженный авторитет среди военных. С приближением войны с Турцией на Балканах в ноябре 1876 года Д. А. Милютин поручил Н. Г. Столетову приступить к формированию болгарского ополчения из русских и болгарских добровольцев. Он лично осуществлял отбор лучших и опытных в военном деле офицеров. Русские офицеры и унтер-офицеры, занимавшие в ополчении должности командиров, с большой энергией взялись за боевую подготовку болгарских ополченцев, проявивших необыкновенное усердие, внимание и понятливость. За месяц с небольшим удалось пройти напряженную про-

грамму боевой подготовки одиночного солдата до тактических занятий дружины в целом. Вот как писал о занятиях в своем письме родителям прапорщик 5-й дружины Максюшенко: «С утра до вечера все учения и стрельбы, даже и в праздники то же самое». Всего было создано шесть дружин, составивших три бригады.

Александр II занял в отношении болгарского ополчения двойственную позицию. Царь предлагал даже мысль об использовании формирования лишь только для обеспечения тыла русской армии. Царя преследовал призрак революции. «Мы идем в Болгарию, чтобы принести им свободу, а не революцию», — говорил император.

...В начале марта 1877 года Скобелев приехал в Петербург. Столица встретила его густым и серым туманом, пронизывающим ветром и огромными лужами, через которые опасно прыгали пешеходы.

На привокзальной площади лихие петербургские извозчики наперебой предлагали свои услуги. Разносчики газет стаями сновали в толпе и звонкими мальчишескими голосами выкрикивали последние новости.

Скобелев подозвал извозчика.

— Куда изволите ехать, ваше-ство?

— На Моховую, — ответил Скобелев и сел в коляску.

Возница занес для удара хлыст и уже приготовился выдохнуть традиционное: «Эх, прокачу!», но генерал остановил его жестом: поезжай по-медленнее. Бородач с некоторым удивлением посмотрел на Скобелева, и коляска как-то нерешительно тронулась с места. Скобелев распахнул шинель, откинулся на сиденье, достал из кармана письмо и в который уже раз за долгий путь от Ферганы до Петербурга пробежал глазами текст:

«Генералу Скобелеву высочайше повелено немедленно прибыть в Петербург для направления в действующую армию».

До того, как прибыть в Зимний дворец, Скобелев зашел в книжный магазин М. О. Вольфа. Сохранились воспоминания об этом визите.

— Михаил Дмитриевич, вы в Петербурге? — обратился Маврикий Осипович к нему, сразу узнав в молодом генерале своего давнишнего клиента, когда-то бравого кавалергарда.

— Да, я сегодня утром приехал и вот уже у вас. Надеюсь, найду у вас то, что мне нужно.

— Конечно, вы имеете в виду литературу о Балканах, о Турции? — догадался Вольф.

— Да... все равно на каком языке.

Пока Скобелев рассматривал книги, Вольф заметил:

— Вы, Михаил Дмитриевич, конечно, едете в действующую армию?

— Да, еду, если только пустят. Но пока не знаю, какой ветер подует оттуда... — И он сделал жест рукой. Вольф понял этот жест. Для него, как и для всего общества того времени, не было тайной, что на Скобелева косились в высших сферах, завидовали его успехам и победам в Средней Азии,

считали его боевую славу дутой и не хотели дать молодому генералу случая показать свои способности в «серьезной войне».

На представлении вновь зачисленных офицеров в свитские Александр II, не подав ему руки, резким тоном сказал:

— Благодарю тебя за молодецкую твою службу, к сожалению, не могу сказать того же об остальном... Я помню, я знал твоего деда, и я краснею за его славное имя... — Далее слова императора долетали до Скобелева словно издалека: — ...Я осыпал тебя милостями... Я надеюсь, что на новом назначении, которое я тебе дам, ты покажешь себя молодцом...

Слухи о приеме расползались по Петербургу. Одни говорили, что Скобелев попросту сбежал из Туркестана, самовольно оставив пост, другие, что за этот поступок его разжалуют в солдаты, третьи охотились за генералом, пытаясь стать участниками очередной сенсации.

Мог ли предположить Скобелев, что своей деятельностью он сильно укрепил бытовавшее у царедворцев мнение, что «война портит войска». В чем же заключалась эта «порча»? Война в Средней Азии заставляла жить офицера солдатской жизнью. Трудности были общими, и зачастую Скобелеву, как и другим командирам, приходилось делиться последним глотком воды, уступать свою лошадь больному, идти пешком в общем строю, а на привале спать рядом с солдатами у одного костра. И когда о каком-либо офицере говорили «туркестанец», то в это слово вкладывали глубокий смысл: значит, этот человек не трус, не дрогнет в любых обстоятельствах, всегда придет на помощь в трудную минуту, он любим и уважаем солдатами, то есть близок им, что по дворцовым меркам было более чем предосудительно. И уж совсем считалось верхом неприличия, когда подчиненные обращались к начальнику по имени и отчеству. Вот как вспоминает об этом капитан Михайлов. С первого знакомства Скобелев попросил «пореже козырять ему и называть просто Михаилом Дмитриевичем, а не господином полковником». А ведь это являлось полнейшим нарушением субординации. Но Скобелев сознательно пренебрегал ею, стремясь установить столь необходимое в бою взаимопонимание до того момента, когда загремят выстрелы.

После такого более чем холодного приема Скобелев чуть не решил подать в отставку. И лишь только чувство сознания необходимости принять участие в войне заставило его согласиться с назначением на должность начальника штаба в дивизию, которой командовал отец. Когда он узнал у Д. А. Милютина, кто назначен главнокомандующим Дунайской армией, то невольно вырвалось: «Не может быть!» С чувством глубокого разочарования покинул Скобелев Петербург и, прежде чем отправиться в Кишинев, где располагался штаб Дунайской армии, заехал в Спасское.

Скобелев хорошо помнил эту комнату. Еще ребенком он спал здесь и, приезжая, каждый раз останавливался в ней. Ему казалось, что не было ни грохота сражений, ни времени, ушедшего безвозвратно, а были лишь светлые юношеские мечты о будущем. Утром, когда он проснулся, широкие полосы солнечного света пробивались в окна. Он долго стоял у окна. Там, за расстилавшимся в долине туманом, виделась ему другая земля.

Несколько дней в Спасском пролетели быстро. И вот уже резвая тройка мчит Скобелева на станцию. Позади остались сотни верст пути — и Скобелев в Кишиневе. Сразу бросилось в глаза: для такого небольшого города на улицах много военных. Ну что ж, значит, война близка. Представившись главнокомандующему, Скобелев сразу почувствовал, что дух Петербурга, то есть дух неприязни к нему в верхах, царит и здесь. Скобелев оказался в обстановке, отличной от среднеазиатской. Его, боевого генерала, участника многих сражений, окрестили победителем «халатников». Среди приближенных великого князя нашлись даже такие, что высказывали прямо в лицо, что, мол, ему «следует позаботиться заслужить отличия, украшавшие его грудь». И Скобелеву часто вспоминался разговор с Кауфманом, прошедший незадолго до его отъезда.

— Из тебя может выйти великий полководец, только...

— Только, что? — перебил Кауфмана Скобелев.

— А то, что не дадут тебе, душа моя, ходу. Слишком ты талантлив и слишком прямо ко всему приступаешь. У нас ты до седых волос должен исполнять чужие глупости, а потом уже получить право приводить в исполнение свои. У нас не хотят понять одного, что Наполеоны, как подчиненные, никуда не годятся. Им надо давать простор и ответственность.

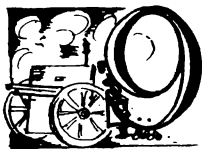
В штабе Дунайской армии прекрасно сознавали, что назначение Скобелева-2, как теперь стали именовать Михаила Дмитриевича, в дивизию к отцу, явно не вызовет удовольствия ни у того, ни у другого. В штабе армии с порога отвергли предложения Скобелева о помощи в выработке планов и постарались побыстрее отделаться от него. Так глубина военных знаний, многолетний боевой опыт остались невостребованными. Более того, лишь только Скобелев делал попытку высказать свое мнение, А. А. Непокойчицкий обрывал его: «Ступайте и сидите у моей палатки, пока я позову вас». «Этому мальчишке нельзя доверять и роты солдат», — слышалось шипение генералов, окружавших главнокомандующего.

Скобелев глубоко переживал обстановку, сложившуюся вокруг него.

В «мозге армии» за спиной Скобелева одни говорили, что его отправят назад в Азию, другие — будто бы при переходе через Дунай ему будет поручено выполнение ответственной задачи. Ни те, ни другие слухи не оправдались.

Здесь, в штабе Дунайской армии, В. В. Верещагин был представлен «к большому моему удивлению, — как он пишет в своих воспоминаниях, — молодому генералу Скобелеву. — «Я знал в Туркестане Скобелева», — говорю ему... «Это я и есть!» — «Вы?! Может ли быть, как вы постарели; мы ведь старые знакомые». Скобелев порядочно изменился, возмужал, принял генеральскую осанку и отчасти генеральскую речь, которую, впрочем, скоро переменил в разговоре со мной на искренний дружеский тон».

В ОЖИДАНИИ ВОЙНЫ

апреля в Кишинев прибыл царь. Все со дня на день ждали объявления войны. И вот наконец этот день настал. 12 апреля на скаковое поле были собраны для парада войска, расположенные в городе и поблизости от него. Царь приехал со свитой. Преосвященный епископ Павел слабым, еле доносившимся до первых рядов, голосом зачитал манифест об объявлении войны Турции. После чтения манифеста состоялся торжественный молебен, а затем полки прошли церемониальным маршем. Александр II в сопровождении адъютантов стал объезжать войска. Закончив объезд, император, прощаясь со стоящими рядами воинов, неудачно обмолвился: «Прощайте! — но, почувствовав неуместность этого, поправился: — До свидания. Возвращайтесь со славой. Да хранит вас бог!» На следующий день об объявлении Турции войны знала вся страна. Манифест гласил: «Всем нашим любезным верноподданным известно то живое участие, которое Мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделяет с Нами и весь Русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова. Кровь и достояние наших верноподданных были всегда Нам дороги; все царствование Наше свидетельствует о постоянной заботливости Нашей сохранять России благославения мира. Эта заботливость оставалась нам присуща ввиду печальных событий, совершившихся в Герцеговине, Боснии и Болгарии. Мы первоначально поставили Себе целью достигнуть улучшений в положении восточных христиан путем мирных переговоров и соглашения с союзными дружественными Нам великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться в продолжении двух лет к тому, чтобы склонить Порту к преобразованиям, которые могли бы оградить христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от произвола местных властей. Совершение этих преобразований всецело вытекало из прежних обязательств, торжественно принятых Портой перед лицом всей Европы. Усилия Наши, поддержанные совокупными дипломатическими настояниями других правительств, не привели, однако, к желаемой цели. Порта осталась непреклонною в своем решительном отказе от всякого действительного обеспечения своих христианских подданных и отвергла постановления Константинопольской конференции. Желая испытать для убеждения Порты всевозможные способы соглашения, Мы предложили... особый протокол... Порта не вняла единодушному желанию христианской Европы и не присоединилась к изложенным в протоколе заключениям.

Исчерпав до конца миролюбие Наше, Мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного Нашего достоинства. Турция отказом своим поставляет Нас в необходимость обратиться к силе оружия... Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска Наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции».

Как видно, манифест полностью отражал и настроение русского народа, и дипломатические усилия правительства в решении мирным путем восточ-

ного кризиса, и поэтому он был восторженно встречен всеми слоями русского общества. Европа же настороженно встретила известие о начале русско-турецкой войны.

Для правильной оценки хода военных действий взглянем на вооруженные силы России и Турции, на Балканский театр военных действий и планы сторон.

Неудачи Крымской войны показали, что вооруженные силы России значительно отстали от современных армий в вооружении, в подготовке войск, тактике и нуждались в коренной реорганизации. Цель превращения русской феодально-крепостнической армии в армию массовую, в армию буржуазного типа заключала военная реформа, тесно связанная с именем Д. А. Милютин^{*}. С 1861 года он возглавил военное министерство. Будучи по своим взглядам сторонником умеренных реформ, Д. А. Милютин стоял за буржуазное развитие России, однако при сохранении и укреплении монархического строя, в чем он видел основную свою цель. Но тем не менее реформы встречали большое сопротивление.

С большими потугами Д. А. Милютину удалось отстоять свои взгляды на взаимосвязь политики и войны, на неразрывное единство теории военного искусства «с предметами наук политических». Как реальный политик, он полагал, что реформы должны в корне изменить облик России, моральные качества русского народа, а следовательно, и армии. Но лишь только в 1874 году Александр II утвердил Закон о всеобщей воинской повинности.

В общих чертах смысл военной реформы заключался в следующем: упразднялась рекрутская система комплектования, значительно, до семи лет, сокращались сроки службы, упор был сделан на улучшение подготовки офицерского состава, на изменение системы обучения войск. С величайшим трудом возрождался принцип обучения солдата тому, что ему необходимо на войне. Территория России делилась на четырнадцать военных округов, а дивизии сводились во вновь восстановленные корпуса. Это значительно упрощало управление и способствовало развитию инициативы высшего командного состава.

Однако при всем своем значении, учитывая ведущую роль генералитета в армии, многие реформы Милютина наталкивались на глухую стену или проводились слишком медленно.

Решать проблему обучения войск приходилось в постоянной борьбе с рутинерами. И поэтому велика была ценность трудов М. И. Драгомирова по вопросам боевой подготовки, воинского воспитания и тактики армии. В них он глубоко рассматривал задачу улучшения одиночной подготовки бойца, добиваясь от него самостоятельности действий на поле боя, обстоятельно

^{*} Милютин Д. А. — родился в 1816 году в небогатой дворянской семье. По окончании Благородного пансиона при Московском университете (1833) поступил на военную службу. В 1836 году окончил Военную академию. Служил в Генеральном штабе, в 1839—1845 — в войсках Кавказской линии и Черноморья. В 1845—1856 — профессор Военной академии. В 1856 году был назначен членом комиссии «для улучшений по военной части», в которую представил записку о коренной реорганизации армии. В 1860 году — товарищ (заместитель) военного министра.

излагал и требования к офицерскому составу в умении руководить войсками в боевых условиях.

Военные действия в Средней Азии не могли показать степень боевой подготовленности войск ввиду ограниченности масштабов и относительной слабости неприятеля, значительно уступавшего в организации и вооружении. И только крупная война, как, например, война с Турцией, могла стать подлинным экзаменом для результатов реформы Д. А. Милютина и методов подготовки войск М. И. Драгомирова. Но даже такой передовой человек, как М. И. Драгомиров, еще не полностью перешагнул через взгляды прошлого и, не полагаясь на мощь современного огня, рекомендовал по-прежнему выделять вперед в цепь только «восьмую часть солдат роты, а основную массу их использовать в сомкнутых строях». Такое построение казалось единственным, обеспечивающим дисциплину солдата, его повиновение в бою офицеру и якобы улучшавшим управление. По-прежнему основная ставка делалась на штыковой удар, но без должной подготовки артиллерийским и ружейным огнем.

В более трудных условиях шла реорганизация кавалерии, которая ранее практически готовилась к парадам, а не к серьезным боевым действиям, связанным с большими переходами и с ударными действиями в конном строю. Несколько лучше дела обстояли с подготовкой артиллерии, но и она была далека от совершенства. Артиллеристы слабо маневрировали на местности, а такому важному вопросу, как массирование огня для подавления сильно укрепленных позиций, вообще не уделялось внимания.

В шестидесятых-восьмидесятых годах XIX века, по образному выражению Д. А. Милютина, возникла «несчастливая ружейная драма», смысл которой состоял в том, что русское военное министерство заказывало один за другим различные образцы ружей, но, не успев внедрить как следует один, прекращало выпуск, и предприятия приступали к другому. К началу русско-турецкой войны армия имела на вооружении три типа ружей. Соперничать по дальности и точности огня с поставляемыми западными державами турецкой армии ружьями мог лишь один из них — винтовка Х. Бердана, — которым было вооружено менее двадцати процентов солдат действующей армии.

Сведения о турецкой армии носили крайне противоречивый характер, и потому в высших кругах те, кто реально оценивал вооруженные силы Турции, оказались в меньшинстве. Характерна по этому поводу выдержка из дневника М. А. Газенкампа, который через несколько дней после начала войны сделал следующую запись: «Вообще, настроение у нас самоуверенное: все убеждены, что война кончится одним ударом и что к сентябрю все будем дома». И это ошибочное представление просуществовало до тех пор, пока русским войскам не пришлось столкнуться с противником на поле брани.

Что же в действительности представляла собой в то время турецкая армия? Если говорить о высшем командовании, то в какой-то мере оно напоминало русское, и если бы все знания, умение управлять войсками, присовокупив к этому интриги и жажду славы высшего турецкого и русского командования, положить на чаши весов, то вряд ли какая из них перевесила. Реак-

ционный султанский режим отрицательно сказался на подборе руководящих кадров армии.

Вот как об этом пишет в своей книге «Упущенные благоприятные случаи» Иззет-Фуад-паша: «Из всех офицеров... меньшинство правильно получили свои чины; большинство же было обязано ими протекции. Фаворизм, каприз заменяли «выбор» и «старшинство».

Военное искусство турецкого генералитета характеризовалось всяким отсутствием взаимной поддержки, чрезмерной медлительностью, а действия совершались с постоянной оглядкой на то, что скажет султан.

Лишь рядовой и младший командный состав турецких войск представлял серьезную силу. Дисциплинированные и выносливые, они, несмотря на слабый уровень тактической и огневой подготовки, в боевых действиях показали себя с положительной стороны.

Организационно турецкая армия перестроилась на основании закона, изданного в 1869 году, и делилась на кадровые войска, запас и ополчение. Основной тактической единицей стал табор, практическая численность которого составляла от шестисот до шестисот пятидесяти человек, в кавалерии численность табора немногим превышала сто человек. Вооружение турецкой армии было в общем удовлетворительное. Большая поддержка Англии и Германии сделала свое дело: и по вооружению, и по количеству боеприпасов она несколько превосходила русскую армию. Поэтому вооруженные силы Турции представляли сильного противника и борьба с ними предстояла нелегкая. К трудностям будущей войны можно отнести и сложные условия местности — серьезная водная преграда Дунай и значительный по высоте, а следовательно, и труднопреодолимый пояс Балканских гор. Эти преграды в большой степени усиливали возможности турецкой армии и поэтому расценивались как основные рубежи, на которых вероятнее всего следовало остановить русские войска. Балканский театр действий располагался в близости к тыловым базам Турции, чего нельзя было сказать о русской армии — тот же самый Дунай вследствие небольшого количества переправ служил препятствием для бесперебойного снабжения войск.

ПЕРЕПРАВА

До начала войны с Турцией русские дипломаты вели напряженные переговоры с румынским князем Карлом Гогенцоллерном (Румынским) — выходцем из известного немецкого княжеского рода, давшего Европе с добрый десяток правителей, — о пропуске русских войск через территорию Румынии, существовавшей как отдельное княжество, зависимое от Турции и платящее ей дань. С войной России и Турции Румыния связывала надежды на полное свое освобождение от Порты, и поэтому князь Карл подписал 4 апреля Конвенцию, по которой разрешался пропуск войск Дунайской армии через территорию княжества. В назначенный день 24 апреля войска Дунайской армии перешли границу и четырьмя колоннами

двинулись через Румынию к Дунаю. Этот поход частей закончился 12 мая, и русская армия поначалу заняла почти семисоткилометровый участок левого берега нижнего Дуная от Браилова* до Черного моря.

...В нескольких верстах от железной дороги расположился небольшой зеленый городок Плоешти. На дорогах, ведущих к нему, — двигающиеся, отдыхающие в густой тени деревьев солдаты, скрипящие обозные повозки, толпы народа на улицах, среди прохожих много офицеров, щеголеватый вид которых говорил о том, что где-то поблизости находилась квартира главнокомандующего. Господа генералы ожидали приезда царя.

Царский поезд шел медленно, часто останавливался на станциях, на которых толпился народ. На одной из таких остановок встречать царя вышли ветераны многих войн с Турцией. На правом фланге стоял седой как лунь фельдфебель с многочисленными наградами на изрядно потертом мундире. Александр II, поблагодарив его за ратный труд, спросил, чего бы пожелал старый воин.

— Прошу принять меня снова на службу...

— Хорошо, куда же ты желаешь поступить?

— В отряд генерала Скобелева, — отвечал старик.

Так народное мнение, в отличие от официального, отдавало предпочтение «белому генералу», видя в нем будущего героя войны.

В Плоешти произошла встреча отца с сыном. Они долго не виделись. Дмитрий Иванович поразил Скобелева-младшего своей ладной посадкой на небольшом казачьем коне, окладистой рыжей бородой. В дивизии его звали Паша. Скобелев-1 знал это и не обижался. Соскочил с коня. Протянул руку. Обнялись.

— Ну что ж, значит, вместе.

— Значит, вместе.

О молодом генерале в дивизии уже слышали и интересовались, что он за человек. Ответы получали разные, но смысл их был один — храбрый офицер.

Вместе отцу и сыну удалось быть недолго. Казачью дивизию, которой они командовали, вдруг ни с того ни с сего расформировали и создали две отдельные бригады. Причина расформирования стала известна несколько позднее. Александр II имел двоих племянников, герцогов Лихтенбергских — Николая Максимилиановича и Михаила Максимилиановича, напросившихся в действующую армию, а так как вакансии все оказались занятыми, то и пришлось поступиться двумя боевыми генералами. Скобелевы были «причислены к лику святых», то есть назначены в свиту царя. Но если Скобелев-1 смирился с таким решением: «плетью обуха не перешибешь», то не в характере Скобелева-2 было находиться без дела в главной квартире императора. В нее входило несколько сот чинов разного рода, и для ее передвижения с одного места на другое требовалось семнадцать поездов или триста — триста пятьдесят подвод. Затеряться среди такой массы немудрено. Скобелев-2 рассудил

* Браилов — ныне город Брэила.

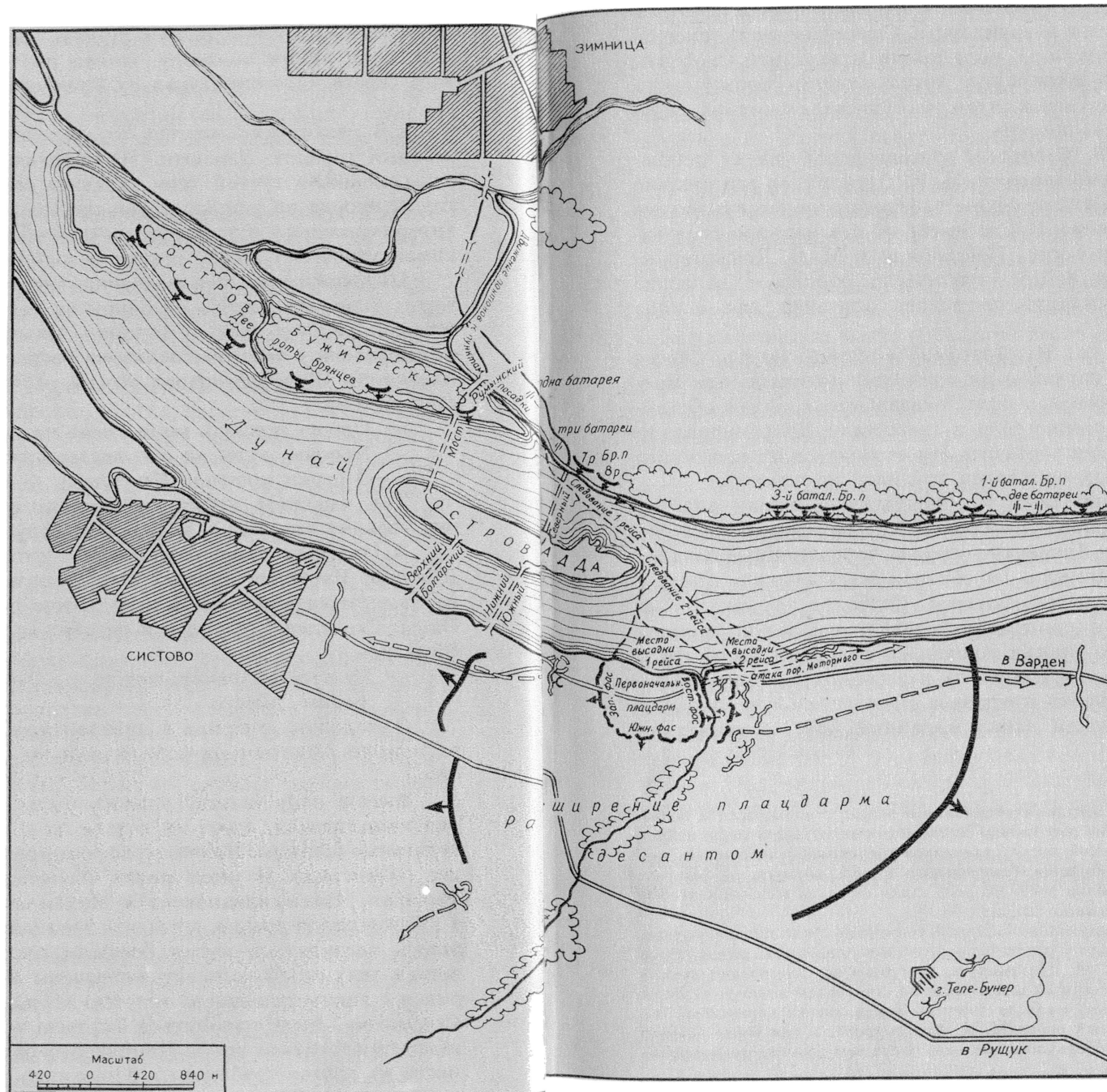

Схема. Переправа и форсирование Дуная
у Систово в ночь с 14 на 15 июня 1877 года

по-своему и договорился с М. И. Драгомировым, начальником 14-й пехотной дивизии, о своем зачислении к нему в ординарцы. Случай редкий: генерал-майор в роли ординарца у генерал-майора, но в том-то и дело, что Скобелев, даже находясь в этой скромной должности, хотел извлечь пользу — у М. И. Драгомирова* есть чему поучиться, и он не стеснялся учиться, спрашивал, стремясь оказать посильную помощь.

Популяризатор наследия А. В. Суворова, отстаивавший «науку побеждать» применительно к современным условиям, М. И. Драгомиров решительно боролся с «наполеоновщиной», с догматическим переносом приемов великого полководца на русскую военную почву. И Скобелеву не раз изрядно доставалось за приверженность идеям Наполеона. Под влиянием М. И. Драгомирова он стал глубже понимать законы войны, критически оценивать наследие западных военных деятелей, осознавать решающее значение для исхода боя нравственных качеств солдата.

Демократичный по взглядам М. И. Драгомиров сумел увлечь Скобелева своими идеями. И совсем не случайно он пренебрег официальным мнением и принял предложение боевого генерала, оказавшегося волей обстоятельств не у дел. Опасения гнева свыше если и тревожили Драгомирова, то не в такой степени, чтобы они смогли заставить его отказаться от надежного помощника в лице Скобелева: новый ординарец трудился на совесть.

Он брался за любое начинание, лишь бы оно было полезным для общего дела. С его помощью размещались артиллерийские батареи. С несколькими гребцами Скобелев обследовал Дунайские острова, через которые позднее протянулся понтонный мост, а однажды перебрался на турецкую сторону и разведал расположение неприятельских батарей. Скобелев предложил переправить часть конницы вплавь и продемонстрировал, что такой вариант возможен, однако из-за боязни, что многие лошади не выдержат столь трудного плавания, этот проект отклонили. Напрасно ему твердили об опасности подобных поступков. Всякая опасность придавала притягательную силу задуманному им. «Через несколько дней давно желанный бой, — пишет он

* Драгомиров М. И. встретил войну в пятидесятилетнем возрасте и оказался в должности, явно не соответствующей его военному дарованию. За его плечами осталась учеба в Дворянском полку, где долгие годы на мраморной доске отличников-выпускников красовалась его фамилия. Золотая медаль Николаевской академии Генерального штаба, которую он окончил в 1856 году, и поездка за границу для изучения военного дела стали первыми шагами к пребыванию в адъютантуре и получению профессорского звания.

За тридцатилетним профессором и заведующим кафедрой в военной среде прочно укрепилась репутация новатора в тактике, хранителя традиций, передового военного мыслителя. И не случайно Александр II прибег к услугам М. И. Драгомирова, пригласив его для чтения лекций сыновьям Александру и Владимиру. Великие князья шествовали по ступенькам военной карьеры уверенной поступью и вскоре обошли учителя: им было доверено командование корпусами. Так внутреннее несогласие с принципами обучения войск М. И. Драгомирова, а тем более «строгое моральное отношение к солдату-человеку» обернулось для него более чем десятилетним пребыванием в чине генерал-майора.

В отношениях со Скобелевым М. И. Драгомиров словно отбрасывал возрастную разницу в двадцать три года, поскольку Скобелев и Михаил Иванович хорошо знали и понимали друг друга. Жена Драгомирова вспоминала, что о любимом военном деле они говорили без конца, что вместе они были прелестны, понимали слова на лету, умели вовремя уступить друг другу.

в письме К. П. Кауфману, — есть надежда быть из первых при переправе. Молю Бога не ударить лицом в грязь...»

Где бы ни находился Скобелев — в Журже*, в Бии, в Зимнице**, — он учился и читал беспрестанно. Каким-то неведомым для всех образом он добывал военные журналы и сочинения на разных языках, и ни одно из них не выходило из его рук непрочитанным, без пометок на полях и записей.

Приближался день, назначенный для переправы через Дунай. По ночам, соблюдая меры маскировки, у будущего места переправы в районе Зимницы сосредоточивались войска. Для пушного заблуждения противника распространяли слух о том, что форсирование состоится у Фламунды. Артиллерия в течение трех дней бомбардировала Никополь*** и Рушук**** — первый выше по течению, второй ниже; все делалось для того, чтобы турки не обнаружили истинного места переправы главных сил русской армии. Первой предстояло осуществить переправу дивизии под командованием М. И. Драгомирова. И выбор этот вовсе не случаен: он хорошо знаком с теорией переправ, его перу принадлежал труд «О высадке десантов в древнейшие и новейшие времена». Но одно дело теория. Война порой ниспровергает своей жестокой практикой даже самые лучшие из них, но данный пример переправы русских войск через Дунай и по сей день является классическим, тем более, что незадолго до переправы русских войск Махмет-Али-паша поклялся султану в том, что «утопит русскую армию в Дунае».

14 июня вечером войска, предназначенные для переправы на турецкий берег, в совершенной тишине выстроились и спустили понтоны на воду. В 2 часа ночи 15 июня отплыл первый рейс. Ночь выдалась темная. Низко над землей плыли облака. Сильный ветер заглушал плеск весел. Через 45 минут понтоны причалили к берегу, и высадившиеся из них войска были встречены лишь одиночными выстрелами турецких сторожевых постов. Берег был крут и высок, но тишина и ловкость, с которой солдаты карабкались по обрыву, позволили без лишнего потерь занять его и открыть огонь по турецким укреплениям у Систово*****, обеспечивая тем самым высадку десантов следующих рейсов. Подтвердились сведения о противнике, которыми располагало командование: около места переправы, непосредственно рядом с городом, у турок была одна бригада — семьсот человек и одна батарея и у Вардена, в трех километрах от переправы, находилось три тысячи триста человек с одной батареей. Правда, в Рушук, в шестидесяти километрах от Систово, располагалось свыше двадцати одной тысячи турок и у Никополя, в сорока трех километрах от Систово, еще около десяти тысяч человек, однако эти силы могли прибыть к месту десанта лишь через сутки, что при нормальных темпах переправы (один рейс за два часа) заставило бы их вступить в бой со всей рус-

* Журжа — ныне город Джурджу.

** Зимница — ныне город Зимнича.

*** Никополь — ныне город Никопол.

**** Рушук — ныне город Русе.

***** Систово — ныне город Свиштов.

ской армией. Это еще раз свидетельствует об удачном выборе места для переправы.

После высадки десанта турки начали подтягивать войска от Систово и Вардена. Огонь турецких батарей становился все более яростным. Передовые части дивизии М. И. Драгомирова вступили в бой.

Действие любого человека может быть оценено только путем анализа. То, что Скобелев участвовал в переправе через Дунай добровольно, еще ни о чем не говорит. Этот поступок мог остаться без внимания, если бы не представлялась возможность сопоставить его с действиями других лиц, и по чину, и по должности выше Скобелева, или если бы этот поступок не носил характер исключительности, то есть не был бы подвигом.

С третьим рейсом переправились начальник 14-й дивизии М. И. Драгомиров, Скобелев, штаб и адъютанты. Только отчалили от берега, как на лодку обрушился град пуль, полетели щепки, брызги обдавали людей, но, к счастью, переправились благополучно. На берегу шумел бой. В тумане сверкали огни выстрелов, слышались крики, команды. М. И. Драгомиров понял: что-то не ладится. К тому же не все части дивизии успели высадиться: сильное течение и ветер относили лодки южнее намеченной цели. В результате роты перемешались и управление подразделениями ослабло. И тем не менее плацдарм все расширялся. К 9 часам утра турки отступили повсюду. Дело могло считаться блистательно законченным, но еще на правом фланге шла яростная перестрелка, и М. И. Драгомиров, видя, что огонь турок наносит ощутимый урон наступавшим на этом участке, отдал распоряжение приостановить продвижение. Ординарцы бросились выполнять поручение, но, видно, оно не дошло, под рукой никого не было, и тогда Скобелев обратился к Драгомирову:

— Хочешь, я пойду?

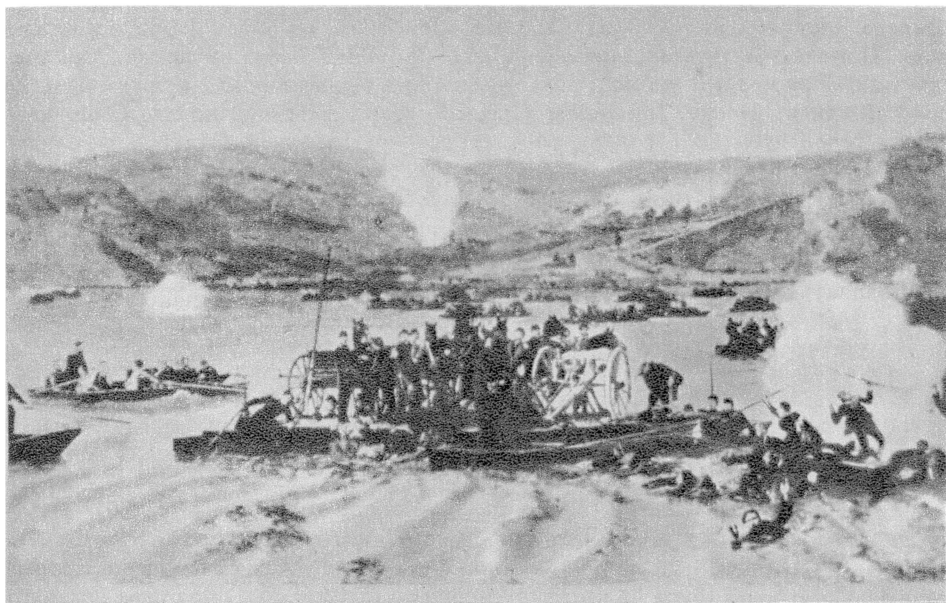
— Сделай милость, я тебе в ножку поклонюсь, — ответил Драгомиров, и Скобелев не мешкая отправился в самую гущу боя.

Как всегда, одетый в белый мундир, он шел не спеша в виноградники, где расположились цепи стрелков и куда турки направили весь свой огонь. Драгомиров наблюдал, как Скобелев, слегка пригнувшись, останавливается у залегшей цепи, дает указания, и вот линия стрелков выравнивается, огонь становится не беспорядочным, раздаются дружные залпы. Затем Скобелев поднял залегших в атаку, и противник оставил позиции.

Вот что писал в своем рапорте генерал М. И. Драгомиров: «С нашей стороны было немало подвигов беспримерного мужества со стороны как нижних чинов, так и офицеров... Не могу не засвидетельствовать также о великой помощи, оказанной мне Св(иты) Е(го) В(еличества) г.-м. Скобелевым, принимавшим на себя с полной готовностью все назначения, не исключая и ординарческих, и о том благотворном влиянии, которое он оказывал на молодежь своим блистательным и неизменно ясным спокойствием».

К двум часам дня основные силы русской армии переправились на турецкий берег. Город Систово был взят. По мере того как бой удалялся, из укрытий выходило болгарское население, стекались из соседних деревень люди. Болгары восторженно приветствовали братушек — русских солдат.

На другой день через Дунай переправился царь. На турецком берегу сводная рота грянула «ура», когда император со свитой сошел на берег.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Переправа русских войск через Дунай

Тут же произошло награждение. Первым Александр II вручил орден св. Георгия III степени М. И. Драгомирову. В этот день он был щедр на награды: на груди великого князя-главнокомандующего засиял орден св. Георгия II степени, а у Непокойчицкого — III степени.

В окружении генералов Александр сказал: «С малолетства сроднившись с армией, я не вытерпел и приехал, чтобы разделить... труды и радости».

Многие передовые офицеры полагали, что целесообразнее было бы, если бы царь делал это, находясь в Петербурге.

За самовольное участие в переправе великий князь устроил Скобелеву разнос и объявил выговор. Вот ведь как отзывались о нем в окружении брата императора: «...как человек ненадежен, обманет, продаст, оклеветает, чтобы лучше самому обрисоваться». Совсем по-иному о Скобелеве отзывался М. И. Драгомиров. «Если бы Скобелев был плут насквозь, то не стерпел бы и пустил бы гул, что удача этого дела (переправы) принадлежит ему, а между тем, сколько мне известно, такого гула не было. Нужно... сказать, что напросился он сам на переправу и я его принял с полной готовностью, как человека, выдавшего уже такие виды, каких я не видел; принял, невзирая на опасения, что Скобелев все припишет себе, и... не ошибся... Во всем этом он явил себя человеком весьма порядочным».

Может быть, показное геройство Скобелева было не столь необходимым, но ведь большинство офицеров и солдат дивизии М. И. Драгомирова приняли

боевое крещение, и поэтому выдержка, хладнокровие и распорядительность Скобелева оказывали положительное воздействие на еще необстрелянных воинов. Понятно и стремление Скобелева проявить себя — не век же ему оставаться в скромной должности ординарца. Существовал, правда, другой путь — интриги, не прекращавшиеся даже здесь, на войне, но это было не в его характере.

Поступку Скобелева дал высокую оценку не только генерал Драгомиров, но он попал и на страницы газет, поэтому главнокомандующему поневоле пришлось обратить внимание на Скобелева, но опять-таки прислушиваясь к ядовитому шипению окружавших его: «К чему эта рисовка, к чему? Он просто хочет показать, что недаром получил свои кресты».

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО — НЕ ВСЕГДА ПОЛОВИНА ДЕЛА

переходом корпуса Ф. Ф. Радецкого, в состав которого вошла 14-я дивизия, а за ним и других русских войск на правый берег Дуная война вступила в новую фазу — она стала совместной войной русских и болгар за очищение Болгарии от чужеземных угнетателей. За Дунаем русские войска продолжали наступление по трем направлениям — на запад, юг и восток.

Западному отряду (около тридцати пяти тысяч человек) под командованием генерала Н. П. Криденера предстояло выйти на линию Никополь — Плевна* и взять Плевну — важный узел дорог северо-западной Болгарии.

Войскам, наступающим на юг, предписывалось овладеть горными проходами, связывающими Северную Болгарию с Южной, и в частности Шипкинским перевалом, через который шла наиболее удобная дорога на Андрианополь. Эту задачу поручили передовому отряду генерала И. В. Гурко. Он был энергичен, крут и пользовался авторитетом в армии. Малочисленному по своему составу отряду (вместе с болгарскими дружинами двенадцать тысяч человек при сорока орудиях) предстояло действовать в отрыве от главных сил и решать важную задачу захвата перевала. К сожалению, несмотря на частные успехи, И. В. Гурко, теснимый превосходящими силами противника, задачу не выполнил.

В то время, когда генерал И. В. Гурко приближался к Шипкинскому перевалу с юга, с севера к нему спешил Н. И. Святополк-Мирский с частью сил, выделенных из корпуса Ф. Ф. Радецкого. Соединение двух отрядов намечалось на 5 июля, однако этого не произошло, так как передовой отряд все еще вел тяжелые бои у подножия южного склона.

Н. И. Святополк-Мирский не знал об этом, но, выполняя поставлен-

* Плевна — ныне город Плевен.

*Командующий Руцукским отрядом великий князь
Александр Александрович*

ную задачу, начал фронтальную атаку перевала в назначенное время и понес тяжелые потери.

6 июля в штабе армии получили донесение. Князь Святополк-Мирский сообщал: «Согласно приказанию была начата вчера, 5 июля, атака Шипкинского прохода, но так как ожидаемый отряд генерал-лейтенанта Гурко в тыл туркам не вышел, то Орловский пехотный полк должен был отступить перед громадным превосходством в силах неприятеля, занимающего сильно укрепленные позиции. Орловский полк вел себя геройски, но потерял до двухсот человек. Прошу подкрепление безотлагательно». Главнокомандующий решил подкреплений не высылать, но вызвал к себе Скобелева и сказал:

— Поезжай, поправь дело.

И Скобелев поправил. Он скрытно сосредоточил три роты и утром 7 июля повел их в атаку при поддержке артиллерийской батареи и ружейного огня

остальных рот полка. Перед такими решительными действиями турки не устояли и разбежались. В 2 часа дня Скобелев лично донес И. В. Гурко, что в укреплении на перевале турок нет.

Поначалу успешно развивалось наступление и на других направлениях. Западный отряд с боем овладел турецкой крепостью Никополь, в плен сдались семь тысяч человек со ста тринадцатью орудиями. Восточный отряд под командованием сына Александра II — Александра Александровича (будущего царя Александра III) сковал противника у крепости Рушук. Как будто оправдывались помыслы о легкой победе. Великосветские штабисты уже мечтали о том времени, когда войска под их «доблестным» командованием окажутся у стен Константинополя. Вот как описывал атмосферу, сложившуюся в штабе Дунайской армии, В. А. Соллогуб: «Совершалось нечто странное. Следование по Румынии не встретило никакого препятствия. Переправа через Дунай ознаменовалась почти ничтожной потерей. Теперь последняя естественная оборонительная линия Европейской Турции отдавалась без боя... Война как будто приближалась к концу. Упоминание о первых молодцах, перешедших Балканы, ясно свидетельствовало, что за первыми молодцами последуют вторые и что театр войны скоро перенесется к окрестностям Царьграда*. Кампания обращалась в триумфальное шествие».

По-иному смотрело на первоначальные успехи русских войск турецкое командование. Как показывают документы, опубликованные после войны, турки предвидели возможность переправы русских войск через Дунай и поэтому исходили из своего плана, где в качестве первого рубежа сопротивления намечался Дунай, но, однако, в этом плане предусматривалось, что «так как нельзя удержать всю оборонительную линию Дуная от Мачина до Виддина**, то с наступлением войны надлежит завлечь неприятеля в глубь страны и там дать ему сражение... что... в противном случае, отойдя к Балканам и удерживая Варну, Бургас и разные важные пункты в районе Балкан, нам следует стараться не дать противнику распространиться».

27 июня крупный турецкий отряд под командованием Осман-паши, преодолев за шесть дней расстояние в двести километров, опередил русские войска и занял оборону в районе Плевны. Н. П. Криденер, которому предписывалось ее взятие, протоптался на месте в сорока километрах от Плевны в полном бездействии и неведении того, где находится противник. Сосредоточение в Плевне значительных турецких сил создавало угрозу флангового удара по Дунайской армии.

Осложнилось положение и у Шипкинского перевала из-за явного нежелания организовать разведку противника и определить характер его действий. Турки сосредоточили в Южной Болгарии сорокатысячную армию под командованием Сулейман-паши. Своими активными действиями он вынудил отряд И. В. Гурко отступить за Балканы и со всей силой обрушился на Шипкинский перевал, обороняемый совместно пятитысячным русским отрядом

* Царьград — название Константинополя, употреблявшееся в дворянско-буржуазной исторической литературе, а иногда и в публицистике. Ныне город Стамбул.

** Виддин — ныне город Видин.

и несколькими болгарскими дружинами под общим командованием генерала Н. Г. Столетова.

4 августа Н. Г. Столетов доносил Ф. Ф. Радецкому: «Весь корпус Сулеймана-паши, видимый нами как на ладони, выстраивается против нас в восьми верстах от Шипки. Силы неприятеля громадны, говорю это без преувеличения; будем защищаться до крайности, но подкрепления крайне необходимы».

Однако Ф. Ф. Радецкий, введенный в заблуждение разведкой, ждал Сулейман-пашу оттуда, где его не было, и подкрепления, конечно, не прислал. В результате этого малочисленный русско-болгарский отряд в течение трех суток сдерживал натиск противника, имевшего почти пятикратное превосходство. На исходе третьего дня боев положение героев Шипки стало отчаянным. Русским позициям грозило полное окружение. Лишь теперь Ф. Ф. Радецкий привел на Шипку стрелковую бригаду и дивизию М. И. Драгомирова, которые, совершив многокилометровый марш по горам, с ходу вступили в бой, и тем самым угроза окружения была устранена. Сулейман-паша еще не раз пытался взять перевал, но без успеха. С этого момента началось знаменитое «шипкинское сидение» — славная страница в истории боевого содружества болгарского и русского народов.

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ПЛЕВНА

котловине, окруженной со всех сторон высотами, на которых раскинулись обширные виноградники, утопая в густых утренних туманах, рассеивающихся порою только к полудню, спрятавшись в массу зелени и блестя на солнце черепицей крыш и белыми до боли в глазах минаретами и домами, — такой предстала Плевна перед взорами русских солдат. Но не сказочная красота города и его окрестностей привлекала сюда массы войск. Плевна со своим тридцатитысячным гарнизоном угрожающе нависла, оцетинившись жерлами орудий, над флангом русской армии. Еще 25 июня сотня казаков взяла город, но их, однако, на следующий день выбил авангард войск Осман-паши. Вся его огромная армия сосредоточилась в Плевне к исходу 27 июня и немедленно включилась в инженерные работы.

Разведка отряда генерала Ю. И. Шильдер-Шульднера, которому было поручено взять Плевну, не утруждала себя ожиданием, пока все турецкие войска соберутся там, сообщила ему явно заниженное их количество. Провели рекогносцировку боем, но тоже поверхностно, иначе бы она открыла присутствие в Плевне значительных сил неприятеля. Решение последовало незамедлительно. Атаковать. Авось, обойдется. Но коль противник слаб, атакующий может быть сильнее везде, и 8 июля утром войска в колоннах, не ожидая особого сопротивления, двинулись на приступ.

Яростный огонь из укреплений, возведенных турками за десятидневное пребывание в Плевне, привел в шоковое состояние начальника отряда и многих командиров. Соотношение сил было явно не в пользу

наступающих. Да и Ю. И. Шильдер-Шульднер допустил грубую ошибку, не создав значительных резервов. В результате турки отбили атаку, перешли в наступление и обрушились на ничем не прикрываемый с флангов отряд. Пришлось отступать. И отступление закончилось относительно благополучно только благодаря тому обстоятельству, что турки прекратили преследование. Потери русских исчислялись двумя с половиной тысячами человек, турок — около двух тысяч человек.

Но этот, казалось бы, тревожный сигнал не насторожил русское командование. Поисками причин всерьез не занялись, иначе бы не случилось следующего.

Главнокомандующий приказал Н. П. Криденеру немедленно всем отрядом снова атаковать Плевну. На сей раз к противнику отнеслись более уважительно и провели разведку, однако и она не определила количество турецких войск и не помогла установить истинное начертание обороны и выявить ее слабые стороны. О численности Плевненского гарнизона турок говорили: шестьдесят тысяч человек и семьдесят орудий. И когда Н. П. Криденера спрашивали о возможности успеха сражения, то он не мог твердо ответить. Даже накануне второй атаки Плевны, отдав диспозицию на бой, Н. П. Криденер запросил окончательное решение главной квартиры, на что получил ответ: «Покончить с делом при Плевне возможно скорее». Тем более, что, наконец-то, главнокомандующий располагал сведениями об истинной численности турецких войск: пехоты восемнадцать тысяч человек, конницы тысяча двести человек, орудий — пятьдесят четыре. Какими же силами располагали русские? Пехота — двадцать восемь тысяч восемьсот человек, кавалерия — три тысячи пятьсот человек, артиллерия — сто семьдесят орудий. Перевага в силах достигли благодаря приходу из корпуса князя А. И. Шаховского двух пехотных бригад под его личным командованием.

В этом важном сражении генерал-майору Скобелеву-2 с кавказской казачьей бригадой, с одним батальоном Курского полка и 8-й горной Донской батареей поручалась охрана левого фланга. На сей раз о флангах не забыли, но, если смотреть правде в глаза, опять-таки Скобелеву оводилась второстепенная роль. И если бы второй штурм Плевны удался, его действия, без сомнения, потонули бы в общем успехе.

Утомительно ожидание атаки. Войска готовились к штурму турецких редутов, серыми выступами видневшихся на высотах. Осман-паша превратил и без того выгодную для обороны местность в неприступную крепость. Если учесть к тому же, что дорога из Ловчи на Плевну находилась в руках турок и по ней непрерывно шли войска и обозы с боеприпасами, продовольствием, то будет понятно, почему Осман-паша твердо рассчитывал на успех.

Скобелев предложил перерезать дороги, ведущие к Плевне, и захватить Ловчу. Однако предложение осталось без внимания. «Государем решено брать Плевну, значит, надо брать ее, государю виднее, что брать сначала» — таков был ответ. Но Скобелев не успокоился. Установив, что к западу от реки Тученицы у турок не имелось укреплений фронтом на юг и запад, он подал мысль о нанесении главного удара по Плевне

с этого направления. Однако Н. П. Криденер, пребывая под гипнозом огромной якобы численности гарнизона Плевны, более помышлял не о том, чтобы разгромить Осман-пашу, а о том, чтобы сохранить путь отступления на восток с целью обеспечения отхода главной квартиры царя, находившейся у него в тылу. Тогда был выдвинут план взятия Плевны атакой в лоб, считая редут, находившийся к северо-западу от деревни Гривицы (впоследствии этот редут получил название Гривицкого), тактическим ключом позиции.

Туманным утром 18 июля начался второй штурм Плевны. Русские батареи с 9 часов утра начали обстреливать турецкие укрепления, турки отвечали огнем своих орудий. Артиллерийская подготовка явно не давала заметных результатов, особенно это было очевидным на правом фланге, где наносился главный удар по Гривицкому редуту. Здесь боем управлял сам Н. П. Криденер, имевший двадцать четыре батальона и девяносто два орудия. Войска левого фланга, которыми командовал генерал-лейтенант А. И. Шаховской (двенадцать батальонов и сорок восемь орудий), атаковали более слабые южные укрепления турок. Оба отряда разделял значительной ширины овраг, затруднявший взаимодействие. Штурм не удался. Н. П. Криденер и А. И. Шаховской вынуждены были отступить.

А. И. Шаховскому грозил полный разгром, если бы не действия Скобелева, который еще ранним утром под покровом густого тумана со своим отрядом скрытно подошел к деревне Кришин. Возле нее он оставил на заранее намеченной позиции, весьма выгодной для наблюдения и отражения противника как со стороны Плевны, так и Ловчи, полковника Тутолмина с восемью сотнями солдат и восемью орудиями. Чуть позже сюда подошел майор Домбровский с одним батальоном Курского полка и четырьмя орудиями. Сам Скобелев возглавил авангард из двух кубанских сотен и четырех орудий. Используя плохую видимость, авангард подошел под самые стены Плевны на расстояние около пятисот шагов. Когда туман рассеялся, Скобелев обнаружил между Гривицкими высотами и городом неприятельскую пехоту численностью до десяти тысяч человек, а по дороге в Плевну движение кавалерии. Как только Скобелев услышал звуки боя — это начал наступление А. И. Шаховской, — находившиеся в его распоряжении четыре орудия открыли огонь по скоплению турецкой пехоты, чего противник явно не ожидал. Полагая, что они атакованы большими силами, турки сосредоточили на этом рубеже сначала шесть, а затем восемь орудий. Густые цепи пехоты двинулись в атаку, поддерживаемые конницей, но Скобелев умело отвел свой отряд на главную позицию к деревне Кришин. Ведя бой, он постоянно поддерживал связь с А. И. Шаховским. Получив известие о том, что А. И. Шаховской занял два укрепления, Скобелев двинул в контратаку свой крошечный отряд, предвзвительно выслав казаки заслоны во фланги и тыл противника.

Перед наступающими была поставлена четкая задача: занять господствующую высоту. На нее уже устремились турки, чтобы выйти во фланг Шаховскому. Дабы создавалась видимость большого количества атакующих, Скобелев построил боевой порядок из двух цепей: первая колонна начинала движение, вторая поддерживала ее ружейным огнем. Невзирая

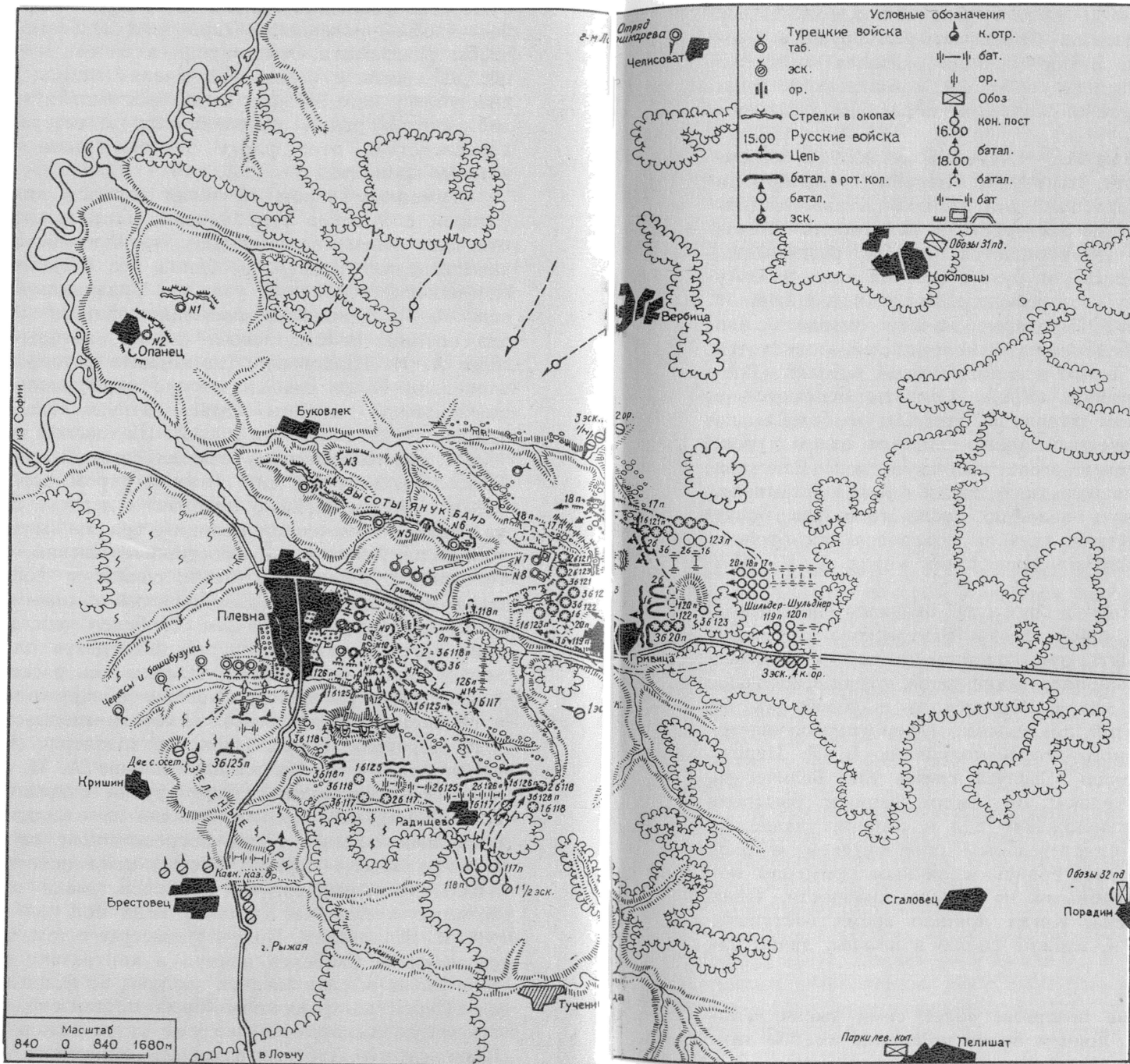

Схема. Вторая Плевна. 18 июня 1877 года

на жестокий огонь турок, одна из рот достигла гребня и, поддержанная с фланга казачьей сотней, ударила в штыки. Своим четырем орудиям Скобелев приказал занять высоту рядом. Выбор позиции оказался настолько удачен, что батарея продержалась на ней до конца боя, а выстрелы ее были настолько точны, что в дуэли с турецкой батареей последней пришлось замолчать.

Хотя противник непрерывно атаковал, Скобелев держал в неприкосновенности свой резерв из трех рот, памятуя о главном — прикрытии фланга на случай появления противника из Ловчи. Однако узнав, что Шаховской с трудом отбивается от наседавших турок, а со стороны Ловчи, по сведениям разведки, противника не ожидается, он, не раздумывая, ввел в 4 часа дня в бой все, что имелось под рукой, оставив лишь взвод у знамени. И сделано это было очень своевременно: в рядах защитников осталось несколько десятков человек. Некоторые начали отходить, как вдруг на белоснежном коне, весь в белом, размахивая саблей, появляется Скобелев впереди наступающих рот. Звучит его знаменитый призыв: «Вперед, ребята!» В ответ раздается громкое «Ура!». Солдаты бросаются в штыки. Перед неожиданным натиском турки не устояли и бежали до самого городского предместья. Встреченный здесь плотным огнем турок, отряд Скобелева отошел под защитный огонь своей батареи. Еще два часа сдерживали защитники высоты турецкие атаки. Когда стемнело, Скобелев отдал распоряжение оставить позицию после того, как будут подобраны все раненые. Под прикрытием казаков подразделения отошли к деревне Кришин. Там Скобелев получил приказание князя А. И. Шаховского отступить к Боготу*.

Мал золотник да дорог. Дорогим и нужным оказался небольшой фланговый отряд для отступавших войск князя Шаховского. Больших потерь стоила туркам попытка согнать эту назойливую осу с Зеленых гор. Приковав к себе значительные неприятельские силы, отряд Скобелева намного облегчил положение войск князя Шаховского и уберег их от разгрома. Вот как после этих событий докладывал главнокомандующему о Скобелеве представитель Генерального штаба полковник П. Д. Паренсов, участвовавший в действиях отряда: «Заслуга свиты Его Величества генерал-майора Скобелева в деле велика: он своим верным быстрым военным глазомером сразу оценивал положение дел и выбирал надлежащий образ действий, затем своим блистательным спокойствием и порядительностью, в адском огне, своим геройским личным примером воодушевлял войска и сделал их способными на чудеса храбрости. Одна лошадь под ним убита, другая ранена. Когда пришло время отступать, генерал-майор Скобелев слез с коня и, вложив саблю в ножны, лично замыкал отступление».

Во второй атаке Плевны русские потеряли более семи тысяч человек, а турки — лишь тысячу двести, причем более половины именно там,

* Богот — ныне город Бохот.

где действовал фланговый отряд Скобелева. Но Осман-паша не воспользовался полученным преимуществом и не отважился на преследование отступавших из-за боязни зарваться.

Второе плевненское поражение русских породило всплеск нездоровых эмоций за рубежом. Иностранная пресса трубила со злорадством: «Военный престиж громадной России изорван в клочья столь пренебрегаемыми турками». Русская же печать находилась в шоковом состоянии и вместо заготовленных цветастых фраз о победах приходилось использовать весь словарный запас русского языка, чтобы изложить смысл событий таким образом, что, дескать, хотя и не победили, но и не проиграли. В русском обществе и армии второе поражение произвело тягостное впечатление.

К. П. Победоносцев в одном из своих писем к бывшему ученику великому князю Александру Александровичу писал: «Мы здесь в ужасном состоянии все, в невообразимом волнении и страхе, вследствие неожиданных неудач под Плевной и после того... Внезапно, посреди быстрых успехов, начались неудачи, — очевидно, от ошибок, от непредусмотрительности, от неосторожности со стороны распорядительных властей. Вмиг доверие к этим властям потрясено, и теперь всевозможные неудачи представляются воображению... Народные умы ужасно взволнованы теперь; и теперь по случаю совершенной неизвестности и наших неудач всюду слышится рыпот».

Причины осечки во втором штурме Плевны, по мнению выдающегося русского медика С. П. Боткина, заключались в следующем: «Всякая неудача должна позором ложиться на тех, которые не сумели пользоваться этой силой (русским солдатом. — *Б. К.*); вглядываясь в наших военных, особенно старших, так редко встречаешь человека со специальными сведениями, любящего свое постоянное дело; большая часть из них знакомы только с внешней стороной своего дела — проскакать бойко верхом, командовать: «направо, налево», да и баста! Много ли из них таких, которые следят за своей наукой, изучают свое дело? ... Много ли у нас таких, которые с любовью занимаются своей специальностью? Они все напере-чет».

В его же воспоминаниях находим: «Кто же виноват во всех неудачах? Недостаток культуры (военной. — *Б. К.*), по-моему, лежит в основе всего развернувшегося перед нашими глазами... надо трудиться, надо учиться, надо иметь больше знаний, и тогда не придется получать уроков ни от Османов, ни от Сулейманов».

Вторая Плевна показала, что уровень руководства войсками старого барона Н. П. Криденера и князя-А. И. Шаховского явно не отвечает современным требованиям. Но в этом бою начали пробивать себе дорогу ростки передового, прогрессивного. Между старым и новым развернулась негласная борьба, и плохо то, что старое в нежелании уступить дорогу, явилось причиной новых, ничем не оправданных жертв.

Телеграмма Н. П. Криденера о Второй Плевне, извещавшая об исходе сражения, была получена главнокомандующим на следующий день, 19 июля,

Командующий турецкой армией под Плевной Осман-паша

в седьмом часу утра. В телеграмме говорилось: «Бой длился целый день. Неприятель имеет громадный перевес в силах. Отступаю на Булгарени...»

Главнокомандующий, еще не зная истинных размеров неудачи, докладывая Александру II, сказал, что «намерен непременно еще атаковать неприятеля и лично вести эту третью атаку». Великий князь верил всерьез, что перед его выдающимися военными способностями не устоит ни один противник, и поэтому не сомневался в успехе задуманного.

К слову сказать, Осман-паша заставил заинтересоваться собой. Строились предположения, и что это англичанин на турецкой службе, и что он закончил академию в Лондоне. Бросились листать турецкие газеты, но те словно сговорились публиковать лишь скудные факты из биографии этого военачальника. И все же некоторые подробности стали известны. Осман-паша после окончания военного училища прошел все ступеньки военной карьеры, особенно проявив себя в войне с Сербией. Среди медлительных и инертных турецких военачальников он выделялся энергией и распорядительностью, храбростью и аскетизмом. Солдаты у него отличались дисциплиной и варварством. На злодеяния своих подчиненных по отношению к противнику и местному населению Осман-паша смотрел сквозь пальцы. Уже в самом начале войны он изгнал из лагеря иностранных военных советников...

Итак, великий князь Николай Николаевич решил испытать счастье и возглавить третий штурм Плевны. Он даже отдал предварительные распоряжения на выдвижение свежих войск и велел отправить телеграмму князю Карлу Румынскому, в которой просил о скорейшем переходе румынских войск через Дунай. Это реакция главнокомандующего. А что император? Получив 19 июля известие о неудаче, постигшей войска у Плевны, он назначил в Беле, месте расположения главной квартиры, совещание, в котором кроме августейших особ присутствовали военный министр Милютин и начальник штаба Непокойчицкий. Результатом этого совещания был вызов всего гвардейского корпуса из России.

В записке от 2 августа, поданной царю, Д. А. Милютин ставил вопрос о необходимости временного перехода всей Дунайской армии к обороне до прибытия подкреплений из России. Он требовал «бережливости на русскую кровь»: «Если будем по-прежнему рассчитывать на одно беспредельное самоотвержение и храбрость русского солдата, то в короткое время истребим всю нашу великолепную армию». И истребили бы на самом деле, действуя напрямик, без ума, не считаясь с потерями, рассчитывая на глупость турецкого командования, забыв о том, что против русских генералов действовал противник, умудренный боевым опытом подавления восстаний в Боснии, в Болгарии, в войне с Сербией и Черногорией, фанатично преданный султану.

Русские войска после сражения 18 июля отступили к Болгарскому Карагачу и Порадиму и заняли там оборону в ожидании подкреплений, приводя себя в порядок. Несмотря на тяжесть потерь, вера в окончательную победу над турками была непоколебима. С назначением начальником западного отряда генерала П. Д. Зотова несколько ускорился ход инженерных работ, более тщательно проводились рекогносцировки, лучше выбирались места для батарей, однако почти все, что делалось, сводилось на нет постоянным вмешательством главнокомандующего. Не сидели в Плевне сложа руки и турки, они латали старые укрепления, строили новые, улучшали систему огня. Так волею обстоятельств Плевна на продолжительное время сделалась главным предметом, приковавшим внимание русской армии.

Чем же стала для Скобелева Вторая Плевна? Ясно, что ни о какой личной крупной победе над неприятелем не могло быть и речи: слишком малы в его распоряжении были силы. Но этот удачный бой на фоне общего поражения явился одной из ступеней в утверждении собственного «я» Скобелева как военачальника. Не заметить его успех было просто невозможно.

Через два дня после второй атаки Плевны Скобелева назначили общим начальником кавалерийского формирования из частей полковника Тутолмина и подполковника Бакланова для охраны флангов войск князя Н. И. Святополк-Мирского. В полученном им предписании указывалось также наступать на Ловчу* и далее на Плевну для того, чтобы в день, когда главнокомандующий поведет атаку с восточной стороны, Сельвинский отряд атаковал бы с южной. В этом

* Лъвча — ныне город Ловеч

же предписании Скобелеву ставилась задача служить постоянной связью между отрядом Н. И. Святополк-Мирского и войсками, собранными против Плевны.

ЛОВЧА

конца июля центр вооруженной борьбы переместился к Ловче, важному пункту и узлу дорог, ведущих в Плевну.

Окруженная со всех сторон лесами, Ловча располагалась на правом берегу реки Осмы на пересечении дорог между Плевной, Сельви и Трояном. Со всех сторон — отроги Балкан. Особенно выделялась одна гора с непокрытой виноградниками вершиной и впоследствии получившей название Рыжая гора. Турки превратили Ловчу в сильно укрепленный лагерь, а наличие ручьев и оврагов служило дополнительным препятствием и делало невозможным вести развернутое наступление, затрудняя связь и маневр силами. Обладание этим пунктом играло важную роль в обороне Плевны, обеспечивая ее прямым сообщением через Троянский перевал с городом Филиппополем* и далее по железной дороге с Константинополем. Кроме того, Ловча могла быть использована в качестве исходного пункта для наступления в тыл русским войскам на Шипкинском перевале. Ловча уже однажды была взята внезапной атакой казачьего отряда, через неделю вынужденного под давлением превосходящих сил противника оставить ее. Заняв город, турки создали систему укреплений, взятие которых представляло значительные трудности.

Выполняя приказ главнокомандующего о проведении рекогносцировки, Скобелев 23 июля лично произвел предварительную разведку со стороны дорог, ведущих к Ловче от Плевны, и сделал вывод о неприемлемости этого направления для атаки вдоль них. В последующие дни 24 и 25 июля Скобелев опять-таки занимался поисками наиболее выгодных подступов к Ловче, но все еще не мог составить полного представления об обороне неприятеля, так как турки хорошо замаскировали свои позиции. И тогда Скобелев принял решение на проведение разведки боем. Он начал его одновременно с трех направлений. Главными силами по Сельвинскому шоссе — под командованием самого Скобелева, отрядом Тутолмина с северо-востока и с юга по шоссе на Троянский перевал — отрядом Бакланова. Поначалу турки, стараясь ничем не выдавать истинное положение своих позиций, лениво отвечали на огонь русских орудий, но взятие траншей и энергичные действия конницы заставили их всерьез взяться за отражение атаки и тем самым полностью раскрыть свое расположение.

Как выяснилось, в Ловче турки держали восемь тысяч человек и восемь орудий под командованием Рифат-паши, имели хорошо укрепленные позиции по горам и по господствующим высотам. Скобелев в своем донесении начальнику штаба Дунайской армии от 26 июля утверждал, что «теперь, если не последует изменения в силах неприятеля в Ловче, можно задушить его двумя дивизиями с соответствующей кавалерией».

* Филиппополь — ныне город Пловдив.

Но русское командование свободных дивизий не имело. Войска, вызванные из России, еще не подошли, и поэтому со взятием Ловчи решили повременить, тем самым предоставив благоприятную возможность туркам наращивать силы.

Все предпринятые Скобелевым усилия оказались напрасными. И до 10 августа его отряд находился в бездействии. В этот день из штаба прибыл с донесением гонец, который передал Скобелеву, что приказом главнокомандующего его назначают начальником вновь сформированного отряда, в состав которого входили: Казанский полк, батальон Шуйского полка, команда саперов, Кавказская казачья бригада, две батареи. Всего около пяти с половиной тысяч человек и четырнадцать орудий. Этот отряд входил в состав войск князя А. К. Имеретинского, начальника 2-й дивизии, направленных на штурм Ловчи. После взятия города отряд должен был перейти в распоряжение князя Карла Румынского, вступившего в командование Западным отрядом.

Скобелеву вновь приказывают провести рекогносцировку, но он рвется в бой. Для него нет ничего страшнее, чем оказаться простым созерцателем событий, и поэтому стремится доказать, что бездействие такого большого отряда наносит серьезный ущерб общему делу. Об этом Скобелев поочередно пишет письма Ф. Ф. Радецкому и Н. И. Святополк-Мирскому. Вот выдержка из письма, направленного Н. И. Святополк-Мирскому 14 августа 1877 года: «Потрясающее впечатление, произведенное рассказом г-на Стенле, о положении наших на Шипке заставляет меня высказать вам мое глубокое убеждение: неприятель искусно маневрирует, отвлекая часть наших войск от участия в сражении на перевале. *Немедленное* прибытие 9-ти батальонов может иметь *решающее значение* в нашу пользу. Два полка из Сельви*, 64-й Казанской с занимаемой мною позиции могут быть завтра утром в Габрове; голова колонны даже подходит к месту боя. 1-й батальон Шуйского полка с 9-ти-фунтовой батареей могут с успехом прикрывать Сельви. Ручаюсь, что *Кавказская казачья бригада с 8-ю конною батареями* настолько удержит неприятеля со стороны Траяна** и Ловчи, чтобы дать в Сельви соответствующее решение.

В данный момент Сельви не угрожает никакой опасности. Почему же нам не маневрировать!?. Только что с двумя сотнями из-под Ловчи; никаких признаков присутствия значительных сил; из Траяна доносят, что там, кроме как нескольких сотен башибузуков, никаких войск нет...»

Выводы и предложения Скобелева верны, но принять их — значит дать понять, что он творец плана разгрома турок у Шипки, которого, кстати, ни у Н. И. Святополк-Мирского, ни у Ф. Ф. Радецкого нет, а посему лучше уж будет так, как есть. Но лучше не было.

18 августа князь А. К. Имеретинский направил Скобелеву записку, в которой просил его представить свои соображения и прибыть к нему в Сельви 19 августа, что Скобелев и сделал.

Поскольку бой за взятие Ловчи был первым боем, в котором Скобелев выступал в роли начальника большого отряда, то на нем остановимся несколько подробнее. Вот план, разработанный Скобелевым.

Задача: взять город Ловчу с возможно меньшими потерями.

Средства: пехота, 2-я пехотная дивизия, бригада 3-й пехотной дивизии,

* Сельви — ныне город Севлиево.

** Имеется в виду город Траян.

64-й Казанский полк, 1-й батальон Шуйского полка, команда саперов — итого 22 батальона.

Артиллерия: шесть батарей 2-й дивизии, три батареи 3-й дивизии и 2-я батарея 16-й артиллерийской бригады, одна девятифунтовая батарея 9-й артиллерийской бригады — итого 88 орудий.

Кавалерия и конная артиллерия: Кавказская казачья бригада, 8-я донская батарея, эскадрон конвоя, бригада генерал-майора Леонтьева с конной батареей — итого 12 сотен, 9 эскадронов, 12 орудий.

Основные принципы: 1) Тщательное знакомство с местностью и расположением противника. 2) Обширная артиллерийская подготовка с дальних и ближних позиций. 3) Постепенность атаки. 4) Содействие фортификации при занятии первоначальных позиций, постепенно отнимаемых у неприятеля. 5) Сильные резервы и экономное их расходование. 6) По разъяснении слабости противника захват его путей отступления. 7) Освещение себя со стороны пунктов, из коих противник может ждать подкрепления.

Порядок выполнения задачи: 1) Занятие артиллерийских позиций на господствующих высотах. Сосредоточение на них значительного числа орудий. Устройство на этих высотах батарей и ложементов для стрелков. Устройство сообщений между этими высотами. 2) Сосредоточенный и продолжительный огонь на высоты неприятельской позиции. 3) Одновременный штурм этих высот после могущественной подготовки. 4) Перенесение на высоту № 2 нашей артиллерии; захват высот № 3 и № 4. Устройство на отбитой позиции ровиков для стрелков. 5) Штурм города и укреплений № 5, причем главное наступление вести с левого фланга нашего расположения, куда притянуть и свои резервы. 6) Просить у генерала Зотова одновременно с началом атаки произвести демонстрацию против правого фланга неприятельского расположения у Плевны.

...Многие изрядно изветшавшие от времени журналы боевых действий русско-турецкой войны свидетельствуют, что столь глубокие и ясные диспозиции до прибытия на театр действий Э. И. Тотлебена встречаются довольно-таки редко. Да ведь в начале войны от подобных журналов и вовсе собирались отказаться, мол, писать и отображать события некогда, надо действовать. Но умудренный боевым опытом Скобелев настойчиво требовал, чтобы велись хотя бы краткие дневники. Как они впоследствии пригодились для воссоздания правдивого и подлинного описания хода войны, далекого от того, каким оно выглядело в официальных публикациях!

Приведенная же диспозиция ценна тем, что, по сути дела, она является первым документальным свидетельством становления полководца. Можно возразить, что за плечами Скобелева не одно сражение и уже на земле Болгарии за ним прочно укрепилась репутация отважного и мужественного воина. Действительно, в войне, породившей массовый героизм, трудно было выделиться только за счет этих качеств. Имея преобладающее значение, они цементировали собой многие другие, столь необходимые военачальнику: умение масштабно мыслить, реально оценить обстановку, предвидеть возможные ее изменения, добиться глубокого понимания от подчиненных целей и задач, вдохновить их на самопожертвование и стать впереди, если этого потребуют обстоятельства.

К своим соображениям Скобелев представил подробный чертеж местности. А. К. Имеретинский принял этот план без добавлений и поручил осуществ-

вить его самому Скобелеву, назначив командовать левофланговым отрядом в составе десяти батальонов, пятидесяти шести орудий и трех эскадронов, то есть выполнить главную задачу. На правом фланге во взаимодействии с колонной Скобелева должен осуществлять наступление отряд под командованием генерала Добровольского.

Князь А. К. Имеретинский решил поручить дело взятия Ловчи Скобелеву еще и по той причине, что в случае неудачи можно будет свалить вину на него. За последнее время так отвыкли от боевых успехов, что каждый пытался застраховать себя. Но в данном случае опасения были напрасными — дело находилось в надежных руках. Много лет спустя князь вспомнил об этом в разговоре с одним из участников войны: «Я подошел под ловческие редуты, не имея никакого понятия о них самих, ни о местности перед ними, однако создавалось впечатление, что позиция неприятеля крепка, что дело будет трудное, но как идти на нее, с какой стороны, я не знал и мог узнать, конечно, только после рекогносцировки под неприятельским огнем. В это время ко мне явился Скобелев. Поздоровались. Он сказал:

— Князь, вы новичок в этих местностях и, конечно, не знаете ни расположения, ни стиль неприятеля, узнавать вам придется теперь не иначе как с большими потерями, а я давно здесь, изучил и ознакомлен с каждой пядью земли, с каждой возвышенностью, знаю все тропы, дороги и подступы, знаю дальность боя орудий, расположение траншей — доверьтесь мне, дело пойдет скорее, ручаюсь вам за успех.

Я доверился и не имел повода к раскаянию».

На следующий день после формирования отряд Скобелева выступил в дорогу. Прошли сильные дожди, а затем непогода сменилась невыносимой жарой. Все это создавало дополнительные трудности при совершении марша к селению Какрино, откуда Скобелев решил начать наступление на Ловчу. Расположившись у Какрино, отряд деятельно принялся за инженерные работы и в этом деле преуспел настолько, что каждый воин был уверен в неприступности позиции.

В то время как отряд Скобелева готовился к сражению, с Шипки доносилось глухое эхо выстрелов. Там шли невероятно тяжелые бои, Сулейман-паша вновь обрушился со всей армией на защитников перевала. И Скобелев, желая хоть чем-нибудь помочь героям, просил о скорейшем начале наступления, тем более, что и здесь, у Ловчи, неприятель скапливал силы для удара по русским войскам: об этом говорили и лазутчики, и болгары, бежавшие из Ловчи. И наконец 19 августа Скобелев получил предписание полевого штаба от 18 августа, в котором говорилось, что настал черед Ловчи, и отряду предписывалось захватить ее.

Радость воинов, узнавших о получении приказа, понятна. Бездействие на Какринской позиции в то время, когда русские войска отставали Шипку, было тягостным. Общее желание идти в бой усилилось, когда стало известно о переходе турок в наступление против Руцукского отряда.

В полном составе войска численностью около двадцати семи тысяч человек и девяноста восьми орудий выступили к Ловче. Более чем трехкратный перевес оправдан, если учесть и сложность местности, и силу турецких укреплений. Перед началом действий Скобелев отдал приказ по левой колонне, а до господ офицеров довел диспозицию.

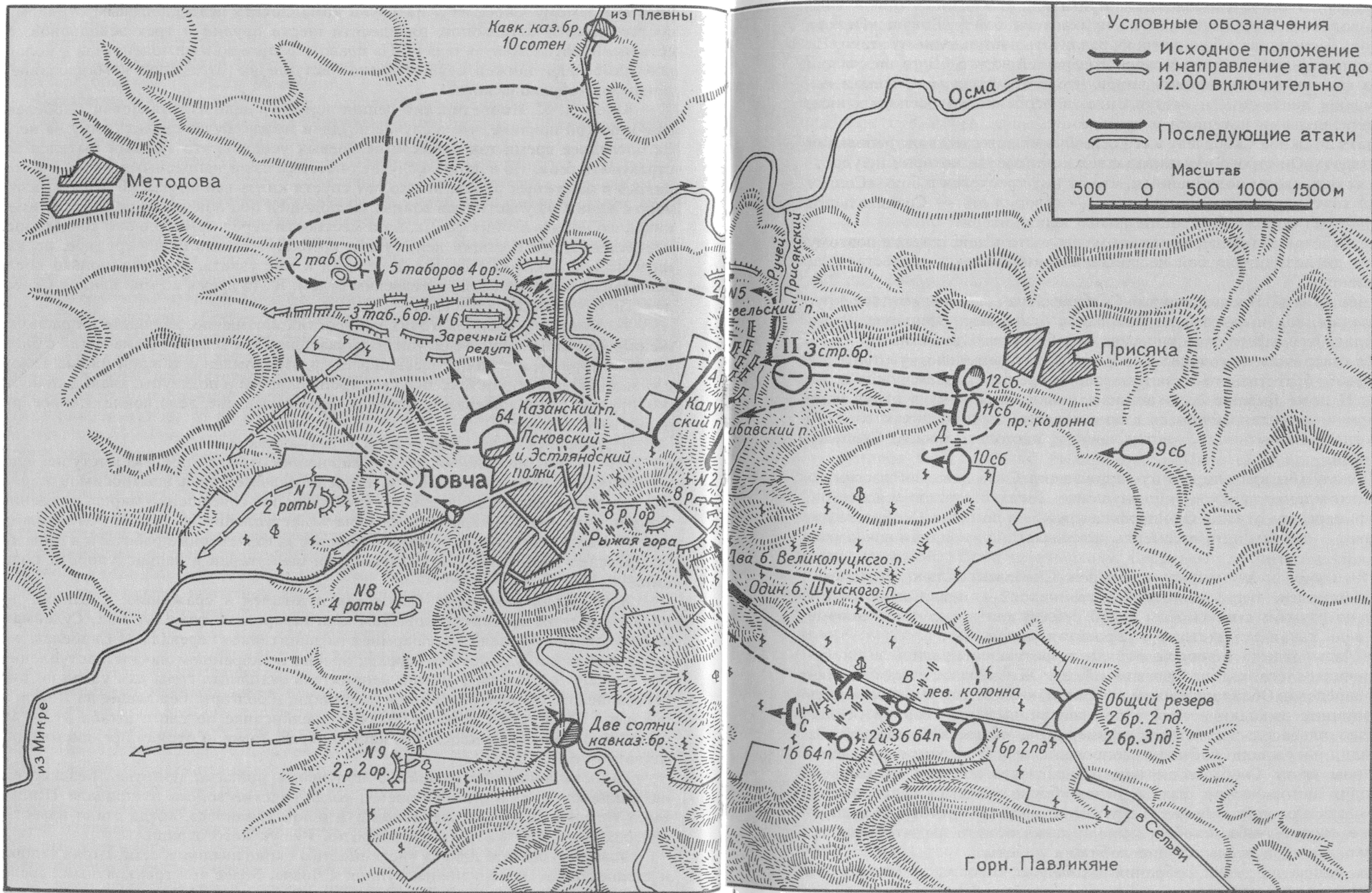

Схема. Вой под Ловчей. 22 августа 1877 года

Если говорить о стиле скобелевских приказов, то писались они в виде обращений к войскам. Вот выдержка из приказа на бой у Ловчи: «Пехота должна избегать беспорядка в бою и строю, различать наступление от атаки. Не забывать священного долга выручки своих товарищей во что бы то ни стало...

Обращаю внимание всех нижних чинов, что потери при молодецком наступлении бывают ничтожны, а отступление, в особенности беспорядочное, кончается значительными потерями и срамом».

Надо отдать должное Скобелеву в его стремлении довести свои требования до каждого солдата. Он строго взыскивал с тех командиров, которые не удосуживались объяснить своим подчиненным, что от них требуется в бою. «Солдат должен всегда знать, куда и зачем он идет... — говорил он. — Сознательный солдат в тысячу раз дороже бессознательного исполнителя».

Скобелев требовал от офицеров самостоятельности в действиях, а поэтому отдаваемые им диспозиции на бой не подавляли инициативу, предоставляли простор мышлению.

Со времени Второй Плевны вокруг Скобелева начал объединяться круг таких же молодых, как и он сам, энергичных и одаренных офицеров. В его отряде сложилась атмосфера товарищества и доброжелательности.

«Здесь все товарищи», — говорил Скобелев. И действительно, чувствовался во всем дух боевого братства, что-то задушевное, искреннее, совсем чуждое низкопоклонству. И даже бывшие однокашники, попавшие к нему в отряд и по каким-либо причинам остановившиеся в продвижении по ступенькам военной карьеры, никогда не испытывали чувства зависти, настолько просто Скобелев держался с ними.

Но в делах службы вряд ли кто из окружавших Скобелева мог рассчитывать на его снисхождение за какое-либо упущение. Тогда он становился жесток, и это знали офицеры его отряда. Офицерская дружба в понятии Скобелева давала одно право — первым идти на смерть, показывать пример, как показывал его он сам.

Об участи своих подчиненных офицеров Скобелев сильно тревожился: «Папенек, маменек, титулованных родственников — нет. Самые счастливые выйдут из службы с пансионом в 350 рублей или попадут в становые пристава... А ведь какая это честная и даровитая молодежь».

В редкие часы отдыха офицеры отряда зачастую собирались у Скобелева на славившиеся его хлебосольством обеды. Жизнерадостности Скобелева не было предела. Обладая тонким чувством юмора, он умел понимать шутку и остроумные выходки в свой адрес воспринимал без всякой обиды.

Но не одно хлебосольство влекло офицеров на обеды к Скобелеву. За столом спорили, обсуждали события, сопровождая их меткими определениями. В тесном кругу Скобелев не навязывал своего мнения, на каждый пример приводил исторические факты, безошибочно называл годы, имена, литературу — для молодых офицеров это были часы не пустого времяпровождения, а скорее учеба. Скобелев умело давал понять им, что без знания противника, законов войны трудно добиться победы.

Как-то на одном из таких собраний Скобелева спросил приехавший в его отряд дипломат из свиты царя:

— Неужели вы не боитесь?

— Видите ли, душенька, — был ответ Скобелева, — вы имеете *право* быть трусом, солдат — *может* быть трусом, офицеру, ничем не командующему, инстинкты самосохранения извинительны, ну а от ротного командира и выше трусам нет никакого оправдания... Генерал-трус, по-моему, анахронизм, и чем меньше такие анахронизмы терпимы — тем лучше. Я не требую, чтобы каждый был безумно храбрым, чтобы он приходил в энтузиазм от ружейного огня. Это — глупо! Мне нужно только, чтобы всякий исполнял свои обязанности в бою.

И в Скобелевском отряде каждый делал свое дело, памятуя о том, что оно — часть общего...

В половине шестого утра 22 августа войска заняли исходные позиции для наступления на Ловчу, причем выполнили это почти без шума, так что турки и не подозревали о готовившемся наступлении. Князь А. К. Имеретинский дал команду начать артподготовку.

Колонна, возглавляемая Скобелевым, должна была выбить турок из занимаемых ими укреплений на Рыжей горе. Князь А. К. Имеретинский сообщал об этом в своем донесении главнокомандующему: «Принимая во внимание, что так называемая «Рыжая гора» командует всеми остальными высотами, окружающими г. Ловчу, решено было вести на нее главную атаку. Атака эта была возложена на генерала Скобелева, и только по овладении «Рыжей горой» и ближайшими к ней ложементами должна была начать атаку правая колонна генерала Добровольского».

Батареи вели огонь по Рыжей горе, осыпая ее снарядами, и было видно, как турки начали покидать нижнюю траншею и перебегать на вершину. Скобелев объезжал батареи, давал указания на перенос огня. В половине двенадцатого князь А. К. Имеретинский, посчитав артиллерийскую подготовку достаточной, решил начать атаку Рыжей горы, о чем он сообщил Скобелеву запиской: «Пора начать атаку. Стреляем уже пять с половиной часов».

Начал атаку Казанский полк. С распущенными знаменами и с музыкой двинулись казанцы на Рыжую гору. Впереди густая цепь стрелков. Артиллерийский огонь, сопровождавший атаку, и движение действовали на турок дезорганизуя, но постепенно сила их огня нарастала.

Единственным укрытием для наступавших могла служить лишь мельница на берегу реки Осмы, окруженная деревьями, далее овраг с обрывистыми берегами, на дне довольно-таки глубокий ручей — вода по пояс. Но полк двигался вперед, невзирая ни на что. Небольшое замешательство в овраге — и солдаты карабкаются по его скатам, используя для опоры ружья, жерди, плечи товарищей — и вот уже несколько рот на другой стороне. Турки усилили огонь, но атака настолько стремительна, что наступающих уже не остановить. Боясь штыкового удара русских, турки сначала поодиночке, затем группами стали покидать первую траншею. Это придало новые силы атакующим, «ура» становится громким, раскатистым. Близка и вторая траншея — видна растерянность турок, они бегут из нее, а затем и из третьей траншеи под прикрытие редутов. Рыжая гора взята, потери минимальные — несколько десятков человек.

С вершины горы открылся вид на казавшийся вымершим город, а за

ним на высотах — сильный неприятельский редут, окруженный в несколько линий сетью траншей.

Небольшая передышка — и снова вперед. Теперь уже путь на Ловчу свободен. Во главе батальона казанцев,двигающихся по дороге, сам Скобелев. Турки из редута открывают огонь, от которого ни вправо, ни влево не свернуть — кругом голые скалы. Надо спешить, темп невыносимый, турки начинают пристреливаться, но батальон уже достиг окраин Ловчи, за ним — другой. Вскоре весь город оказался в руках русских. На улицах поодиночке и группами появились болгары, обнимают своих освободителей. А Скобелев спешит. Главное, пока противник не опомнился, — взять штурмом нависший над городом редут.

Скобелев решил нанести удар по правому флангу турецких укреплений. На главном направлении был сосредоточен почти весь отряд, чем был достигнут значительный перевес в силах. Около трех часов дня, когда все приготовления были закончены, Скобелев подал сигнал к атаке.

Поддерживаемые огнем четырех батарей, войска двинулись вперед. Чтобы ввести в заблуждение противника, атака началась на левом фланге турок, которые не замедлили перебросить со своего правого фланга значительную часть сил. Затем Скобелев резко изменил направление и сосредоточил на этом фланге все имеющиеся у него под рукой войска. Этот маневр решил исход боя. Со всех сторон солдаты карабкались на бруствер редута. Турки бросились бежать, но у выхода их встретили в штыки, весь редут наполнился убитыми и ранеными. На помощь оборонявшимся Рифат-паша бросил два табора — последнее, что осталось у него, но и это не помогло. В бой вступили казаки. Они не позволили подкреплению приблизиться к редуту и еще долго преследовали остатки Ловченского гарнизона. В этот день мало кому из турок удалось избежать гибели.

Когда Осман-паша получил сообщение о начале боя у Ловчи, он поспешил на выручку и лично возглавил отряд из двадцати таборов, оставив за себя в Плевне Адиль-пашу. Но двигался он нерешительно, очевидно, боясь за ослабленную его уходом Плевну, да и стремительность наступления взятия Ловчи привела его к опозданию почти на пятнадцать часов. Наткнувшись на укрепление русских войск на Ловченском шоссе, он повернул назад в Плевну.

Как могло случиться, что Осман-паша оставил Плевну и возвратился в нее абсолютно никем не замеченный? Это еще раз наводит на мысль, что ничему-то за это время высшее руководство не научилось.

...Ночь после трудного боя была спокойной. Впервые за несколько суток солдатам разрешили снять амуницию и отдохнуть. «Все отлично, надо отдыхать, готовить себя к славному бою под Плевной», — говорил Скобелев.

...Ловча. Название этого небольшого городка, который в начале войны остался несколько в стороне от основных планов русского командования, а стрелы главных ударов даже краешком не коснулись незаметного кружка, обозначающего город на картах, теперь не сходило с языка у многих. Рядом с ним непременно звучало слово «победа». В атмосфере подавленности была пробита пусть небольшая, но все-таки брешь. И сделал это Скобелев. Казалось, следующим шагом должен стать удар по одному из укреплений на

Софийском шоссе, в результате чего Плевна оказалась бы отрезанной от сообщений с внешним миром. Но лишь только отзвучало эхо выстрелов под Ловчей, как о Скобелеве забыли, лишь легкий фимиам успеха продолжал кружить начальственные головы. Может быть, потому и не случилось того, на что рассчитывал Скобелев. Войска остались недвижимы, да и ему вновь пришлось обивать пороги штабных палаток, чтобы решить вопрос о своем назначении. До дивизии, мол, он не дорос, рассудили вверху, а бригадные вакансии, увы, все заняты. Так Скобелев вновь оказался генералом не у дел.

Если говорить о самой организации боя, то она выгодно отличалась от Первой и Второй Плевны, а с точки зрения управления войсками стала новой ступенью роста полководческого таланта Скобелева.

После взятия Ловчи войска князя А. К. Имеретинского, оставив в городе небольшой гарнизон, двинулись к Плевне, где им предстояло принять участие в третьем решающем штурме, а что такой будет, в этом не сомневались. В штабе Дунайской армии в ускоренном порядке разрабатывался новый план генерального штурма Плевны.

ТРЕТЬЯ ПЛЕВНА

Более полутора месяцев русская армия находилась у стен Плевны, которую Осман-паша превратил в неприступную крепость. Для русского командования Плевна стала камнем преткновения, но надо было довести дело до конца. Какими же средствами и, самое главное, как собирались брать Плевну на сей раз?

Единственный успех у Ловчи и прибытие из России и Румынии нескольких новых дивизий вновь породили в Полевом штабе Дунайской армии дух самоуспокоенности. «Все верили, — писал в своих воспоминаниях о войне ее участник, — что Плевна на этот раз непременно будет взята, и что взять ее ввиду принятых мер, — совершенные пустяки. В этом были все убеждены от генерала до последнего фургонщика». Однако задача усложнилась. Русские наращивали силы, но и турки не тратили времени даром, их редуты становились мощнее, приток резервов и обозов с боеприпасами и продовольствием не прекращался, правда, шли они по единственной, после взятия Ловчи, дороге на Софию, но все-таки подходили, и вскоре численность турецкой армии в Плевне достигла тридцати трех тысяч человек. С такими силами Осман-паша думал не только обороняться, но и в подходящий момент нанести удар по русским войскам, занимавшимся строительством укреплений, испарением дорог и мостов.

19 августа турки, выйдя из укреплений, атаковали русские позиции у Пелишата-Сгаловца. Вот тут-то и можно было навязать противнику генеральное сражение. Кстати, сам Николай Николаевич еще 21 июля в письме Александру II писал о таком случае как о весьма желаемом, но... уж коль господь бог военного дара не послал, то появившуюся возможность упустили. Мало того, наступление турок оказалось неожиданным и застало

врасплох русское командование. П. Д. Зотов, получив известие о переходе турок в наступление против 4-го корпуса, не решился ударить во фланг туркам 9-м корпусом, находившимся в непосредственной близости, опасаясь их прорыва к императорской квартире, расположившейся в недалеком тылу в Горном Студене. Прибывшие к Плевне части Румынской армии оставались пассивными наблюдателями боя, как в поговорке: «Двое дерутся — третий не лезь». И не лезли. На сей раз в результате десятичасового кровопролитного боя русским войскам удалось отразить наступление с большими потерями для турок, благодаря героизму солдат. Но этот факт еще раз продемонстрировал уровень военного мастерства тех, кому была доверена судьба Третьей Плевны. И если к этому добавить, что с 22 августа в командование Западным отрядом вступил князь Карл Румынский (П. Д. Зотов стал начальником штаба), рвущийся не менее русских генералов к военной славе, то вряд ли можно было с уверенностью сказать, что третий штурм Плевны завершится успехом.

Все же, несмотря на явную слабость высшего командования, командиры полков и батальонов готовили свои войска к сражению, принимая во внимание опыт двух предыдущих. Изготавливались фашины* и штурмовые лестницы, войска обучались штурмовым действиям, сосредоточивались запасы боеприпасов, проводились рекогносцировки, однако и на сей раз они не дали полных сведений. Особенно слабо велась разведка к западу от Плевны, где, опять-таки по мнению главнокомандующего, следовало нанести не главный, а второстепенный удар. Неоднократным заявлениям Скобелева об относительной слабости турецких укреплений на левом фланге вновь не придали значения.

Как же предполагалось осуществить штурм? Основу наступления должно было составлять предварительное, возможно продолжительное, обстреливание неприятельских укреплений артиллерией, усиливаемое с постепенным к ним приближением; такое же постепенное, производимое незаметно под прикрытием местности, приближение к укреплениям пехоты и, наконец, атака их открытой силой.

Опять решено брать Плевну в лоб, и опять основные усилия сосредоточивались против Гривицкого редута, который, как полагало командование, был воротами Плевны. Несомненно, редуты находились в непосредственной близости от города и с занятием их создавалась угроза взятия не только самой Плевны, но и выхода в тыл другим укреплениям, но в данном случае не всякий короткий путь — близок, что и показали развернувшиеся события.

Тем временем войска занимали исходное положение для наступления. Одновременно началась и артиллерийская подготовка, в которой кроме всей артиллерии Западного отряда принимали участие и двадцать осадных орудий большого калибра, доставленных из России.

Целью артподготовки ставилась бомбардировка укреплений самым частым и сильным огнем до тех пор, пока будут сделаны в них серьезные повреждения и гарнизон понесет существенные потери. Но ни серьезных по-

* Фашина — связка прутьев, хвороста, камыша для укрепления насыпей, дорог по болоту.

вреждений, ни потерь из-за бесплановости и распыленности огня противник не понес, а незначительные — восстанавливались по ночам.

На массированный обстрел турки отвечали не менее жестоким огнем. Вот какую оценку действиям русской артиллерии дал А. Н. Куропаткин: «Артиллерийские действия при подготовке, вследствие неправильного употребления артиллерии, неудачны». Громадным преобладанием артиллерии русское командование не воспользовалось.

В отчете генерал-лейтенант П. Д. Зотов писал, что после трехдневной бомбардировки неприятеля пришли к заключению не особенно торопиться с атакой его укрепленного лагеря, а терпеливо дать артиллерии еще и еще делать свое дело разрушения преград, нравственного истомления и материальной дезорганизации обороняющегося, чем так особенно бывает сильна многочисленная артиллерия наступающего, что известно всякому, кто когда-либо стаивал на укреплениях под сосредоточенным ее огнем. Поэтому 28 августа решено было продолжать артиллерийский бой еще день, два, три.

Но обстоятельства обратили в ничто это решение. Продолжать артиллерийский бой оказалось невозможным по двум причинам, из которых и одной вполне достаточно. Обнаружилось, что в артиллерии «легко мог оказаться недостаток в снарядах» и что «от усиленной и непрерывной трехсуточной стрельбы некоторые лафеты осадной артиллерии, а также многие из девятифунтовых орудий полевой артиллерии начали приходить в негодность». Но все-таки бомбардировка продолжалась, поскольку на другое у высшего командования просто не хватило фантазии.

Казалось, опыт предыдущих сражений убеждал в явной нецелесообразности лобовых атак с востока и необходимости штурмовать Плевну там, где она была слабо укреплена. Даже такой, сугубо гражданский человек, как известный публицист К. Н. Леонтьев, писал за неделю до третьего штурма Плевны: «Подкреплений пришло много, и... зная местность... нужно теперь... напасть еще на Османа и (если можно?) обойти его с Софии, разбить или взять в плен...»

Зато эта идея обхода не пришла никому в голову как в штабе Дунайской армии, так и в штабе Западного отряда. Осуществлять решили самый, пожалуй, неудачный план создания трех различных по силе группировок, имевших самостоятельные задачи и удаленных друг от друга на значительные расстояния.

На правый фланг для атаки Гривицкого редута направлялись сорок восемь русских и румынских батальонов и сто восемнадцать орудий под командованием румынского генерала Черната; в центр против редута Омарбей табия — тридцать батальонов и сто пятьдесят два орудия генерала Крылова и на левый фланг двадцать два батальона и тридцать шесть орудий под командованием князя А. К. Имеретинского. Кроме этих сил в общем резерве оставалось двадцать семь батальонов.

Авангардом отряда князя А. К. Имеретинского, расположившимся на левом берегу реки Тученци у деревни Брестовец, командовал Скобелев.

В Брестовце, в доме, занятом Скобелевым под штаб, за большим столом — офицеры, на нем карты, карандаши, стаканы с чаем, на деревянных

тарелках хлеб. Обсуждался план атаки Зеленых гор и редутов. Спорили все. Скобелев молчал. Так уж повелось с Ловчи. Решение поначалу обсуждалось всеми командирами, а затем он окончательно излагал его, обобщив все «за» и «против». Результат таких обсуждений — все знают задачу твердо, а раз командир ее знает, то и подчиненным растолкует. Если совет помогал делу, Скобелев всегда к нему прислушивался.

Все ясно понимали: бой будет упорным. Осман-паша не слаб умом, чтобы просто так отдать выгодные гребни Зеленых гор, но какими будут его действия и как отвечать на них — вот что волнует Скобелева. Он отдал приказание на выдвижение батарей на высоты, сам осмотрел их расположение, объехал залегшие и изготовившиеся для боя Калужский и Эстляндский полки. Как всегда, для солдат — доброе слово.

Впереди слышалась трескотня ружейных выстрелов — казацьи цепи вели огонь по второму гребню. Закрытая, заросшая отдельными деревьями, кустами, кукурузой и виноградниками, местность скрывала расположение и силы неприятеля. Лишь дымки ружейных выстрелов обозначали, по-видимому, редкую цепь турок. Но за гребнем стояли резервы, ждавшие своего момента. Батареи вели огонь по гребню и по редуту у деревни Кришин — турки отвечали огнем своих орудий.

Около 3 часов дня Скобелев вызвал на Рыжую гору, куда он переместился вместе со штабом, командира Калужского полка полковника Эльжановского, поставил перед ним задачу овладеть вторым гребнем Зеленых гор и укрепиться на нем. Для прикрытия флангов полка выделялись по две казацьи сотни. Второй гребень Скобелеву было приказано атаковать в 10 часов утра, но он рассчитал, что, взяв гребень поближе к вечеру, обезопасит себя от контратак, так как ночью турки вряд ли попытаются возвратиться его.

Неприятель заметил движение пехотных цепей и обрушил на них огонь артиллерии всего своего фланга. Скобелев наблюдал за наступлением, через ординарцев давал указания: скопления не должно быть, двигаться цепью, резервам — следом за наступающими. От командира полка Скобелев получил следующее донесение: «Я дошел до неприятельской цепи, которая открыла огонь шагах в 500. Мы стоим по обеим сторонам шоссе. Прошли от нашей позиции версты две. Артиллерийский огонь открыт с малых укреплений; ожидаю приказания. Полковник Эльжановский».

Но не успел Скобелев ответить на записку, как усиливающаяся стрельба была заглушена криком «Ура!», который, постепенно удаляясь, становился еле слышным. Скобелев, пустив в карьер свою лошадь, выскочил на второй гребень, но никого на нем не нашел. Батальоны преследовали турок, и тут Скобелев понял, чем это грозит полку. Турки вводили в бой резервы, явно превосходившие по численности наступавших. Немедленно следует команда: «Атаку прекратить! Отражать турок огнем с места». Полк залег. Но тут в пылу боя, когда командир полка был тяжело контужен, кто-то из офицеров поднял полк, калужцы снова пошли в атаку и с криками «Ура!» бросились на турок; короткая, но кровопролитная рукопашная схватка, и вот неприятель бежит, преследуемый солдатами. Бой уже на третьем гребне, турки оставляют позиции, а через некоторое время их выбивают из укрепленных лагерей. Так наступающие оказались у самого редута, из

которого на них обрушился град снарядов и пуль. Невзирая на потери, калужцы спустились к ручью, а отдельные перебрались через него и лезли по скату к реду. Скобелев быстро оценил обстановку. С большим трудом удалось ординарцам остановить калужцев и отвести назад.

Тяжело пришлось отступавшим, оторвавшимся от своего прикрытия с флангов. Воспользовавшись их незащищенностью, от редутов и со стороны Плевны двинулись колонны пехоты, поддерживаемые конницей. Отбиваясь от наседавших турок, калужцы отошли ко второму гребню. Но самые тяжелые минуты боя позади. Скобелев лично возглавил атаку и своим «Вперед, ребята!» увлек за собой батальоны и отбросил турок.

Но Осман-паша, как и предполагалось, не желал мириться с потерей Зеленых гор и двинул против Скобелева новые резервы. Противники сходились и расходились в атаках еще несколько раз. Скобелев был в самой гуще сражения. Если учесть, что бой происходил в зарослях кукурузы и виноградников, то лишь дым выстрелов и разрывы свидетельствовали, у кого дела шли успешнее. В решающую минуту боя Скобелев приказал казакам обойти виноградники и ударить с тыла. Туркам пришлось искать спасения в редутах. Второй гребень остался в руках русских. День подходил к концу, и Скобелев отдал распоряжение убрать раненых, объединить разрозненные подразделения калужцев и приступить к возведению укреплений.

В бою за взятие гребней Зеленых гор русские еще раз наглядно продемонстрировали свои значительные преимущества в действиях на открытой местности. Турки испытали и силу штыковых атак пехоты, и стремительность ударов кавалерии. Даже несмотря на непредвиденный ход боя, Скобелеву удавалось все-таки держать нити управления в руках. Турки понесли большие потери и оставили русским важную позицию, какой являлся второй гребень. Приказ Полевого штаба был выполнен.

...Сумерки опустились на горы. На занятом русскими вторым гребне слышен стук лопат. В тыл двигаются калужцы, впереди, по приказу Скобелева, песенники, и вот уже в ночь льется походная песня, стряхнули с себя усталость солдаты, равнение в колоннах. Кажется, и не было трудного боя.

Сам же Скобелев поехал осматривать перевязочные пункты, где скопилось немало раненых и самоотверженно, в невероятно трудных условиях, лишенные порой самого необходимого, работали военные врачи и сестры милосердия.

Около 10 часов вечера Скобелев получил от князя Имеретинского следующее предписание: «Завтра, 28-го августа, с рассветом подкреплю вас 14-ю ротами Ревельского полка. Предлагаю вам удержаться, если возможно, на занятой вами позиции. В случае наступления на вас противника в превосходящих силах, отойти на позицию, занятую войсками 2-го эшелона, прикрываемыми дорогой от плевенского шоссе на Богот. Полагаюсь вполне на ваше благоразумие. Имейте в виду, что получена шрапнель с двухъярусными трубками, которая будет вам отпущена по вашему востребованию».

Но еще через несколько часов, уже ночью, Скобелев получил уведомление о том, что наступление, назначенное на 28 августа, переносится на один-два дня по причине неудачных действий артиллерии. Впрочем, обо всем по порядку.

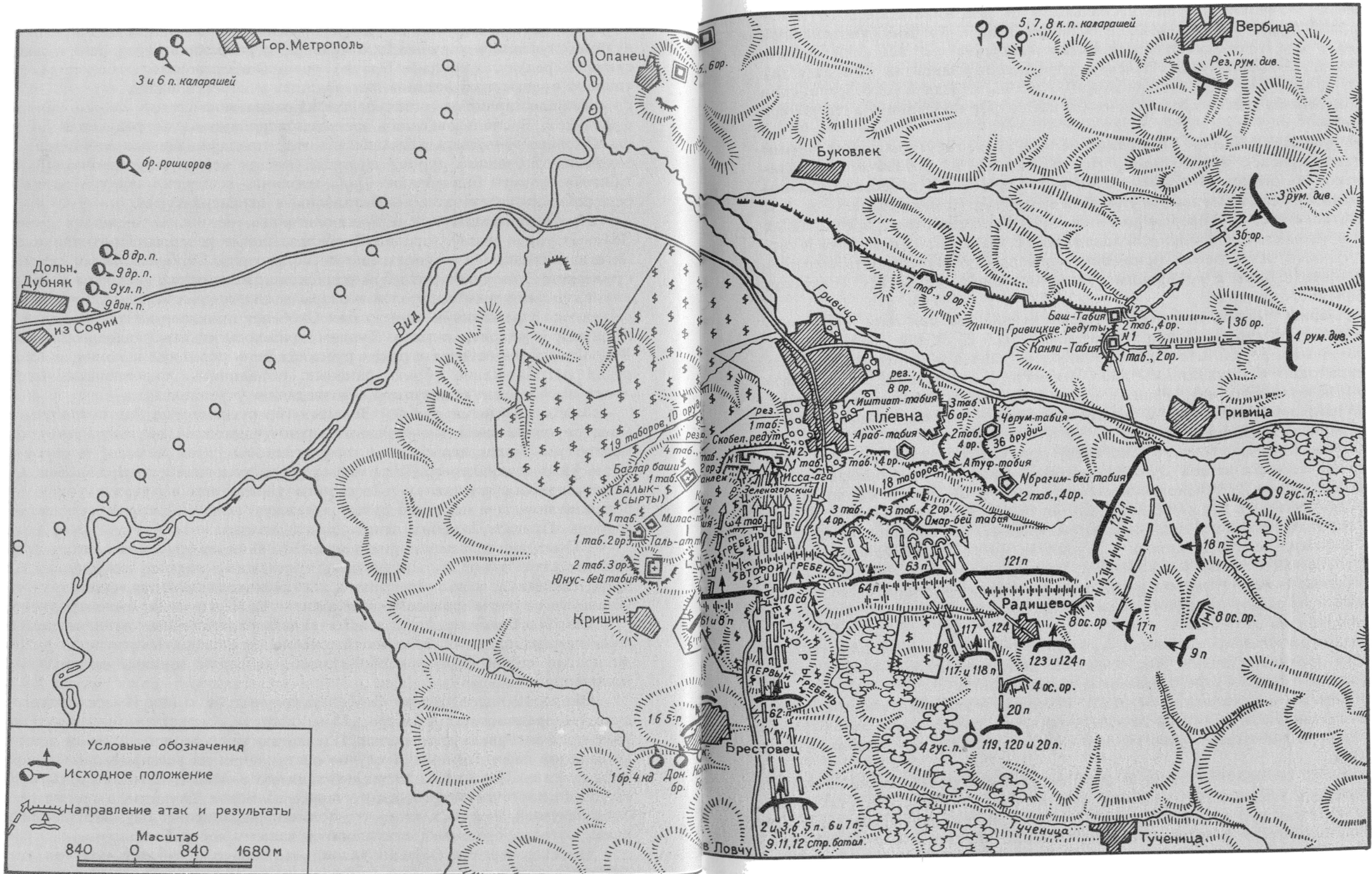

Схема. Третья Плевна. 30 августа 1877 года

Скобелев, понимая, что еще несколько суток удерживать все высоты малыми силами будет трудно, решает оставить второй гребень, укрепившись на первом, о чем и доносит Имеретинскому: «Получив в 2 часа ночи уведомление о том, что атака города Плевны (предполагавшаяся на 28-е августа) отложена на один день, я очистил второй гребень, отведя с него эстляндцев на первый гребень, здесь укрепился, чтобы дать отпор противнику в случае его наступления».

Ночь прошла спокойно. Турки даже не вели огня. Но утром бой за первый гребень разгорелся с новой силой, что убедило П. Д. Зотова в необходимости отложить штурм. И эту мысль он выразил в своем донесении главнокомандующему: «Наступление это (имеется в виду наступление турок. — Б. К.), хотя и неуспешное, но совершенное при тех обстоятельствах, при которых находился неприятель, обойденный кавалерией с тыла, обстреливаемый и теснимый с фронта, естественно, приводило к мысли о значительности сил противника и стало быть к необходимости не особенно торопиться (с)атакой его укрепленного лагеря».

Артиллерию выдвинули ближе к Плевне и еще два дня вели опять-таки малоуспешный обстрел турецких укреплений. П. Д. Зотов сделал вывод, что из-за низких результатов огня артиллерии «далее медлить становилось прямо невыгодно и приходилось либо отказаться от штурма, либо произвести его безотлагательно». Решено было последнее. 29 августа, вечером, в войска направили диспозицию на третий штурм Плевны, который намечалось осуществить 30 августа.

Накануне штурма в отряд к Скобелеву приехал генерал К. В. Левицкий, помощник начальника штаба Дунайской армии. Скобелев был прекрасно осведомлен о недоброжелательном отношении к нему К. В. Левицкого, но действительность превзошла все ожидания. Как ни пытался он уговорить К. В. Левицкого посетить позиции, тот, ссылаясь на недостаток времени, отказался, а позже доложил великому князю: «...Турки не могут отдать те высоты, которые придется атаковать Скобелеву, потому что с них обстреливается и город Плевна, и весь турецкий укрепленный лагерь, в котором стоит их резерв. Атака этих высот приведет к самому кровопролитному бою: не следует делать иллюзий на этот счет».

По здравому смыслу, казалось бы, именно поэтому надо приложить все усилия для овладения этими высотами. Но Левицкий сделал неожиданный вывод сначала овладеть укреплениями южного фронта.

Весь день 30 августа был пасмурный, холодный и унылый. Пошел мелкий, затем превратившийся в ливень дождь. Глинистая почва стала похожей на месиво. Но и это обстоятельство не повлияло на решение командования начать штурм.

30 августа не простой день. В этот день празднуются именины царя. И как повелось издавна, к празднику преподносят подарки. Вот таким-то подарком императору, по мысли великого князя и его окружения, должен быть успешный штурм и взятие Плевны. Решили «осчастливить» Александра II, полагая, что такое знаменательное событие придаст силы войскам и они без сомнения завоюют победу.

...Уже несколько дней Его Величество ездил в войска и «ободрял» их

своим присутствием. Он выезжал ранним утром из своей квартиры и с одного из холмов наблюдал за ходом бомбардировки. С правой стороны располагался главнокомандующий, сзади в несколько рядов стояли генералы свиты, ближе министры, чины поменьше держались по сторонам пригорка группами — все внимательно следили в бинокли и подзорные трубы за стрельбой. На холме главной квартиры главнокомандующего и вовсе держались свободно: кто лежал на спине, кто на животе, да и разговоры велись совсем не относящиеся к войне — вспоминали то, се... Однообразие и монотонность бомбардировки без всякого видимого результата мало кого беспокоили.

Вдали серыми пятнами виднелись редуты — сделано солидно: широкие, глубокие рвы, высокие насыпи, и трудно было сказать, какой из редутов был наиболее грозным, — все казались труднодоступными. И вот эту позицию решено было попробовать еще раз взять в лоб. Все понимали, что предстоит великое кровопролитие, но умы были заняты не столько этим, сколько вопросом: «Возьмем Плевну или нет?»

И вот, наконец, настал день 30 августа, вошедший в историю как Третья Плевна. Накануне в своем донесении царю главнокомандующий писал: «От всей души поздравляю с днем Ангела, и да поможет нам Господь обрадовать Тебя сегодня чем-нибудь хорошим». И это «хорошее» началось.

Утром главнокомандующий, а затем и вся главная квартира выехали на высоты для наблюдения за ходом сражения. На высотах было многолюдно. Вдалеке гремели выстрелы, слышались барабанные дробы, и вот под эти звуки началось богослужение перед развернутыми иконами. Царь стоял впереди. Затем все опустились на колени, склонив головы. Священник с дрожью в голосе, вскинув руки и подняв лицо к небу, воззвал: «Еще просим о сохранении воинства расейского». Хор подхватил: «У господа просим. Поддай, господи». Картина интересная: блеск эполет, склоненные головы, голубизна неба и виднеющиеся вдали горы.

В это время раздался раздирающий уши треск ружейного огня и в центре послышалось: «Ура-а-а! Ура-а-а!» Это войска пошли на приступ. Но почему раньше установленного времени? Ведь по диспозиции атака должна начаться в 3 часа дня.

Здесь уместно будет заметить, что редко какое сражение происходит согласно намеченному плану, нарушения его могут быть либо пагубны, либо полезны, исходя из обстоятельств и от разумной находчивости или от замешательства и растерянности исполнителей. Так вот и диспозиция Третьей Плевны была составлена так неумело и при таком плохом знании противника и его расположения, что только благодаря нарушению ее возможен был благоприятный исход боя.

После молебна начался завтрак. На холме поставили стол, за которым разместились царь со своей свитой: место и время такого представительного завтрака, прямо сказать, выбрано «удачно» — на поле брани лилась кровь воинства, а за столом рекой лилось шампанское, вдалеке словно Перун мчался на своей колеснице, а здесь тоже своеобразный грохот — выстрелы пробок. Царь: «Выпьем за здоровье тех, которые там теперь дерутся — ура!» Наконец вспомнили о войсках, просто поразительно, как не забыли о них. Война шла своим чередом.

...Если бы сам император и его окружение обладали проницательностью, то они бы поняли сарказм написанной художником В. В. Верещагиным картины «Перед Плевной»: вдалеке от боя, от его ужасов, в полной безопасности — царь, главнокомандующий, свита, наблюдавшие в бинокли за сражением. Правда, Верещагина некоторые упрекали за то, что полотно его неполное, что якобы он обрезал край картины, где была изображена гора выпитых бутылок, деталь, в принципе, существенная, но вряд ли цензура пропустила бы такое кощунственное произведение, и поэтому оно осталось таким, как есть, и является хорошо оформленным «документом» к пособию «Как не следует управлять боем».

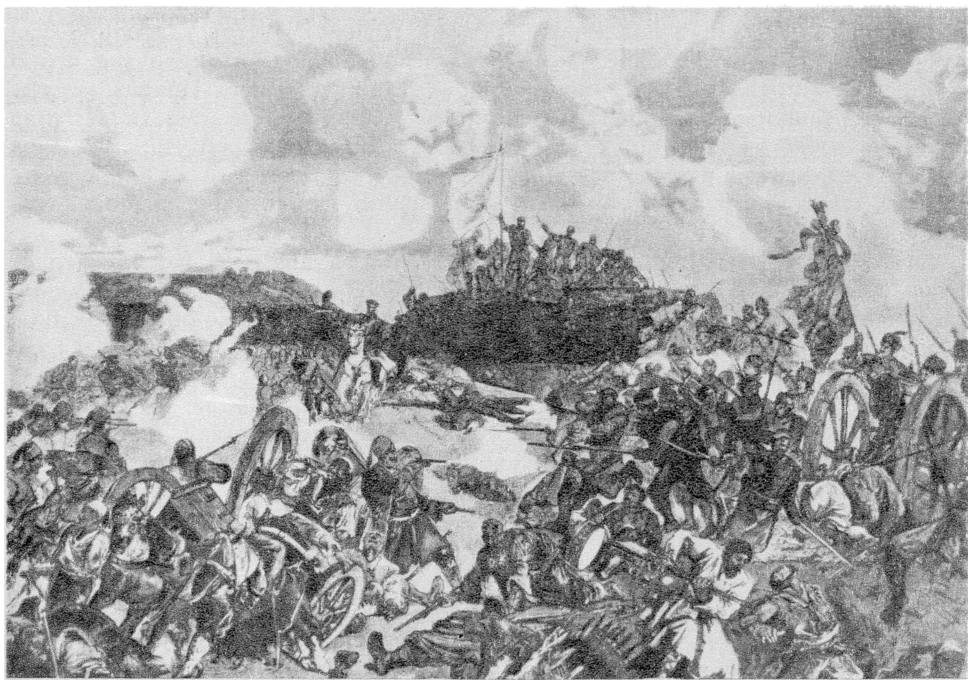
Войска, как намечалось в диспозиции, шли на штурм неприятеля под невыносимым огнем, и если посмотреть со стороны, то общий штурм Плевны разбился на три разрозненных штурма. Ни на одном из направлений русское командование не сумело создать значительного перевеса в силах, мало того, на левом фланге силы русских равнялись неприятельским, и это все при подавляющем превосходстве русской армии над турецкой: восемьдесят три тысячи человек, четыреста двадцать четыре орудия против тридцатичетырехтысячной армии Осман-паши с семидесятью двумя орудиями. Налицо явный тактический просчет. В данном случае предположительно воевать числом, но у сиятельного руководства не оказалось в нужный момент умения вести войска в бой и управлять ими. Диспозиция внесла неурядицу.

Скобелев, к примеру, до ее получения находился в подчинении у князя А. К. Имеретинского, а теперь фактически становился начальником отряда.

В штабе Дунайской армии, очевидно, решили, что Скобелев приобрел уже достаточный боевой опыт и хорошо знаком с тем участком местности, на котором предстояло действовать. Но совершившееся назначение лишало возможности тщательной подготовки к наступлению и больно ударило по самолюбию его бывшего начальника.

«Разве ты не понимаешь, — обратился князь к полковнику Паренсову перед штурмом, — что Скобелев отнимает у меня все... да ему иначе и нельзя. При чем же я останусь?» К чести А. К. Имеретинского, он сумел найти в себе мужество признать превосходство Скобелева: «Михаил Дмитриевич, было бы странно, если бы я вздумал из себя строить человека знающего больше, чем ты... я вполне сумею подчиниться тебе в эти дни при всех обстоятельствах». А они были непросты, так как упоминавшаяся диспозиция попала в войска (в некоторые части вообще не дошла) за несколько часов до штурма.

Но войска шли вперед и выполняли эту нелепую диспозицию. В 15 часов румыны двинулись в атаку на Гривицкий редут. И тут выяснилось, что у турок за ними расположен еще один, не менее мощный, чем первый, который вообще не попадал в поле зрения с исходного положения, и поэтому появление редута оказалось полной неожиданностью для наступавших. Первая, а затем и вторая атаки румын не имели результата, захлебнулась и третья атака. Необстрелянные и не принимавшие участия до сих пор в боях румынские полки подходили к редутам на двести — триста шагов, но всякий раз откатывались назад, неся большие потери, число которых составило три тысячи человек. И лишь в 18 часов с подходом еще одной румынской дивизии и корпуса русских объединенными усилиями союзным войскам удалось захватить

Бой за Гривицкий редут

одно из укреплений, однако цена успеха оказалась слишком велика — три тысячи шестьсот человек убитыми.

Дела в центре обстояли не лучшим образом. Здесь атаку начали на три часа раньше намеченного срока, в 12 часов дня. Причина позднее стала известна: генерал Крылов услышал стрельбу на левом фланге и решил, что пора и ему вступить в бой. На этом участке творилось непонятное: неудачей обернулась попытка двух полков приблизиться к редутам, затем два других даже заняли траншеи, но сильный огонь из редутов заставил их отступить. Затем поодиночке вступали в бой полк за полком — надо бы хуже, да некуда, результата никакого, потери — четыре тысячи триста человек убитыми.

По-иному дело обстояло у Скобелева. Получив из штаба диспозицию, Скобелев, уставший от постоянных боев (Осман-паша не оставлял его в покое), созвал совет, который решил: не связываться в бой с находящимся на левом фланге отряда редутом у деревни Кришин, ограничиться его обстрелами с третьего гребня Зеленых гор, где установить две батареи. Для отражения же возможной атаки из этого редута выделить отряд казаков. Основным направлением для наступления Скобелев избрал редуты Исса-ага и Кованлек. Замысел ясен: с захватом этих редутов открывалась прямая дорога на Плевну. Некоторые, правда, предлагали выполнить предписанное

диспозицией, сначала ударить по Кришинскому редуту и тем самым обеспечить себе левый фланг, а после повернуть на Плевну. Но так как отряд был наименьшим, данное решение, в принципе правильное, втянуло бы его в ненужный бой и отвлекло от главной цели — атаки на Плевну. Правда, редуты Исса-ага и Кованлек предполагалось брать с фронта, но сместись отряд вправо или влево — и он под огнем еще более мощных укреплений. Да ведь и расчет предполагал, что где-то — то ли на правом фланге, то ли в центре — у русских войск будет успех, который не позволит Осман-паше свободно маневрировать силами.

Скобелеву было отпущено не слишком много времени на подготовку к штурму, но он распорядился им настолько умело, что все, от командира полка до солдата, знали задачу, а каждый воин имел все необходимое для боя. И лишь обеспечение шанцевым инструментом вызывало беспокойство у Скобелева, но это был больной вопрос всей русской армии.

Утром 30 августа Скобелев, воспользовавшись туманом, не начиная артподготовки, приказал выдвинуться вперед Владимирскому полку. Владимирцы почти бесшумно заняли исходное положение в нескольких сотнях шагов от турецких позиций на третьем гребне. Когда туман рассеялся, началась непродолжительная, эффективная артподготовка, после которой Владимирский полк стремительной атакой и с незначительными потерями овладел гребнем. Турки не имели ни малейшего желания оставлять его в руках русских и тотчас предприняли контратаку силой до восьми таборов. В ответ Скобелев подтянул резерв — Суздальский полк. Благодаря совместным усилиям обоих полков контратака турок была отбита, и они отошли в полнейшем беспорядке, оставив на скатах гребня сотни трупов. Больше турки не пытались атаковать. Таким образом, первая часть плана была осуществлена — третий гребень находился в руках русских. Скобелев выдвинул на него батареи и подтянул к подножию остальные полки.

В 15 часов Скобелев, сгруппировав силы, дал команду начать атаку. Войска с музыкой и барабанным боем, с развернутыми знаменами двинулись вперед на редуты Исса-ага и Кованлек. Движение сопровождалось сильным ружейным и артиллерийским огнем.

Надо отметить, что Скобелев в начале атаки использовал полковые оркестры, барабанщиков. Над частями развевались боевые знамена: символика, издревле присущая русской армии. Можно отметить, что к подобным приемам прибегал Наполеон и полководцы прусской школы.

Но к этим могучим факторам, умело используемым Скобелевым в ходе сражения, непременно добавлялись новые способы ведения боевых действий: сопровождение атаки артиллерийским и ружейным огнем и «разжиженное» движение.

И даже когда турки открыли огонь из редутов, то им не удалось ни морально подавить наступающих, ни внести в ряды расстройство, а тем более остановить их. Здесь произошло неожиданное. В результате неудачной атаки в центре редуты этого участка и особенно ближний Омар-бей табия обрушили на наступающих шквал свинца, что привело к досадным потерям. Скобелеву пришлось дать команду остановиться: владимирцы, суздальцы и еще два батальона залегли в долине у ручья. Эту паузу Скобелев исполь-

зовал для организации обстрела укреплений. И результат не замедлил сказаться — огонь значительно ослаб. Артиллеристы, следовавшие за пехотой, удачно маневрируя, немало способствовали тому, что пал редут Исса-ага. В «Журнале боевых действий» отмечено: «Артиллерия действовала так хорошо, что дала возможность Ревельскому полку весьма с малыми потерями занять вышеупомянутый редут и ложементы».

Эта запись была сделана после боя, а если по порядку, то сражение складывалось следующим образом. Во время вынужденной остановки Скобелев подтянул Ревельский полк, который прошел через боевые порядки залегших воинов и с ходу атаковал редуты. За ним в сражение вступил Либавский полк. Скобелев почувствовал, что наступила критическая минута боя. Он вылетел из-за пригорка, как всегда, на белом коне, весь в белом, следом за ним несколько офицеров — ординарцы, начальник штаба, казаки. По скату лепились группы воинов, их становилось все больше и больше, и вот уже человеческие фигурки покрыли весь склон. Скобелев догнал солдат, затем опередил их, расстояние между бегущими и серой насыпью сократилось, крики «Ура!» слились с «Алла! Алла!», залпы следовали один за другим. Редут, словно живое чудовище, обжигал наступающих огненными струями, но вот уже и насыпь. Выстрелов почти не слышно — только скрежет штыков да раздирающие воздух вопли: внутри редута — рукопашный бой, жестокости которого не было равных. Такого кровопролитного и беспощадного сражения Европа не знала со времен Бородина. В 16 часов редут взят. Земляные насыпи, орудия сплошь залиты кровью. Уцелевших при защите нет. Избежавшие гибели в стенах укрепления нашли ее на обратном скате. Неимоверная усталость овладела и победителями. Сказывалось напряжение многодневных боев, люди падали от усталости, и лишь только появление Скобелева, проходившего по редуту в сопровождении ординарцев, заставляло подтянуться солдат.

— Спасибо, ребята, за службу, потрудились честно сегодня, я счастлив, что команду такими молодцами. Устали?

— Устали, ва-штво...

— Полдела сделали.

И действительно, передышка была короткой. На не успевшие привести себя в порядок войска волна за волной обрушилась ярость турецких контратак, но тут, как говорится в народе, нашла коса на камень. Своим беспримерным героизмом солдаты Скобелева вписали новую славную страницу в историю русского оружия. Все контратаки были отбиты с большими потерями для турок.

Скобелев понимал, что цель атаки не достигнута, впереди еще один барьер — редут Кованлек, взять его, — значит, путь на Плевну открыт. Он подтягивает резервы, артиллеристы занимают позиции прямо в редуте, начинается артиллерийская дуэль, и следует отметить, не в пользу турок. Дивизион поручика Прохоровича своим метким огнем быстро подавил орудия редута Кованлек. Немалые потери, понесенные турками во время контратак, когда орудия этого дивизиона расстреливали их в упор картечью, создали благоприятные предпосылки для взятия второго редута.

Но вот все готово к атаке. На этот раз она велась лишь небольшой частью сил с фронта, основные же усилия были направлены во фланг. По тран-

шеям под прикрытием огня артиллерии атакующие приблизились к укреплению.

Скобелев руководил боем из занятого редута. На малейшее изменение обстановки тотчас следовало его распоряжение. И на этот раз чаша весов склонилась в пользу наступающих: турки были выбиты из траншей, бой шел уже на бруствере, зазвучало «Ура!», и вновь жестокая рукопашная схватка. Турки бежали из редута. По бегущим — огонь из ружей, затем из орудий, перевезенных сюда из редута Исса-ага. В 18 часов редут Кованлек полностью был очищен от турок, впереди, всего лишь в трехстах шагах, окраина Плевны, кажется, еще усилие, бросок, и город, у стен которого полегло столько отважных сынов России, будет в руках русских войск. Правда, для этого решающего броска сил у наступающих нет, как нет у Скобелева и резервов. Он понимает, что малейшее промедление — и выгодный момент для взятия Плевны будет упущен, и немедленно шлет донесение в Полевой штаб о взятии редутов с просьбой о высылке ему подкреплений. Скобелев прекрасно сознавал, что он достиг большого успеха ценой невероятных потерь, и воспользовался бы возможностью взять Плевну — основную цель третьего штурма, имея под рукой достаточные резервы, но...

Если говорить об организации боя, а точнее, о дезорганизации, которую внесли царь, великий князь и их окружение, то вопрос получения информации о ходе сражения был, пожалуй, самым слабым местом мозга армии — Полевого штаба. Многие донесения вообще не проверялись, другие не отражали и приукрашивали положение дел из-за боязни огорчить царя. Полученное от второстепенного лица донесение сыграло если не решающую, то определенно отрицательную роль в неудаче русских войск под Плевной. Об этом донесении М. А. Газенкамф не упоминает, но о нем написал в своей книге «На войне» В. В. Верещагин, постоянно находившийся во время сражения рядом с главнокомандующим.

«Если не ошибаюсь, около 6 часов вечера из сплошного дыма выделилась фигура всадника в шляпе с широкими полями, в какой-то полувоенной форме, фигура сошла с лошади и стала подниматься; в ней узнали американского военного агента, капитана Грина, возвращающегося с наших позиций.

Государь тотчас же послал попросить его к себе и стал расспрашивать. Я стоял близко и слышал, как Грин рассказывал, что все атаки отбиты и штурм со всех сторон не удался. Я видел, что действие этого рассказа на государя, главнокомандующего и окружающих лиц было ужасное: вероятно, тут же западал в них перешедшая потом в решение мысль о необходимости оставить всякие дальнейшие попытки действовать открытой силой».

Грин явно лгал, но его ложь никто не проверил. Мало того, офицеры Полевого штаба пустились в споры. Упомянули и Скобелева: дескать, виноват, редут взял, да не тот, который следовало брать по диспозиции, и никто не упомянул о том, что вот уже в течение трех суток отряд Скобелева не выходит из боев.

После сообщения Грина у всех опустили руки. Пусть Скобелев был далеко. Но ведь Гривицкий редут был под носом, однако сведения о его взятии поступили слишком поздно, когда уже было принято решение о прекращении штурма и отводе войск. Растерянность командования полнейшая, иначе

нельзя объяснить тот факт, что Скобелеву не была оказана так необходимая ему помощь.

Когда в штабе говорили о второстепенном значении взятых Скобелевым редутов, генералы и не подозревали, что в то же самое время разговор о них шел и в лагере турок. Осман-паша собирал силы, перебрасывал их с других участков на свой правый фланг, давая оценку значимости взятых русскими редутов, совершенно противоположную оценке русских. Ему невероятными усилиями удалось унять панику, охватившую Плевненский гарнизон. Турецкие солдаты изнемогали от утомления, они дрались с утра, и им нечего было есть, к тому же доставать воду приходилось с большими затруднениями, так как источник находился между укреплениями и позициями, занятыми неприятелем. Не удивительно поэтому, что их дух был несколько поколеблен.

Не лучше, чем у противника, обстояли дела и в отряде Скобелева. Полки потеряли почти треть своих составов, в некоторых батальонах не осталось ни одного офицера, и поэтому Скобелев, воспользовавшись небольшой паузой, наскоро объединял разрозненные подразделения, иногда отдавая их под начало первым попавшимся офицерам. Люди сильно устали, многие не смыкали глаз по две-три ночи подряд. Всюду лежали горы трупов, доносился стон раненых, на исходе были боеприпасы. Укрепления, взятые отрядом Скобелева, не имели прикрытия с тыла, и поэтому сразу же, заняв их, солдаты принялись устраивать бруствер, материалами для создания которого служили дерн с укреплений, доски и даже трупы. Несмотря на усталость и голод, солдаты понимали, что необходимо окопаться, и не жалели для этого сил. Они рыли или, вернее, ковыряли землю штыками, тесаками, скоблили манерками, выгребали руками, только бы как-нибудь прикрыться от огня с трех сторон. Так солдатам все же удалось возвести нечто похожее на укрытие, докончить строительство которого им не дали турки, предпринявшие в надвигавшейся темноте еще одну попытку отбить Скобелевские редуты — так их теперь стали называть.

Собрав имеющиеся вблизи силы, Осман-паша двинул их на защитников редутов. Подхлестываемые плетками офицеров, турки бросились в первую контратаку. Весь редут окутался густыми тучами порохового дыма. Крики «Алла!» уже рядом, но следует залп, другой — ряды наступающих, словно споткнувшись о невидимую преграду, остановились, затем попятились назад и, развернувшись, бросились в обратную сторону, сопровождаемые огнем и радостным «Ура!». Уже стемнело, когда турки предприняли еще одну атаку. Пользуясь прикрытием траншеи, ведущей от незанятого русскими редута, они дошли до него и обрушились на малочисленных защитников. Отбивались штыками. Турки, словно саранча, облепили все скаты, и казалось, что их победа уже близка. Бой уже внутри, убитых настолько много, что бросившиеся друг на друга люди ступали прямо на них. Защитники отбивались с одной мыслью — подороже продать свои, казалось, обреченные жизни. Турки теснили, но вдруг могучее «Ура-а-а!» огласило ночную мглу, и со всех сторон бросились воины двух батальонов, приведенных Скобелевым. Турки, не ожидавшие такого поворота событий, на мгновение растерялись, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы заставить их повернуть вспять. Бежали они в явной панике, бросая оружие, не преследуемые русскими. В эту ночь турки больше

не пытались возвратить редуты и ограничились лишь постоянным их ост-релом. С приходом двух батальонов (последнее, что осталось из резерва у Имеретинского) сложилось определенное равновесие сил. Скобелев понимал, что дальнейшее развитие боя зависит от того, какая из сторон быстрее подведет резервы.

Ночью в отряд Скобелева прибыл из главной квартиры полковник Орлов, которому Скобелев объяснил положение дел и просил как можно скорее прислать подкрепление, теперь уже с заботой не столько о развитии успеха, а для того, чтобы удержать занятые с таким трудом неприятельские редуты. Вся ночь прошла у Скобелева в незримом сражении с глупостью и интриган-ством высшего командования, и в частности П. Д. Зотовым.

Утром 31 августа Скобелев получил копию с депеши П. Д. Зотова князю Имеретинскому. П. Д. Зотов практиковал такой способ доставки приказаний от подчиненного к начальнику, что значительно «ускоряло» их получение. Деша гласила: «По приказанию Главнокомандующего предписываю вам и ген. Скобелеву укрепиться и держаться на ныне занимаемых позициях впредь до особого приказа. Подкреплений не ждите, их у меня нет. Ожидая точных сведений о потерях 30 августа». Как записал в своих воспоминаниях Д. А. Скалон, П. Д. Зотов из зависти к конкуренту приказал ни в коем случае не поддерживать Скобелева.

Скобелев с тревожным лицом прохаживался по пригорку, в руках он держал депешу от П. Д. Зотова. «Черт знает что такое. Пишут, что нет подкреплений, а между тем я видел у них целые колонны, ничего не делающие. Хоть бы произвели демонстрацию и отвлекли от нас часть неприятельских сил, ведь нам приходится бороться чуть ли не со всей армией Осман-паши, — говорил он, волнуясь, Куропаткину. — Если бы мне теперь одну свежую бригаду...»

И такой бригадой наверняка могла быть бригада из 4-го корпуса генерала Крылова, находившегося недалеко на восточной стороне Тученицкого оврага.

Скобелев, всегда умело пользовавшийся различными приемами для поднятия духа войск, посылает в редуты своего ординарца Дукмасова с депешей, полученной от Зотова. Что это: ошибка? Ведь ни о каких радужных надеждах о высылке подкреплений в ней и речи не было. По мысли Дукмасова, эта телеграмма должна произвести удручающее впечатление на героических защитников редутов. И в одном случае он сказал, что подкрепления придут, — реакции никакой: ни радости, ни огорчения. В другом месте он прочел полный текст телеграммы и в ответ услышал: «Ну что ж, будем рассчитывать на свои силы, продадим подоroje свои жизни». А лица говоривших были суровы, и решительные взгляды подтверждали, что именно так и будет.

Недостатки в организации связи были ощутимы. Но неужели на холме главнокомандующего не видели, не слышали того, что творилось у Скобелева? Нет. Ни один из недугов в этот день не обрушился внезапно на высшее командование. Все видели и все слышали, даже царь беспокоился, обратился за советом к генералам: «Не послать ли подкрепление?» В ответ: «Ваше величество, было бы рискованно ослабить главный резерв, и если Скобелев будет разбит, то это не так важно, лишь бы главная атака была отражена».

Откуда они могли знать, что в том случае, если бы попытка вернуть назад Скобелевские редуты закончилась неудачей для турок, Осман-паша отдал бы распоряжение к отходу из Плевны.

Ни главнокомандующий, ни А. А. Непокойчицкий не согласились оголить шоссе на Булгарени из-за боязни атаки турок. Весь штаб словно сговорился: только отступать, а Скобелев просил развить явный успех, но его не хотели и слушать. Он доказывал, что Плевну надо брать, что туркам нечем закрыть образовавшуюся на фланге брешь. Трудно логически проследить мысли людей, возглавлявших третий штурм Плевны. Решение на штурм принято. Цель ясна — Плевна. Силы необходимые есть. В центре неудача. На правом фланге взят редут, на левом — два. На левом фланге до Плевны рукой подать. Напрашивается вывод: на правом фланге сковать противника; на левый, где наибольший успех, перебросить войска и развивать его, но даже на такое, в принципе несложное, решение ни у царя, ни у главнокомандующего, ни у П. Д. Зотова не хватило полководческого таланта. С лозунгом «На воля божья!» весь штаб отправился почивать.

Поздно вечером Осман-паша принял решение о переброске на свой правый фланг дополнительных сил с левого фланга и с центра части резерва, не побоявшись тем самым ослабить их, считая участок, где прорвался Скобелев, самым важным. Вот как об этом он сообщил Риза-бею, командовавшему западными укреплениями: «Сегодня мной собран отдельный отряд, из 15—20 батальонов, который завтра произведет атаку занятых противником укреплений, а потому предписываю всем войскам правого фланга упорно держаться на занимаемых ими местах».

У русского командования в распоряжении была ночь, таким же отрезком времени располагали и турки, и они им воспользовались умело. Николай Николаевич не решился отдать приказ об отступлении на левом фланге, редуты все-таки взяты, но и словом не обмолвился о высылке подкрепления Скобелеву — больше волнений ему доставляла забота о безопасности императора, да и свою персону из виду не упускал. Колебался главнокомандующий, а штаб в полном смысле слова шатался. Шли разговоры: «авось удержим», а вот чем и как — это предоставили решать Скобелеву.

И Скобелев решил. Во-первых, если подхода резервов не ожидается (а он все-таки надеялся на то, что пусть не движение вперед, а важность удержания выгодной позиции заставит командование оказать помощь), сделать все необходимое для отражения атак турок, для которых Скобелевские редуты были бельмом на глазу. Для этого сосредоточить весь шанцевый инструмент, имеющийся в наличии, и, насколько позволит время и физические возможности людей, не выходявших из кровопролитных боев трое суток, укрепить редуты с тыльной стороны. Во-вторых, обеспечить путь к возможному отступлению — этот вариант он тоже предвидел и расположил два батальона Калужского полка на втором гребне Зеленых гор между редутами и позициями артиллерии. С этой же целью должны быть использованы спешенные казаки. В-третьих, выделить хоть какой-нибудь резерв — для ликвидации возможного прорыва турок. В-четвертых, по возможности убрать раненых, формируя из них команды во главе с получившими нетяжелые ранения. Скобелева преследовала мысль, что он не в состоянии захоронить пав-

ших русских солдат, тела которых в случае занятия турками редута будут подвержены варварским издевательствам. И последнее: обеспечить питание солдат и подвезти боеприпасы. Последнее было, пожалуй, самым основным.

Если для командующего эта ночь прошла, как и все остальные, спокойно, то для Скобелева каждая ее минута была заполнена деятельностью. Он успевал повсюду. Солдаты видели «белого генерала» в траншеях, у походных кухонь, в его охрипшем голосе вовсе не звучали нотки уныния. Скобелев умел поддержать дух в войсках, внушить каждому мысль о высоте нравственной силы русского солдата — основного преимущества над турками. И уставшие, измученные воины подтягивались, работали энергичнее.

Появление в войсках некоторых высокопоставленных военачальников носило эпизодический и, скорее всего, картинный характер. Чувствовалось, что кроме классового барьера между ними и солдатами существует еще один, пожалуй, более важный: психологический. Многие попросту не желали спуститься вниз с высоты своего положения, дабы заглянуть в душу солдата, правда, и не каждому они открывали ее.

В пореформенный период в армии происходил важный процесс нравственных перемен: от шпицрутенов и зуботычин — к созданию системы обучения и воспитания солдат, пользовавшихся относительной свободой. Для многих офицеров этот период затянулся только потому, что они не желали замечать в солдате человека, равного себе, и за нежелание понять это расплачивались глубокой неприязнью.

Другое дело — Скобелев. В нем удачно сочетались замечательные качества, воспринятые у выдающихся русских полководцев прошлого — Суворова, Кутузова, Багратиона. В их ратных подвигах находил он ту любовь и уважение, которую известные военачальники питали к «серой массе», к простому русскому солдату, несшему на своих плечах тяжелое бремя войны. Общаясь с воинами, Скобелев стал яснее понимать душу народа.

Скобелев с особой настойчивостью развивал в солдатах чувство собственного достоинства, чувство гражданина, патриота Отечества. Однажды один из полковых командиров ударил солдата. Слух об этом дошел до Скобелева.

— Я попросил бы вас этого в моем отряде не делать. Теперь я ограничиваюсь строгим выговором, в другой раз должен принять иные меры.

Офицер стал оправдываться, сослался на дисциплину, на глупость солдата, на необходимость зуботычины...

— Дисциплина должна быть железною, — едва сдерживая гнев, сказал Скобелев, — в этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом начальника, а не бойней. Срам, полковник, срам! Солдат должен гордиться тем, что он защищает свою Родину, а вы этого защитника, как лакея, бьете!.. Гадко!.. Нынче и лакеев не бьют. А что касается глупости солдат, то вы их плохо знаете... Я очень многим обязан здравому смыслу солдат... Нужно только уметь прислушиваться к ним...

Начальство поражало то, что Скобелев хорошо знал быт солдат, внутренний мир и чувства подчиненных. Он обрушивался с гневом на говоривших, что, мол, теперь война, и солдат может плохо есть, быть плохо одетым... За это солдаты отвечали ему безграничной преданностью, любовью и с гордостью говорили: «Мы — скобелевцы!»

*Начальник штаба Скобелевского отряда
А. Н. Куропаткин*

...Невзирая на неимоверную усталость, ему все же удалось добиться того, что войска выполнили намеченное. В эту ночь, как и ранее в боях у Ловчи, большую помощь Скобелеву в организации обороны оказывал начальник штаба его отряда А. Н. Куропаткин*.

* Куропаткин А. Н. родился в семье офицера в 1848 году, и поэтому на выбор его жизненного пути большое влияние оказали семейные традиции. В 1866 году после окончания Павловского военного училища он служил в Туркестане, где принимал участие в военных действиях, затем поступил в Николаевскую академию Генерального штаба и в 1874 году закончил ее. До начала русско-турецкой войны находился в Туркестане, откуда по прошению был направлен в Дунайскую армию. К началу войны с Турцией Куропаткину было двадцать девять лет. Молодость, энергия и личная храбрость — вот те черты, которые повлияли на решение вопроса о выборе начальника штаба. Скобелев, знавший Куропаткина по Туркестану и ценивший в нем эти качества, а кроме того, штабную культуру и отличное знание военного дела, остановился именно на нем. Дальнейшие события подтвердили правильность выбора. Под руководством Скобелева полностью раскрылось военное дарование Куропаткина как штабного специалиста. Но в то же время следует отметить очень важный недостаток — он был хорошим исполнителем чужих решений.

Начиная с рассвета турки, не опасаясь за другие участки, на которых стояла тишина, дали себе волю и обрушили на защитников Скобелевских редутов ураган огня. Но Скобелев, сознавая то, что наспех возведенные укрытия не могут служить прочной защитой для обороняющихся, отдал распоряжение на отвод части сил за редуты, тем самым значительно сократив потери от перекрестного огня. Рассветало, туман рассеялся. От Кришина показались густые цепи турок, медленно продвигающихся вдоль первого редута. Издавая гортанные крики, они бросились на штурм. Картечные гранаты дивизиона капитана Васильева и плотный оружейный огонь вырывали из их строя один десяток за другим. Турок отделяло около сотни шагов от редутов, но это расстояние оказалось непреодолимым. По количеству оставшихся лежать на склоне можно было судить, что первый приступ дорого обошелся наступающим.

Отойдя от редутов на одну версту, они привели свои ряды в порядок, залегли и открыли ружейный огонь, готовясь к атаке. Осман-паша направил сюда новые подразделения. Около 8 часов утра атака повторилась, теперь уже более значительными силами. Скобелев, наблюдавший за движением турок, послал ординарца с приказанием снять две роты с третьего гребня и нанести удар во фланг наступающим, кроме того, на этот гребень он приказал выдвинуть батарею. Турки, оказавшись в огненном мешке, неся тяжелые потери, залегли в ста метрах от редута и открыли беспорядочный огонь. Как ни стремились офицеры поднять их в атаку, ничего не вышло. Огонь орудий с фронта и фланга заставил все же подняться турок и побежать, но в сторону, противоположную редуту № 1. Расположив свои потрепанные цепи против него и открыв огонь, турки, поняв бесплодность атак на редут № 1, решили изменить направление удара, перенеся его на редут № 2, предварительно подтянув резервы из Плевны. Теперь против героев действовало двадцать два табора (около тринадцати тысяч человек), то есть почти половина всего гарнизона Плевны. Могли ли рассчитывать защитники редутов при всей их стойкости на успех в отражении атак при почти трехкратном превосходстве неприятеля?

В 10 часов 30 минут Скобелев получил записку от П. Д. Зотова: «По приказанию Великого Князя главнокомандующего, если вы не можете удержаться на занятых вами позициях, то начните, но, по возможности, отнюдь не ранее вечера, медленное отступление к Тученице, прикрываясь конницей Леонтьева. Сообщите это приказание Его Императорского Высочества князю Имеретинскому. Держите все это в великом секрете, а в том, что вы сумеете и поймете сделать должное, сомнения нет.

Гривицкий редут у нас в руках, но продолжать наступление не с чем, а потому решено медленное отступление».

Просили продержаться до вечера, но каким способом? Об этом в записке не было сказано. Во всем полагались лишь на Скобелева — авось он не подведет. И Скобелев не подвел.

Невозможное поначалу делалось возможным благодаря мужеству и героизму русских солдат. Критическим моментом в обороне редутов стала третья атака турок. Началась она с такого сильного обстрела, что, казалось, в этом море огня вряд ли кто из защитников уцелеет. Цепи турок приблизились к редутам, и защитники их дрогнули, сначала поодиночке, а затем группами стали покидать их. И тут в ряды отступающих ворвался Скобелев:

— Ребята, не годится показывать спины проклятым туркам!

И окровавленные, измученные до предела остатки полков, словно скинув с себя груз усталости, бросились в окопы. Турки не воспользовались представившимся моментом, защитники встретили их дружными залпами. Атака турок захлебнулась, хотя потери русских были велики.

После отражения третьей атаки возникла опасность на правом фланге со стороны редута Омар-бей табия, и Скобелев спешно организовал решительный отпор — турки были сметы и в буквальном смысле слова сброшены в овраг. Почти без перерыва четвертая атака обрушилась на Скобелевские редуты. Но и она успеха не имела. Редуты представляли к этому времени страшную картину. Трупы русских и турок лежали грудями. В глубокой траншее, связывающей редуты, продольные неприятельские выстрелы клали сразу десятки людей, и груды трупов, заполнявших траншею, чередовались с еще живыми защитниками. На редуте № 2 часть бруствера, обращенного к Плевне, была сложена из трупов. На редуте № 1 три орудия 5-й батареи 3-й артиллерийской бригады были частью исковерканы и лишены прислуги и лошадей. Остальные два орудия 2-й артиллерийской бригады, лишившиеся также прислуги, были уведены раньше. Стоявшее в редуте орудие тоже было подбито. Скобелев велел вынуть кольца, чтобы орудия не попали в руки турок.

Но положение отряда Скобелева после четвертой атаки стало безнадежным. Оставив мысль получить подкрепление, Скобелев с угрюмым видом обходил укрепления. Огонь турок почти стих, но лишь по той причине, что готовилась пятая атака. Возглавить ее решил сам Осман-паша. Он приказал стянуть все имеющиеся резервы, ослабив тем самым до крайности состав гарнизонов в траншеях и редутах на всех остальных позициях. Дабы придать новые силы подчиненным войскам, Осман-паша приказал нести впереди зеленое знамя ислама, а муллам в таборах распевать молитвы. Позади атакующих расположилась батарея и два кавалерийских полка, которые получили приказ стрелять и рубить каждого, кто вздумает отступить.

Что мог сделать, оказавшись в таком положении, Скобелев? Отступить. Но его просили продержаться до вечера, да и отступление превратилось бы в бегство, так как его нечем было прикрывать, все силы брошены в редуты. И в это время он получил сообщение, что в его расположение прибыл ослабленный во вчерашнем сражении Шуйский полк, направленный командиром 4-го корпуса Крыловым. Разве это те силы, в которых нуждался Скобелев? Весь корпус стоит без дела, а ему выделяют полк, потерявший в боях более одной трети своего состава. Скобелев понимает, что это конец, и отдает распоряжение командиру полка оставаться в резерве в готовности прикрыть отход основных сил отряда из редутов.

В 16 часов 30 минут турки несколькими линиями густых колонн двинулись в атаку на Скобелевские редуты. В нее они вложили всю ярость. Огонь защитников косил их, внося расстройство и ломая ряды, но, невзирая на это, огромная масса наступавших неумолимо двигалась вперед. Вот они уже у редута № 1, комендантом которого Скобелев назначил майора Горталова. Силы явно неравны, и Скобелев, как ему ни тяжело это сделать, отдал приказ собрать раненых и отступить. Вокруг Скобелева — оставшиеся в живых ординарцы, несколько офицеров из редута.

Героическая гибель майора Ф. М. Горталова на редутах под Плевной

— Господа, мы отступаем, — голос его дрогнул. — Мы отдаем туркам взятое. Сегодня день торжества наших врагов. Но и нам он славен... Не покраснеют мои солдаты, когда им напомнят тридцатое августа... Мы уходим! Шуйцы прикроют отступающих.

Но небольшая горсть защитников во главе с майором Горталовым продолжала оставаться в редуте № 1. Они, несмотря на приказ, не пожелали отойти, бросились на турок в штыки и все погибли*.

Не пожелали уйти из редута № 2 его защитники во главе с комендантом подполковником Мосцевым. Он организовал круговую оборону, видя, что турки начинают обходить редут с флангов. Скобелев, оценив обстановку, понял что это может привести к напрасной гибели нескольких сотен героев, и повел в атаку Шуйский полк, но перед этим направил Мосцевому записку с приказанием отступить.

Корреспондент Максимов, раненный на одном из Скобелевских редутов,

* На месте бессмертного подвига Федора Матвеевича Горталова, сутки удерживавшего редут, установлен бронзовый бюст героя.

страдая от потери крови, записал в блокнот: «До нас донеслись ликующие крики турок: «Алла!» Что значат эти крики, эта музыка, этот зловещий... грохот орудийных колес? Неужели турки отняли у нас редуты, доставшиеся нам кровью тысяч людей, — редуты, на которых мы с такими жертвами держались 24 часа? Неужели все эти тысячи раненых, убитых, изувеченных, обезображенных — все это напрасные жертвы нашей злосчастной судьбы? Неужели мы снова отступили с плевенских позиций?»

В 5 часов вечера турки овладели обоими редутами. Шуйский полк прикрывал отступление остатков частей, уносивших с собой раненых. Турки преследовали отступавших, но Скобелев, умело организовавший успешное наступление и оборону своих войск, не менее умело организовал и их отход, совершавшийся в строгом порядке, и если бы не кровь на лицах и руках, изорванная и покрытая грязью одежда, то со стороны можно было подумать, что это двигаются свежие части. При малейшем приближении турок Скобелев перестраивал войска для отражения удара, а тех, кому удавалось прорваться через редкие стрелковые цепи, уничтожал атаками конницы и мощным огнем артиллерийских батарей, расположенных на втором гребне Зеленых гор, куда и отступили вышедшие из боя остатки отряда.

Скобелев присел на валун и низко опустил голову. Он выглядел так же, как и его солдаты: мундир был облеплен грязью, сабля изломана, Георгиевский крест сбился набок, лицо черное от порохового дыма, волосы обгоревшие, глаза полны слез, голос охрип. На душе тягостно, и эта тяжесть болью отзывалась в сердце. У этого, казалось бы, железного человека, вынесшего и огромные потери своих лучших полков, и смерть друзей, и трагические переходы многочасового боя от победы к поражению, по щеке медленно катилась огромная слеза. Сколько жертв, сколько жизней, сколько крови людской — и все напрасно. Но длилось это недолго.

— Пошлите сюда казака...

И быстро на листке бумаги набросал несколько строк: «Из редутов выбит. Отступаю в порядке, прикрываюсь вашим Шуйским полком».

— Отдать этот листок генералу Крылову. Спешите.

Гонец исчез в темноте.

До вечера 1 сентября Скобелевский отряд занимал второй гребень, который турки обстреливали лишь ружейным огнем, но чувствовалось, что и на этой позиции они не оставят Скобелева в покое, и он, как мог, укрепился на нем. В 7 часов вечера Скобелев получил приказание об отводе войск со второго гребня на позиции, которые занимал отряд до начала третьего штурма Плевны.

Так закончился теперь третий штурм Плевны. Как и после неудачи Второй Плевны, верховным командованием овладела паника. Главнокомандующий и А. А. Непокойчицкий не знали, за что взяться, царь опасался наступления турок, опасался этого и П. Д. Зотов и поэтому приказал спешно демонтировать осадные батареи и отправить их к переправе в Систово.

В этот день на одной из осадных батарей главнокомандующий провел военный совет, на котором едва не возобладало мнение о том, что не следует ли при создавшихся обстоятельствах снять осаду Плевны? Между прочим, было решено вызвать из России всю гвардию, в ожидании же ее начать отвод

войск от Плевны. На сей раз Скобелева пригласили на этот совет, чтобы объявить о производстве в чин генерал-лейтенанта и вручить орден Станислава I степени. Получив, хотя и запоздалую, возможность высказаться, Скобелев отмолчался. Сказалось моральное истощение последних дней.

Но ни чин, ни орден не могли ему дать большего удовлетворения, чем то, которое он получил от назначения начальником 16-й дивизии. Вакансия освободилась почти при анекдотических обстоятельствах. Скобелев был утвержден начальником дивизии вместо генерала Померанцева, которого имперетинский жеребец сбросил с себя на землю и вдобавок изрядно лягнул. Наконец-то справедливость, правда не совсем полная, но восторжествовала, и ему доверили командование большим соединением, которым в то время считалась дивизия. Достаточно напомнить, что даже такой видный военный деятель, как М. И. Драгомиров, начал войну начальником дивизии.

Скобелев попросил разрешения у главнокомандующего дать ему отпуск. Ни в какой награде он так не нуждался, как в отдыхе. Великий князь не отказал, и Скобелев выехал в Бухарест.

Отгремели жестокие сражения Третьей Плевны. Мертвое молчание разделяло стороны.

Утихли бои, но мысли вновь и вновь обращались к этой жестокой сече. Все пытались найти причину неудачи. Казалось, все осуществлялось по науке: и подготовка к штурму, и обстрел позиций противника, и сам штурм, а успех вновь ускользнул. Это доказывало либо силу турецкой армии, либо слабость русской армии, чего нельзя было предположить, ибо во всех сражениях русский солдат показал истинный героизм, стойкость и значительное моральное превосходство над турецким. Причина была ни в первом, ни во втором, а в третьем: совершенной бездарности высшего русского командования. И это стало настолько очевидным, что даже царь был в нерешительности. Кому же поручить покончить с Плевной? И как добиться перелома в войне, которая складывалась не в пользу русских?

Вечером 31 августа Александр II вызвал Д. А. Милютину и сказал: «Приходится отказаться от Плевны, надо отступить».

«Пораженный, как громом, таким неожиданным решением, — вспоминал Д. А. Милютин, — я горячо восстал против этого, указал неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела».

«Что же делать, — сказал государь, — надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам».

В трех штурмах Плевны русская армия потеряла тридцать две тысячи человек убитыми. Потери эти усиливались большим количеством раненых, которых только после Третьей Плевны было около десяти тысяч человек. Потери большие, а цель так и не достигнута. За два с половиной месяца войны высшее командование Дунайской армии ничему не научилось да и не имело такового желания. Все его действия были основаны не на реальном соотношении сил, а в расчете на доблесть русского солдата, на благоприятную случайность, предоставленную всевышним, и на глупость турецкого командования. Мало того, за весь период с начала кампании совместными усилиями наделали столько ошибок, что их хватило бы на несколько войн, и самое обидное то, что за глупость верхов приходилось расплачиваться реками русской

крови, пополнявшимися ручьями братской крови болгар, на которых турки вымещали всю злобу за свои, даже небольшие, неудачи.

Высшее командование не желало понять простую истину, что вести войска на смерть можно, только имея шанс на успех. А убеждения как такового и не было, все действия строились на авось. Полное безволие и неспособность руководить войсками особенно проявились при третьем штурме Плевны, когда даже несомненный успех высшее командование сочло за неудачу лишь потому, что не имело должной информации о ходе сражения.

Чем же объяснить, что Скобелева не поддержали? Нетрудно догадаться, что и в таком важном деле, как штурм Плевны, не последнюю роль сыграли интриги. Талантливость, молодость и храбрость Скобелева будили во многих зависть. Поэтому ему с обескровленным отрядом пришлось сражаться один на один с Осман-пашой. Скобелев выполнял на совесть свой долг и был прям в суждениях о представителях верховного командования. Это не могло пройти бесследно. Несомненно, успехи Скобелева в третьем штурме Плевны объясняются беспримерным героизмом солдат и офицеров его отряда. Но ведь такие же войска, такие же солдаты и офицеры служили и в других частях и в бою проявили доблесть не меньшую, чем подчиненные Скобелева. Поэтому можно сделать вывод, что для общего успеха 30 августа не доставало искусной руки, ума и отваги — всех тех качеств, которыми в достатке обладал Скобелев. Он постоянно находился в самой гуще сражения, следил за его ходом, принимал вовремя необходимые решения, а в особо критические моменты сам вел войска, увлекая их личным примером.

«Наполеон великий, — вырвались у Скобелева горькие слова, — был признателен своим маршалам, если они в бою выигрывали ему полчаса времени для одержания победы: я выиграл целые сутки и меня не поддержали».

Третья Плевна открыла глаза на многое и показала истинную цену каждому военачальнику.

Царь и его окружение всеми правдами и неправдами пытались скрыть поражение под Плевной, однако тревожные вести с Балкан различными путями проникали в Россию, вызывая возмущение в различных слоях общества. Очень точно охарактеризовал обстановку в России К. П. Победоносцев: «Ошибки, упорные, повторяющиеся изо дня в день теперь на устах у всех и у каждого. Приезжающие из армии не находят слов выразить горечь и негодование свое на бессмысленность планов и распоряжений... Это грозит в будущем великой бедой целой России, если все останется в армии по-прежнему... Что-нибудь надо бы делать, чтоб растворить эту желчь, чтобы погасить это негодование».

Теперь относительно потерь. Скобелеву еще долго ставили в вину то, что у него потери большие, чем в остальных отрядах. Говорили: «У кого больше перебили солдат, как не у Скобелева?» — это было еще до заморозения 24-й дивизии на Шипке, до Горного Дубняка*, до перехода гвардии через Балканы. И объясняли это его равнодушием к солдатским жизням: «Он по-

* Горный Дубняк — ныне город Горни-Дыбник.

шлет десятки тысяч на смерть ради рекламы. Ему дорога только своя карьера».

Откровенный и безудержный карьеризм был чужд Скобелеву. Но и топтание на месте мало подходило его деятельной натуре. Реально оценивая свои способности, он с каждым днем утверждал личный военный авторитет и приобретал замечательную возможность в осуществлении собственных идей. Среди них предпочтение отдавалось ведению войны малой кровью. И не потому ли приведенное высказывание звучит более чем нелепо.

Сравнивая задачи трех отрядов, штурмовавших Плевну, можно заключить, что задачи левого фланга были значительно сложнее остальных. При взятии редутов потери у Скобелева были наименьшими, чем на остальных участках, и лишь после того, как турки подвергли левый фланг русских в течение суток яростным атакам, число их значительно возросло.

После неудачи третьего штурма Плевны стало более чем ясно, что следует отказаться от мысли взять ее «открытой силою». 31 августа царь накоротке объяснился с главнокомандующим, Д. А. Милютиным и А. А. Непокойчицким. И тут выяснилось, что каждый из них имеет свое мнение относительно последующих действий русской армии. Николай Николаевич отстаивал мнение, что Плевну надо оставить и, более того, отойти в Румынию — решение «умное», если учесть, что оно фактически срывало весь ход кампании, и таким образом Россия и Турция как бы негласно соглашались на ничью, правда, когда с доски, то есть с полей битвы, было взято смертью с русской стороны более пятидесяти тысяч фигур, с турецкой — около двадцати тысяч. По-иному смотрел на создавшееся положение Д. А. Милютин, единственный здравомыслящий человек во всем бедном мыслями окружении императора. Вот и сейчас, когда решался вопрос быть или не быть блокаде Плевны, Милютин высказал мысль о необходимости немедленно приступить к правильной осаде Плевны. Из-за возникших разногласий царь решил созвать на следующий день, 1 сентября, военный совет для окончательного принятия плана дальнейших действий русской армии.

Собрались. Начали с главнокомандующего. Тот, кроме как об отступлении, и думать ни о чем не желал. П. Д. Зотов примкнул к этому мнению. Мысли Д. А. Милютина об осаде Плевны ловко выдал за свои остро чувствующий, чего хочет добиться от совета царь, помощник А. А. Непокойчицкого К. В. Левицкий. При этом ему даже пришлось не согласиться со своим начальником, но на сей раз обошлось. Обошлось и главнокомандующему, который даже вспылил: «Как видно, я не способен быть воеводой, ну и смени меня, пойду заниматься коннозаводством». Но царь не принял этого ценного предложения, и напрасно. Все остались в своих местах.

Царь не столько опасался за военную сторону дела, сколько за то, какие толки вызовет отход русской армии в Европе и как откликнутся на этот шаг его подданные в государстве Российском. Александр II согласился с настояниями Д. А. Милютина держаться и укрепляться на прежних позициях до прибытия подкреплений из России, а затем перейти к постоянным атакам неприятельских укреплений, перерезав путь сообщения с Виддиным и Софией.

Для проведения в жизнь принятого плана блокады Плевны послали телеграмму в Петербург Э. И. Тотлебену*, который внимательно следил за ходом боевых действий на Балканах. Он дал согласие на назначение на пост командующего войсками, действовавшими против Плевны, и выехал в Болгарию.

Скобелев отдыхал в Бухаресте и еще долго не мог скинуть с себя груз невероятного напряжения. Знакомые, встречавшие его в эти дни, поражались переменам в нем: под глазами морщины, в висках засеребрилась седина.

«До Третьей Плевны, — говорил Скобелев, — я был молод, оттуда — вышел стариком! Разумеется, не физически и не умственно... Точно десятки лет прошли за эти семь дней, начиная с Ловчи и кончая нашим поражением... Это кошмар, который может довести до самоубийства. Воспоминание об этой бойне — своего рода Немезида, только еще более мстительная, чем классическая... Я искал тогда смерти и если не нашел ее — не моя вина!..»

Но в таком состоянии он находился недолго. Да и отдых Скобелева был своеобразен. Целыми днями просиживал за книгами, не переставая осмысливать события под Плевной, обобщая опыт сражений, делая выводы.

Здесь, в Бухаресте, никто не пользовался такой известностью и таким уважением, как Скобелев. Раненые солдаты и офицеры, принимавшие участие в боевых действиях, еще до приезда «белого генерала» рассказывали с чувством любви и гордости о военачальнике, с которым им пришлось воевать. И совсем не случайно на биваках звучала солдатская песня «Генерал Скобелев-2 под Плевной».

Было дело так под Плевной,
Дело славное, друзья!
В бой водил нас всех удалый
Наш ли Скобелев-второй,
Сам он, славный, пред полками
Ясным соколом летал.
Сам солдатами он правил,
Сам и пушки направлял.
Бой кипел, герой наш смелый,
Удалой боец лихой,
Не страшился пульей вражых,
Не боялся и штыка,
И не раз подле героя
Смерть была уже близка.
Он над пулями смеялся,
Видно, Бог его хранил.
И редуты за редутом
Брал у Турок он штыком.

* Имя генерала Э. И. Тотлебена неразрывно связано с одной из самых ярких и героических страниц русской армии — обороной Севастополя. Один из лучших военных инженеров того времени, он приложил немалые усилия для превращения города в неприступную крепость. Э. И. Тотлебен, способный принимать решения не торопясь, тщательно все обдумав и не проявляя при этом никакой горячности, более чем кто-либо другой отвечал требованиям сложившейся обстановки.

Раз одна злодейка пуля
Полетела в храбреца.
Ангел-же его хранитель
Спас могучего бойца.

(Записана в Тамбовском полку в 1890 году.)

Так уже при жизни Скобелева начала складываться легенда о генерале-богатыре, народном любимце.

В Бухаресте же произошла и первая встреча Скобелева с Тотлебенем, который остановился здесь перед тем, как отправиться в действующую армию. Тотлебен 12 сентября писал из Бухареста: «Завтра рано утром поеду с генералом Скобелевым в Зимницу, а послезавтра надеюсь прибыть в главную квартиру в Горный Студень. Генерал Скобелев был болен, оставался поэтому несколько дней в Бухаресте... Я признаю нашу встречу здесь счастливой случайностью, так как он хорошо знаком с положением дел... Он сообщит мне, конечно, много интересного... Скобелев и многие другие... говорят, что в армии ожидают меня с большим нетерпением».

На первых порах они сошлись и даже казались неразлучными. Вместе обедали, ужинали. Обоих объединяло общее дело и недоверчивость к «штатским генералам». Но несхожесть характеров, различие взглядов на войну сомнению не подлежали.

Один — весь осторожность, даже медлительность, спокойствие, рассудительность (Тотлебену было под шестьдесят). Другой — кипучая жажда деятельности, отвага, стремительность в принятии решений, порывистость словом, качества, необходимые в открытом бою с неприятелем. Поэтому для блокады Плевны нужнее был Тотлебен, а для сражения — Скобелев.

БЛОКАДА ПЛЕВНЫ

Тотлебен прибыл в главную квартиру 15 сентября и представился царю. На следующий день он был назначен начальником над всеми русскими и румынскими войсками и, ознакомившись с положением дел, принял твердое решение действовать против армии Осман-паши блокадой, взять Плевну измором. Тотлебен так же отверг и всякую мысль о попытке взять город путем постепенной систематической осады. Решение, несомненно, осторожное в противовес выдвинутого рвущимися в бой Скобелевым и Куропаткиным, но, учитывая возраст Тотлебена, становится понятной его боязнь растратить здесь, под Плевной, о которую разбились уже три русских штурма, столь дорогую ему славу героя Севастополя. «Четвертого штурма Плевны не будет», — заявил он. Однако решение на блокаду Плевны отвечало требованиям обстановки. Войска, измотанные в кровопролитных сражениях, нуждались в отдыхе и во времени для приведения в порядок. Кроме того, в случае удачи блокады, она позволила бы в относительно короткий срок заставить гарнизон Плевны либо капитулировать, либо прорываться, и тогда бы

роли поменялись: туркам пришлось бы штурмовать возведенные русскими войсками укрепления. Правда, шли слухи, что у Осман-паши в Плевне сосредоточены запасы на год, но это воспринималось с серьезными сомнениями.

Осман-паша с имеющимися силами мог попробовать прорваться, но султан категорически запретил ему покидать Плевну, так как она сковывала основные силы русской армии, что давало возможность Мехмет-али-паше и Сулейман-паше нанести удар по Руцукскому отряду и попытаться прорвать оборону русских на Шипке. Но их действия отличались крайней несогласованностью и в какой-то мере облегчали задачу русского командования по отражению этого наступления, заставившего, однако, поволноваться штаб Дунайской армии за судьбы Руцукского отряда и лично наследника.

Осман-паша, поняв, что русские, по крайней мере пока, отказались от штурмовых действий, принял за укрепление своих тыловых коммуникаций, разместив гарнизоны на участке Софийского шоссе от Плевны до Телиша. Участок от Телиша до Орхание взяли под охрану гарнизоны из особого корпуса Шефкет-паши, служившие прикрытием пути, по которому Плевна регулярно и беспрепятственно получала подкрепления.

Командование русской армии давно вынашивало идею перерезать шоссе, по которому шло снабжение осажденной Плевны, но сделать этого с помощью кавалерийских отрядов не удавалось. Теперь же, исполняя замысел Тотлебена о блокаде, шоссе следовало во что бы то ни стало надежно перекрыть. Поручили это Западному отряду, усиленному свежими, гвардейскими полками, прибывшими из России. Перехват Софийско-Плевненского шоссе наметили в двух местах: у Горного Дубняка и у Телиша. Войска возглавил генерал И. В. Гурко. Надо сказать, что первый бой для русских сложился неудачно. Турецкие укрепления располагались на холме, с которого хорошо просматривалось и простреливалось все вокруг. Гвардейские же полки шли в атаку в колоннах и потому в первые же минуты боя понесли тяжелые потери от многослойного огня турок. Очевидец наступления Измайловского полка запомнил, что головные роты шли в развернутом фронте, офицеры на своих местах отбивали такт: «В ногу!левой!левой!» С 9 часов утра до 5 часов вечера brave гвардейцы, следуя предначертаниям диспозиции И. В. Гурко, пытались овладеть укреплениями противника, но безуспешно. Между тем наступал вечер. Русская артиллерия прекратила огонь из-за боязни поразить своих же. У И. В. Гурко опустились руки, он уже собирался дать распоряжение на отход, считая положение безнадежным. Но совсем по-другому думали офицеры и солдаты. Отбросив в сторону парадную выучку, приведшую к потерям и неудачам, по одному, группами, от укрытия к укрытию солдаты просачивались на вал и уже в темноте с криком «Ура!» ворвались во вражеские траншеи. Турки не выдержали рукопашного боя и подняли белый флаг. Но победа далась дорогой ценой: гвардейцы потеряли около трех тысяч трехсот человек.

Теперь на очереди был Телиш, но и здесь наступление из-за плохой организации закончилось неудачей и тоже при больших потерях.

Хотя дивизия Скобелева во взятии Горного Дубняка прямого участия не принимала, но умело организованный «белым генералом» отвлекающий

маневр заставил Осман-пашу серьезно нервничать и отказаться от намерения оказать помощь гибнущему Горно-Дубнякскому гарнизону.

Большие потери в боях под Горным Дубняком и Телишем еще раз подтвердили никчемность старой тактики. Плотные колонны, могучая ударная сила в штыковом бою, оказывались прекрасной мишенью для укрытой в траншеях вражеской пехоты и артиллерии и потому несли большие потери.

С начала кампании русская армия потеряла убитыми более пятидесяти тысяч человек, но главнокомандующий, да и сам царь, не очень сокрушались по поводу этих утрат, однако на сей раз император был возмущен. Оно и понятно, ведь под Горным Дубняком сражалась гвардия — верная опора трона, и потери в ней нежелательны. Поэтому на совещании 15 октября, обсуждая вопрос атаки Телиша, царь категорически изрек: «Атака должна быть артиллерийская, отнюдь не допуская увлечений».

Указание Александра выполнили в буквальном смысле и с завидной точностью: в результате почти трехчасового обстрела десятью батареями Телишских укреплений турки сложили оружие, не дожидаясь атаки пехоты. Узнав о падении Телиша, турки поспешили ретироваться и из Дольного Дубняка*, спрятавшись под защиту плевненских валов. Теперь Плевненский укрепленный лагерь оказался в кольце, все дороги были перекрыты. И. В. Гурко в награду за взятие Горного Дубняка и Телиша получил от царя саблю, украшенную алмазами.

Итак, Плевна в блокаде. Что в создавшейся обстановке мог предпринять Осман-паша? Пробиваться через кольцо окружения, ждать прорыва блокады извне, сложить оружие? Последнее было, конечно, предпочтительнее, но... Осман-паша руководствовался телеграммой своего военного министра, в которой предписывалось — обороняться до окончательного израсходования продовольствия, после чего прорываться на Орхание или в каком-либо ином удобном направлении. В то же время Стамбул предпринял попытку силами наскоро сформированного Орханйского корпуса под командованием Мехмет-али-паши прорвать кольцо окружения. Однако попытка эта ни к чему не привела, и армия Осман-паши осталась в кольце один на один с противником. Тотлебен теперь мог без помех решать задачу блокады Плевны. В приказе по войскам от 2 ноября говорилось: «Позиции вокруг Плевны при линии обложения в 70 верст разделяются на шесть участков, для обороны коих назначено число войск, соответствующее протяжению и относительной важности каждого». Оборона первого участка была возложена на румынские войска во главе с генералом Чернатом, второй участок обороняли войска под командованием барона Н. П. Криденера, третий — под командованием П. Д. Зотова, четвертый участок оборонялся бригадой 30-й и 16-й дивизий, несколькими отдельными батальонами, казачьим полком и десятью батареями под общим командованием Скобелева, пятый отводился войскам под командованием генерала В. В. Каталя, шестой участок занимали войска гренадерского корпуса, кавалерийская бригада, два кавалерийских полка и двенадцать батарей под командованием генерал-лейтенанта И. С. Ганецкого. Наиболее важные

* Дольный Дубняк — ныне город Долни-Дыбник.

участки возглавляли Скобелев и Ганецкий. Через них проходили две основные дороги: на участке Скобелева на Ловчу — Троян и на участке Ганецкого на Орхание — Софию.

Вокруг Плевны стал создаваться пояс укреплений. И надо отдать должное русским войскам, в их строительстве они полностью использовали богатейший опыт предыдущих боев. Прокладывались дороги между участками, для маневра силами, в случае прорыва на одном из них, линии телеграфа надежно связали военачальников.

Скобелев глубоко сожалел, что наступило еще одно сидение, теперь уже плевенское. Стронник наступательной войны, он не мог мириться с тем, что битый им противник находится рядом в нескольких сотнях шагов от траншей, занимаемых его дивизией. Между русскими и турецкими войсками установилось как бы негласное соглашение: стреляют турки — русские отвечают, русские начинают — турки отвечают. Подобное было не для Скобелева, и он ищет любую возможность, чтобы напомнить противнику о своем существовании.

Естественно, неудача штурма и огромные потери не смогли не сказаться на моральном состоянии русских войск, и поэтому будет небезынтересно заметить, что назначение Скобелева начальником 16-й дивизии, впоследствии иначе и не называемой как Скобелевская, произошло в тот момент, когда не только у нижних чинов, начавших сомневаться в мудрости своего начальства, но и у главных вершителей судеб войны было минорное настроение. Ждали перехода турок в наступление. Даже спустя неделю, когда стало ясно, что оно не последует и, следовательно, можно заняться приведением войск в порядок и выработать план дальнейших действий, во многих начальственных головах витал дух тревоги.

В середине сентября Скобелев начал знакомство с частями 16-й дивизии. Перед третьим штурмом Плевны в ее рядах насчитывалось двести тридцать девять офицеров и десять тысяч пятьсот шестьдесят нижних чинов. После штурма потери составили: офицерского состава — сорок четыре процента, нижних чинов — сорок процентов. При столь значительных потерях пришлось переформировать полки в двухбатальонный состав. Во время Третьей Плевны 1-я бригада 16-й дивизии была непосредственно подчинена Скобелеву и принимала активное участие в штурме, а затем в удержании Скобелевских редутов. Остальные два полка — Углицкий и Казанский действовали в центре, и если казанцы понесли не напрасные потери, заняв траншеи, то сорок два процента потерь в личном составе Углицкого полка ложатся на совесть начальства, на его неумение управлять войсками. Достаточно вспомнить атаку в центре, где полки вводились в бой один за другим, не имея перед собой четкой цели наступления.

Наружный вид нижних чинов, по воспоминаниям А. Н. Куропаткина, оставял желать лучшего: постоянно мокрые, озябшие, сумрачные, сильно испачканные, в рыжих, размякших сапогах, облепленных глиноу, в дурно сидевших скомканных промокших головных уборах. Поэтому деятельность Скобелева по превращению дивизии в боевой организм заслуживает особого внимания, ведь именно с этой дивизией связаны наиболее яркие страницы его военной биографии.

18 сентября Скобелев принял дивизию и к общему удивлению и солдат, и офицеров поселился в палатке недалеко от передовой, в расположении Казанского полка. В этот же день Скобелев устроил смотр частям и, как заметил один из офицеров дивизии в своем дневнике, в лагере стало то же, да не то.

Что же было этим «не то?» Во-первых, приказ: всем подразделениям во время передвижения иметь песенников, на полковые построения выходить с оркестрами. Отныне удалые солдатские, задушевные русские песни, звуки оркестров раздавались над биваками. Песни и музыка — это лишь только прелюдия к той огромной работе, которая развернулась в расположении 16-й дивизии. Приводились в порядок вооружение, обмундирование, значительно улучшился быт солдат. И здесь скобелевская энергия была не меньшей, ежели не большей, чем в сражениях. Впрочем, если эту деятельность и нельзя назвать, в полном смысле этого слова, сражением, то слово «выколачивание» вполне соответствует положению вещей. На посту начальника дивизии Скобелеву пришлось столкнуться с неприятелем, пожалуй, не менее грозным, чем турки, правда, существовала немаловажная деталь: противник этот находился в собственном лагере и говорил не по-турецки, а в общем-то на обычном русском языке, но с неясными и расплывчатыми выражениями, туманными заверениями, сопровождаемыми стучанием кулака в грудь и бросанием шапки об землю. Все вышеперечисленные черты относились к представителям интендантства и товарищества, занимающихся снабжением армии.

Пришла осень с ее проливными дождями, слякотью, туманами, и на войска обрушились дополнительные трудности. Их можно было преодолеть только при наличии хорошо налаженной системы обеспечения армии всем необходимым. Но как таковой системы не существовало, и поэтому в решении вопросов снабжения войска были предоставлены сами себе. «Как только начались непогоды и бескормица, — писал генерал П. П. Карцов, — агенты (товарищества — *Б. К.*) исчезали, и в самое трудное для продовольствия время, с ноября по март, никто не видел ни одного из этих проходимцев. Можно положительно сказать, что товарищество было не только бесполезно для армии в смысле продовольствия, но, развивая в крае дороговизну, положительно вредило нам».

Уже после войны сформировалось мнение, что вопрос о продовольствии частей во многих случаях шел далеко не гладко, так как интендантство не всегда умело справлялось как с подвозом, так и с использованием местных средств. «Не гладко», «не всегда» — кругленькие и обтекаемые слова, за которыми любой русский человек разглядит углы и их подлинный смысл. Не гладко, — значит, снабжение армии всем необходимым для боевой деятельности было отвратительным, бездушным до преступности: не за горами была зима, и принесла она гибель многим тысячам русских солдат, так и не успевшим прославить своими ратными подвигами батюшку-государя. Не всегда, — значит, постоянно. Не каждый командир мог выдержать батальи с представителями снабженческого аппарата, поэтому некоторые их и вовсе не затевали.

Скобелев, как никто другой, понимал важность обеспечения дивизии всем необходимым в условиях наступившей осени и приближающейся зимы. В одном из его приказов командирам частей указывалось: «...что сохранение здоровья, сил нижних чинов, поддержание высокого нравственного духа во

многом зависит от здоровой, вкусной и достаточной пищи». Но отдавать распоряжения не составляет большой сложности для любого начальника. А вот претворять их в жизнь — здесь уже необходима твердая воля и строгий контроль за исполнением. Твердой волей Скобелев обладал — это бесспорно. Достаточно сказать, что в каждом полку во главе с офицерами создавались команды, которые направлялись в освобожденные районы Болгарии и Румынию на закупку провианта. И вскоре стали говорить, что запах скобелевских котлов доходит до Шипки.

А контроль... Одно дело, когда его осуществляет командир, а другое — когда комиссия, да притом авторитетная: в составе ее и офицеры, и нижние чины. Проверяют все: и решение хозяйственных вопросов, и обучение прибывающего пополнения. Если хотите, на современном языке это народный контроль.

...Проверили. Результаты в рапорте на стол командиру. Какова реакция Скобелева? Виновных в нарушениях на первых порах он решил предупредить, а в дальнейшем... каждый ротный командир, замеченный в небрежном отношении к продовольствию для нижних чинов и вообще в незаботливости о них в обширном смысле этого слова, «должен отречься от должности».

Стоит ли говорить о том, что 16-я дивизия с этой стороны выгодно отличалась от остальных соединений?

В снабжении обмундированием солдат Скобелеву пришлось проявить всю изобретательность и пожертвовать даже личными сбережениями, чтобы решить эту проблему. К наступлению холодов дивизия была полностью одета в теплые полушубки и фуфайки.

Но большие трудности Скобелеву пришлось преодолеть, чтобы разрушить стены крепостнических пережитков, существовавших в армии с незапамятных времен. Много сил и энергии он потратил на то, чтобы создать в частях атмосферу доверия и взаимопонимания между командирами всех рангов и простыми солдатами, изрядно подорванную в период трех неудачных штурмов Плевны. Но даже сытый, хорошо одетый и вооруженный солдат еще не солдат, если он не обучен. Вид турецких укреплений постоянно напоминал о том, что противник не разбит и что предстоит пролить еще очень много крови, прежде чем падут, казалось бы, неприступные стены редутов. В то, что они были такими, Скобелев не верил: однажды он уже брал их и поэтому в первую голову ставил обучение войск.

В течение сентября — октября каждый из полков получил на комплектование от тысячи до тысячи пятисот человек. Хотя численность дивизии значительно возросла, однако не достигла штатной. Более трети личного состава, как говорится, и пороху не нюхали, и поэтому с утра и до позднего вечера полки штурмовали возведенные в тылу насыпи, по виду схожие с турецкими редутами. Скобелев находился там постоянно. Он твердо помнил суворовский принцип: «Тяжело в учении — легко в бою» и сурово спрашивал с тех, кому казалось, что все предпринимаемое им напрасно. Скобелев прекрасно понимал, что великое противостояние русской и турецкой армий долго продолжаться не может, и поэтому готовил дивизию к новым боям. Он неоднократно предлагал Э. И. Тотлебену занять первый и второй гребни Зеленых гор, но кроме как на проведение демонстрации на Ловче-Плевненском шоссе

разрешения не получил. Поэтому продолжал настаивать на решительном характере действий, который помог бы стряхнуть тяготевший над армией дух поражения. Пассивное ожидание в окопах в течение двух-трех осенних и зимних месяцев, считал Скобелев, приведет к потерям от болезней равным, а может быть, даже и большим, чем при новом приступе. Опровергнуть эти доводы стоило большого труда.

Э. И. Тотлебен, зная горячий характер Скобелева, категорически запретил ему проявлять всякого рода инициативу и, пожалуй, больше чем кого-либо, контролировал в выполнении отданных им распоряжений по строительству укреплений, устройению батарей и дорог. Однажды побывав у Скобелева, Тотлебен был неожиданно удивлен тем, что и в деле укрепления позиций Скобелев (хотя он это и не высказал лично) значительно превзошел остальных начальников участков. Траншеи вырыты полного профиля, бруствер высокий, для отдыха солдат оборудованы землянки, артиллерия за высокими насыпями. Спроси любого пехотинца, артиллериста — каждый знает свою задачу. Люди одеты лучше, чем у других начальников. Да по лицам видно, что настроение у солдат бодрое — во всем чувствовалась заботливая рука. И уже совсем неожиданным прозвучало предложение Скобелева попариться в бане. Тотлебен вежливо отказался, но стал свидетелем, как взвод солдат с венниками в руках промаршировал по направлению к землянке, над которой клубилось легкое облачко пара.

Полковник П. Д. Паренсов свидетельствовал: «Быть при Скобелеве, это значило пройти целую школу теории, применяемой тут же на практике... Однажды он прочитал мне целую лекцию об условиях стояния войск на бивуаке, о важности ассенизации бивуака и различных способах это устроить, в особенности, если предстоит на нем долгая стоянка».

...В любой войне начальниками различных степеней отдавались и будут отдаваться приказы. Не исключением на сей счет оказалась и турецкая кампания. Приказов и распоряжений отдавалось множество, и остается сожалеть, что вдумчивых, охватывающих все стороны боевой деятельности войск явно не хватало. Скобелев же к любому делу (пусть не такому славному, как атака неприятельских редутов, а только осада долгая, без видимых результатов) относился таким образом, что нужное пребывание в окопах превратилось в напряженную учебу войск, явилось новым шагом в развитии приемов и способов ведения боевых действий, а в отданные им 12 и 13 октября приказы ввиду предполагаемой продолжительной осады могут и по сей день являться примером полного освещения вопросов, связанных с расположением войск на месте.

В этих приказах Скобелев и инженер, и заботливый тыловик, и врач — словом, «отец солдату». А ведь этому отцу было только тридцать четыре года. Но и тогда он уже сложился как военачальник, вникающий во все тонкости войны, не привыкший считать какие-то одни ее стороны важными, а другие менее значительными. Скобелев исходил из принципа: «На войне мелочей нет».

...Но наконец-то в верхах вняли просьбам Скобелева о занятии Зеленых гор. Это был первый бой, в котором дивизия в обновленном составе во главе

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Бой за Зеленые горы

с новым начальником должна была принять боевое крещение. Вряд ли стоит объяснять, что это значило для такого большого по тому времени соединения. Тем более, что Скобелев решил занять гребни ночью. Пусть, как полагали многие, дело выеденного яйца не стоит, однако на сей счет Скобелев имел свои соображения. Он понимал, что неудача может отрицательно сказаться на моральном состоянии войск, и поэтому подготовке дивизии к нему придавал большое значение. Основное — твердое знание задачи всеми участниками боя. И Скобелев добивался того, чтобы все, от полкового командира до солдата, четко представляли, что от них требуется.

В ночь с 23 на 24 октября войска заняли гору в деревне Брестовец, в одном километре от передовых турецких траншей на Зеленых горах. На эту высоту выдвинули батарею из двадцати четырех орудий и оборудовали ложементы для пехоты. Все делалось в абсолютной тишине, и только залп из всех орудий дал понять туркам, что спокойной жизни на этом участке пришел конец.

24 октября Скобелев с Куропаткиным и группой офицеров осматривали турецкие позиции. Противник вел себя в этот день беспокойно, словно чувствуя, что в русском лагере что-то готовится, его артиллерия не прекращала огня, разрывы гранат поднимали в воздух клочья земли. Скобелев намечал ориентиры, направление удара.

Накануне сражения 28 октября Скобелев провел смотр частей дивизии.

Ночь 29 октября выдалась на редкость темная. Без единого возгласа, пробираясь виноградниками, шли цепи: в лагере турок полное спокойствие. Гортанные перебивания часовых лишь изредка нарушали полную тишину. И вдруг она огласилась тысячеголосым криком «Ура!», сходным со звуком камней, несущихся с гор с бешеной скоростью. Турки, застигнутые врасплох, не оказав какого-либо организованного сопротивления, бежали.

Таким образом, расстояние между редутами и теперь уже русскими траншеями сократилось наполовину. Но противник не имел ни малейшего желания оставлять столь долго укрепляемую им позицию и, не откладывая дела, еще до рассвета предпринял несколько контратак, поддержанных огнем артиллерии. И вновь понадобилась уверенность и распорядительность Скобелева, чтобы вернуть на позиции дрогнувших и отразить контратаку. Первый гребень Зеленых гор остался в руках русских. И хотя дивизия в этот день действовала успешно, Скобелев, отдавая должное участникам боя, в своем приказе подробно остановился на всех недостатках, напомнил, что стыдно бегать от тех турок, которых отцы и деды привыкли бить не считая, и что в вопросах требовательности за успешное выполнение поставленной задачи он будет непреклонен.

«Ужасная ночь! — вспоминал очевидец. — Серо и туманно утром. Кончился бой — опять за лопаты и кирки. В траншеях печурки. Для Скобелева в середине траншеи было выбито небольшое пространство земли. Насыпали соломы. Скобелев лежал на бурке. После появились железная кровать, стол, табуреты, настил, печка. Но редко кто видел Скобелева отдыхающим».

Переезд Скобелева со штабом в первую траншею некоторые приняли за фарс. Конечно, хаты деревни манили теплом и уютом. И командиры больших и малых рангов не спешили расставаться с ними. В понимании Скобелева война ничем не напоминала увеселительную прогулку, а была тяжким трудом с потом и кровью. Он был тружеником на войне, и не случайно о жизни 16-й дивизии, о ее командире вскоре заговорила вся армия. Где лучше землянки — у Скобелева, где солдаты тепло одеты и сыты — у Скобелева, где болезней меньше — у Скобелева. Не удержался от соблазна посетить расположение дивизии и сам великий князь — главнокомандующий.

— Это что за краснорожие?.. — пренебрежительно обратился он к шеренге солдат. — Видимо, сытые совсем.

Для Скобелева так и осталась непонятной эта фраза, выражавшая то ли полное удовлетворение, то ли намекавшая на бездеятельность. Уместно будет сказать, что к высокопоставленным визитерам Скобелев относился, по меньшей мере, неуважительно. Предлагая «прогулку» под огнем, он у многих отбил охоту приезжать на Зеленые горы без дела...

Весь ноябрь русские и турецкие артиллеристы соперничали в меткости и маневре огнем. Надежда вернуть первый гребень не покидала турок, и они по нескольку раз в день атаковали скобелевские траншеи. После очередного приступа, в котором турки понесли весьма чувствительные потери, безнадежность затеи стала очевидной и на участке Скобелева установилось относительное затишье.

За этот небольшой период боев Скобелев дал возможность всем пол-

кам проверить боеготовность и побывать в огне. Так приобреталась уверенность в собственных силах, складывалась атмосфера взаимопонимания и взаимовыручки, которой вскоре на всю Дунайскую армию прославилась 16-я дивизия, буквально на глазах превратившаяся в слаженный боевой организм.

Ни суровые климатические условия, ни трудности окопной жизни не сломили в русской армии уверенность в окончательную победу. Скобелев немало сделал для восстановления духа войск, но можно представить, что творилось у турок, когда из русского лагеря доносилась музыка, песни, ликующие возгласы, которыми солдаты сопровождали известия об успехах на других участках. Неспokoйный сосед оказался у Осман-паши. И именно в этот период Скобелев, выходявший без царапины из самых яростных сражений, был дважды контужен. Вторая контузия была особенно сильной.

— Ай! — схватился генерал за бок.

— Что такое с вами? — спросил Куропаткин.

— Тише. Я ранен... — Скобелев прижимает ладонь к боку...

Адъютант подхватил его.

— Оставьте... разве можно? Солдаты видят, — шепотом проговорил он. — Здорово, молодцы! — напрягаясь, уже громко закричал Скобелев. — Поздравляю вас, славно отбили атаку...

— ...Рады стараться, — слышалось из-за бруствера.

Удар пришелся в область сердца. Целую неделю Скобелев не вставал. Существовали предположения, что последствия этой контузии, очевидно, явились причиной скоропостижной смерти Михаила Дмитриевича. Но это были лишь предположения.

Мнительность Скобелева относительно ранений нашла выход в упреке, обращенном к отцу: «А все твой полубубок!» Дмитрий Иванович подарил ему черный овчинный полубубок, оказавшийся несчастливым.

Взаимоотношения отца и сына казались многим натянутыми, в особенности, когда речь заходила о деньгах. Дмитрий Иванович был скуповат и все же уступал изобретательным просьбам Михаила, любовь к которому он внешне скрывал за напускной суровостью и неприступностью. Но когда Скобелев-старший увещевал и просил Скобелева-младшего быть осторожным и береечь себя, то тон его становился доброжелательнее. При этом он непременно ссыался на мать, которую Михаил Дмитриевич необычайно любил и избегал доставлять ей огорчения. К слову, о ранениях на Зеленых горах Ольга Николаевна так и осталась в неведении.

Находясь в свите, Дмитрий Иванович, как мог, оберегал честь сына и, навещая его на передовых позициях, довольно подробно информировал об отношении к нему в окружении императора и великого князя. Тяготясь немудреными свитскими обязанностями, Дмитрий Иванович воспользовался первой же представившейся возможностью избавиться от них и возглавил большой кавалерийский отряд, который действовал при блокаде Плевны за расположением войск генерала И. С. Ганецкого. Командуя им, он в январе 1878 года перешел с колонной генерала П. П. Карцова через Балканы, участвовал во взятии Филиппополя и преследовании армии Сулейман-паши. Георгиевский крест III степени стал наградой за его личное мужество и храбрость в русско-турецкой войне.

В результате методического и настойчивого проведения в жизнь плана блокады вокруг Плевны образовалось сплошное кольцо позиций, которые занимали сто двадцать пять тысяч русских и румынских войск с четыреста девяносто шестью орудиями. В русской армии все — от солдата до генерала понимали, что вечно блокада продолжаться не может, и со дня на день ждали прорыва Осман-паши. Главнокомандующий через парламентариев посылал ему письма, в которых предлагал условия сдачи, дабы избежать ненужного кровопролития. Однако на все послания Осман-паша, находившийся за высокими стенами редутов, давал ответы, смысл которых был таков: придите и возьмите. В одном из них он писал великому князю: «Я еще не выполнил всех условий, требуемых военной честью для возможности сдачи, и не могу покрыть позором имя оттоманского народа, а потому предпочитаю лучше принести в жертву нашу жизнь на пользу народа и в защиту правды и с величайшей радостью и счастьем готов скорее пролить кровь, чем позорно сложить оружие».

Но сведения, поступавшие из Плевненского лагеря от болгар и взятых в плен турок, говорили о том, что запасы продовольствия у армии Осман-паши на исходе и что войска готовятся к прорыву.

24 ноября у Осман-паши окончательно созрело решение прорываться, поскольку продовольствия осталось на несколько дней. Он отдал распоряжение о подготовке, приказал прекратить всякую перестрелку, но направление прорыва не сообщил даже никому из своих ближайших помощников — боялся, что каким-нибудь образом оно станет известно русскому командованию. Войска по ночам с чрезвычайной осторожностью с редута на редут небольшими отрядами сосредоточивались на направлении прорыва. 27 ноября все имевшиеся запасы продовольствия были розданы на руки солдатам.

«Завтра или никогда! Если не удастся, никто не скажет, что я не поступил как честный солдат», — вырвалось у Осман-паши, когда он объезжал войска. Итак, решение принято — пробиваться на Виддин. Осман-паша прекрасно понимал, что пойдя он на Ловчу, его бы встретил Скобелев, а об этом русском генерале он был высокого мнения и поэтому решил не рисковать в столь ответственный для его армии момент, считая, что такая встреча может закончиться с результатом не в его пользу.

Тотлебен, поняв, что Осман-паша решил пробиваться по Софийскому шоссе, отдал 27 ноября следующее распоряжение: «Одной бригаде 16-й пехотной дивизии с тремя батареями и бригаде 3-й гвардейской дивизии под общим начальством генерал-лейтенанта Скобелева, перейдя 28 ноября, на рассвете, на левый берег Вида, расположиться: бригаде 16-й пехотной дивизии с тремя батареями близ Дольного Дубняка и быть готовыми поддержать отряд генерала Ганецкого, бригаде же 3-й гвардейской дивизии, впредь до разъяснения обстоятельств, быть готовой поддержать, смотря по действительной надобности, отряд генерала Ганецкого или отряд генерала Каталея». То есть Скобелеву поручалось действовать в резерве на случай, если Осман-паше удастся прорвать позиции И. С. Ганецкого.

В турецком лагере стояла тишина. Темная, холодная ночь разделяла стороны. Несмотря на холод, у турок не было видно ни огонька. Эта тишина для Скобелева была хуже яростной перестрелки. Уж не готовятся ли турки к атаке? И поэтому он направил в сторону турецких траншей секрет. Солдаты исчезли в темноте. Томительное ожидание. Но вот возвращаются. Докладывают: «Траншеи турками оставлены, в редуте идут сборы, увозят орудия». Скобелев немедленно сообщил об этом главнокомандующему и Э. И. Тотлебену, а А. Н. Куропаткину велел отправить И. С. Ганецкому телеграмму следующего содержания: «По приказанию генерала Скобелева доношу, что перебежчик показал, что Кришинский редут оставлен турками, которые собираются к мосту на р. Вид для наступления, и что если это окажется справедливым, то он, Скобелев, двинет находящуюся на Софийском шоссе бригаду 16-й дивизии в Дольный Дубняк».

И. С. Ганецкий как личность и как военачальник слыл в армии большим самодуром, а в военном отношении представлял собой полнейшую бездарность. Вместо того чтобы привести подчиненные ему войска в боевую готовность, он упустил драгоценное время. В результате, когда пятидесятитысячная масса турок ранним утром 28 ноября обрушилась на гренадерский Сибирский полк, тот оказался не готовым к встрече с превосходящими силами противника. «Не только резервы не были в готовности поддержать боевую линию, но даже часть артиллерийских лошадей во 2-й батарее, т. е. в той, которая находилась в первой линии, была уведена на водопой...» Потери русских были так велики, что из атакованных рот отходило лишь несколько разрозненных чучек.

Туркам удалось прорвать сначала первую, а затем вторую линию обороны участка И. С. Ганецкого. Дело принимало трагический оборот. Благо резервы были вовремя брошены в бой, который по ярости и жестокости превзошел прежние, имевшие место у стен Плевны. Противники сходились и расходились в рукопашной схватке, где русские всегда имели перевес. Турки дрогнули и бросились бежать, преследуемые подходящими один за другим русскими полками. Осман-паше удалось кое-как сгруппировать остатки частей и повести их на прорыв, но и эта попытка оказалась безуспешной. Турок теснили повсюду. В этот момент Осман-пашу ранило в ногу. Склонив голову, не обращая внимания на кровь, он медленно ехал назад в Плевну, обгоняемый беспорядочными массами бегущих. Прорыв не удался. Этот вариант был исчерпан, оставался последний — сдаться.

Когда турки уже начали отступление, Скобелев, еще не зная об этом, выехал из Кришинского редута через реку Вид, чтобы принять под командование бригаду 3-й гвардейской дивизии. Чуть раньше за середину расположения гренадерского корпуса он отправил бригаду своей дивизии. Подход бригады не был уже столь необходимым, так как турки к 11 часам прекратили всякое сопротивление. Но действия Скобелева впоследствии пытались представить как нежелание прийти на помощь войскам И. С. Ганецкого. Более того, командир гвардейской бригады генерал Курлов через несколько дней после падения Плевны подал рапорт на Скобелева, где обвинял последнего в том, что он не дал возможности гвардии отличиться. Каждый мерял войну на свой аршин, без всякой мысли о возможном ином развитии событий. Ведь удайся Осман-

паше задуманное, и тогда нечем было бы заткнуть образовавшуюся брешь.

Осман-паша сдается со всей армией!.. Эта весть облетела русские войска. День шел к концу, когда в расположение отряда И. С. Ганецкого прибыл парламентар. Но зная вероломство турок, через него была направлена записка Осман-паше: «Ваше превосходительство, — написал генерал Струков, — командующий отрядом, генерал Ганецкий, поручил передать вам, что он примет для переговоров только лицо, заменяющее вашу особу, так как генералу известно, что сами вы ранены».

Для переговоров Осман-паша выслал своего начальника штаба Тевфик-пашу, который провел Струкова через толпы турецких войск, в неприязненном молчании расступившихся перед русским генералом. Струкова подвели к небольшому домику, в котором расположился Осман-паша. Он вошел и предложил условия сдачи, и Осман-паша полностью согласился с ними. Через полчаса приехал Ганецкий. Осман-паша отдал приказание о сдаче армии и вручил саблю Ганецкому.

Отец и сын Скобелевы подъехали к дому, когда переговоры о сдаче подходили уже к концу. Оба — направлены главнокомандующим, старший для того, чтобы принять на себя заботы о пленных, младший назначался военным губернатором Плевны и всего укрепленного района. Скобелевы вошли в дом и были представлены Осман-паше. Скобелев-2 обратился к нему через переводчика: «Скажите паше, что каждый человек, по натуре, более или менее завистлив, и я, как военный, завидую Осману в том, что он имел случай оказать своему отечеству важную услугу, задержав нас четыре месяца под Плевной».

Паша поблагодарил. «Русский генерал еще молод, — сказал он, обращаясь к Скобелеву-2, — но слава его уже велика... Скоро он будет фельдмаршалом своей армии и докажет, что другие могут ему завидовать, а не он другим». И это говорил противник.

Плевна, стоившая таких огромных жертв, пала! Армия Осман-паши пленена! Эта весть из уст в уста передавалась солдатами, и везде она вызывала радостные чувства: ведь закончилась почти пятимесячная борьба. Безоружные, нестройными колоннами, понуриив головы, брели пленные турки по дороге, ведущей в тыл русской армии, их число доходило до сорока тысяч человек.

С первых дней войны за Скобелевым в армии прочно укрепилась репутация генерала-рыцаря. «Бей врага без милости, покуда оружие в руках держит, — говорил он. — Но как только пленным стал — друг он тебе и брат. Сам не доешь, а ему дай».

...В результате падения Плевны Турция лишилась одной из своих лучших полевых армий. И возместить эту существенную потерю в самое ближайшее время не представлялось возможным. Но если бы даже и удалось восстановить ее каким-либо образом путем создания новой армии, то практически невозможно было сделать, пожалуй, самое основное — поднять боевой дух войск.

Скобелеву в качестве военного губернатора Плевны поручалась охрана Осман-паши, и в знак уважения к противнику он приставил к нему почетный караул. На следующий день намечалось торжество по случаю взятия Плевны. Войска были построены к городу лицом, на плато, с которого еще недавно вела огонь турецкая батарея. Но среди огромной массы войск выделялась 16-я ди-

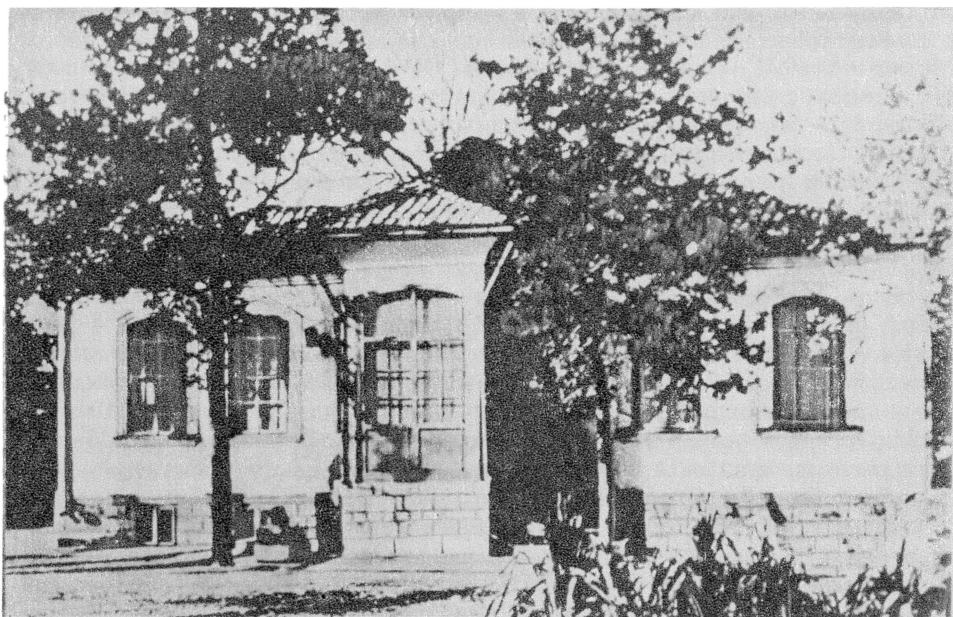
визия. Шеголями, или, как говорили в военном быту, «женихами», выглядели молодецкие скобелевские батальоны. Высшее командование армии, войска, духовенство и певчие ожидали приезда царя. И как только показался император с многочисленной свитой, перекатами зазвучало «Ура!». Навстречу Александру II быстрыми шагами спешил главнокомандующий. Братья расцеловались. Царь достал из кармана высшую военную награду — Георгиевскую ленту I степени и надел на шею великому князю, его движения при этом были нервны, порывисты. Вновь гремит «Ура!» в честь главного героя Плевны. Не остались без наград те, кто помогал великому князю. Э. И. Тотлебена наградили Георгиевским крестом II степени, крест того же достоинства был вручен Д. А. Милютину. И. С. Ганецкого наградили крестом III степени. Затем царь объехал войска и после молебна отправился в Плевну, где в доме, занимаемом Скобелевым, состоялся завтрак, на который были приглашены все командиры частей. Скобелеву за столом места не нашлось. В ожидании Осман-паши Александр II подошел к нему и попросил показать дом. Они вышли из гостиной и остались наедине. Император вдруг остановил Скобелева, прервал рассказ, привлек к себе, поцеловал и с волнением произнес:

— Спасибо тебе, Скобелев!.. За все... за всю твою службу — спасибо!

Услышать такую похвалу из уст императора было лестно для любого военачальника, а тем более для Скобелева, слышавшего несколько месяцев назад совершенно иную оценку его ратного труда. Но Скобелев не мог не оценить и такта Александра II. Ведь публичное проявление чувств императора и выделение молодого генерала могло вызвать очередной всплеск недоброжелательных пересудов. И может быть, у Александра II возникла мысль, что он несколько опоздал с признанием заслуг «белого генерала».

Тем временем у дома собралась огромная толпа. Она расступилась. По образовавшемуся проходу, поддерживаемый с одной стороны турецким офицером, с другой — казачьим, шел Осман-паша для представления Александру II. Хорошее настроение не покидало императора. Он задал несколько вопросов, касающихся неудачной попытки прорыва, и возвратил Осман-паше саблю. Из Богда, куда его отправили сразу же после беседы с царем, он послал в Стамбул телеграмму следующего содержания: «Вам неизвестно, что полтора месяца мы находились на осадном положении. Не получив с тех пор никакой помощи, я решился пробиться со всею армиею сквозь ряды русских войск. Несмотря на все усилия, я не успел в этом и теперь нахожусь военнопленным, вместе со всем плевненским гарнизоном. Оценивая храбрость моих солдат, Его Императорское Величество и Его Августейший брат удостоили меня самым благосклонным приемом...»

В Плевне начиналась новая жизнь. Высшим сановникам представилась блестящая возможность на деле убедиться в административном таланте Скобелева, о котором ходило множество толков во время пребывания его на посту ферганского генерал-губернатора. Титанические усилия пришлось приложить ему, чтобы очистить город и окрестности от разлагавшихся трупов, выделить медицинский персонал для обслуживания раненых турок. Но и эти проблемы при всей их серьезности не стояли так остро, как предотвращение мародерства.

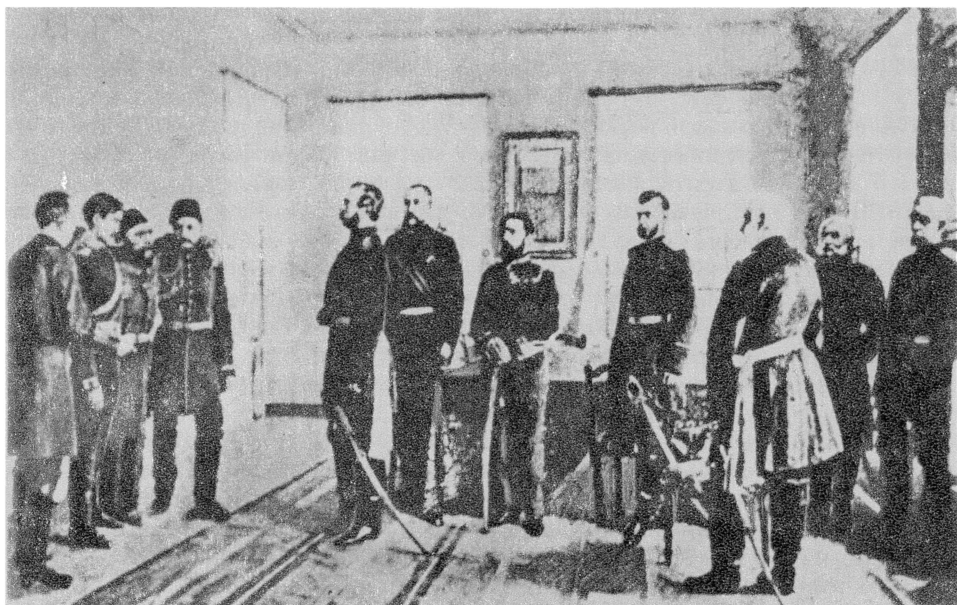

Дом военного губернатора Плевны. Ныне музей М. Д. Скобелева

И совсем не случайно в сочетании с известным именем Ак-паша часто употреблялось слово «справедливый».

Если для Турции падение Плевны ускорило начавшийся еще ранее процесс истощения материальных и моральных сил, то для русской армии оно означало, во-первых, высвобождение нескольких корпусов; во-вторых, создавалась благоприятная возможность для перехода от обороны к наступлению; и, в-третьих, эта победа подняла боевой дух балканских народов, вызвав панику у султана и у правительств Запада. Что русские не станут топтаться на месте — это прекрасно понимало турецкое правительство, и уже 30 ноября Порты обратилась к правительствам Европы с просьбой о посредничестве в деле скорейшего прекращения войны. Тем самым правительство Турции откровенно расписывалось в собственном бессилии и неспособности к дальнейшему ведению войны. Но как показали события, роль посредников мало подходила для Англии, Германии и Австро-Венгрии. Крайне заинтересованные в решении восточного кризиса не в пользу России, они были едины в своем стремлении не допустить победы славянских народов. На создание блока против России требовалось время, а им теперь распоряжались русские.

Не став добиваться согласия Австрии и Германии на посредничество, английское правительство самостоятельно направило просьбу Дивана в Петер-

Представление Осман-паши Александру II

бург. Русское правительство приняло решение не начинать никаких мирных переговоров впредь до предварительного признания турецким правительством основных русских мирных условий, которые состояли в следующем: признание полной автономии всей Болгарии, Боснии и Герцеговины, признание независимости Черногории, Сербии и Румынии. Кроме того, по мирным условиям Турции предстояло выплатить контрибуцию, сделать проливы доступными для торговых судов всех нейтральных стран. Условия жесткие, но справедливые, и за этими условиями стояла сила русского оружия, а в случае отказа турецкого правительства русское командование было полно решимости использовать этот веский аргумент.

Если рассмотреть значение боев под Плевной с точки зрения военного искусства, то впервые в истории войн русские войска дали прекрасный пример методического наступления на систему обороны противника. Но особенно привлекают к себе внимание действия отряда Скобелева при третьем штурме Плевны. Здесь налицо было сосредоточение основных усилий на узком участке наступления и осуществление идеи глубоко эшелонированного тарана, первые эшелоны которого предназначены для самого прорыва, а задние для его развития. В этом отношении, как и в организации блокады крепости, русская военная мысль значительно опередила достижения всех армий мира. В ходе блокады Плевны стали проявляться черты позиционной

войны, которая много позже, в войну 1914—1918 годов, получила широкое распространение.

Взятие Плевны русскими произвело огромный эффект как на фронте, так и в глубине России. Многие полагали, что самое трудное позади и война скоро кончится. Но такой вывод мог появиться только в результате недостаточного знания и понимания действительной военной обстановки. На самом деле вопрос о том, как добиться скорой и окончательной победы, был еще далеко не ясен. Более того, вставала угроза, что для войны успех у стен Плевны запоздал, и она может затянуться. События торопили русское командование к быстрейшему завершению войны. Для этого требовалось еще до наступления весны перейти Балканы с тем, чтобы не позволить правительствам западных стран каким-либо образом оказать давление извне. Вопрос о предстоящих действиях русской армии рассматривался 30 ноября советом, собранным Александром II в Порадимае, на котором, кроме царя, присутствовали главнокомандующий, князь Карл, Д. А. Милютин, Э. И. Тотлебен, А. А. Непокойчицкий и вызванный к этому времени с Кавказа Н. Н. Обручев. После доклада Н. Н. Обручева, согласованного с Д. А. Милютиным, было принято решение о переходе русской армии в наступление, не ожидая весны, для чего трем отрядам войск под командованием И. В. Гурко, Ф. Ф. Радецкого и П. П. Карцова предстояло форсировать: первому — Западные Балканы с нанесением удара на Софию, второму — перевалы в районе Шипки и третьему — Троянский перевал.

ШЕЙНОВО

Завершение блокады и падение Плевны создали благоприятные предпосылки для перехода русской армии в наступление на Балканскую армию Вессель-паши, блокировавшую Шипку.

После кровопролитных июльских и августовских штурмов установилось относительное затишье. Однако понимая всю важность обладания Шипкинским перевалом, как кратчайшим путем на Балканы, Вессель-паша не прекращал попыток выбить русские войска и отряды болгарских ополченцев с занимаемых ими позиций, которые разбивались о мужество и стойкость защитников перевала. Кроме боевых трудностей, русские войска и болгарские дружины испытывали тяжесть суровых климатических условий и бытовых неустройств. Вот как об этом периоде сообщает в своем донесении полковник Духонин, командир отряда, занимавшего позиции на горе св. Николая. «Ни в одной траншее огня развести нельзя, одежда всех офицеров и солдат изображает ... сплошную ледяную кору... Ружья покрыты сплошной ледяной корой, и солдаты с чрезвычайными усилиями поддерживают в хорошо смазаных маслом ружьях исправное действие затвора и выбрасывателя, постоянно приводя их в движение окоченевшими пальцами».

Не случайно потери отряда Ф. Ф. Радецкого от болезней и обморожений значительно превышали боевые. Храбрый и добродушный генерал имел губительное пристрастие к картам, а положением солдат интересовался мало. Занятый с утра до вечера игрой в винт, он, находясь всего лишь в пяти кило-

метрах от переднего края обороны, не мог выбрать время для посещения землянок и траншей, в которых гибли от мороза, по его образному выражению, «святые серые скотинки». В своих донесениях он рапортовал по начальству о полном благоденствии вверенного ему войска. Стала знаменитой его фраза: «На Шипке все спокойно». «Спокойно», без выстрелов и разрывов снарядов русские войска на Шипке потеряли около одиннадцати тысяч человек больными и обмороженными. Только в одной 24-й дивизии погибли шесть тысяч человек. Дивизию пришлось снять с позиций и отправить в тыл на восстановление, и до конца войны она не принимала в ней участия.

Турки находились в более выгодных условиях. Они не нуждались ни в продовольствии, ни в фураже. И все же «шипкинское сидение» имело важное значение — проходы через Балканы прочно удерживали русские войска, что не давало возможности армии Осман-паши получить помощь и тем самым приблизило ее капитуляцию.

...Еще в сентябре Ф. Ф. Радецкий предлагал осуществить переход через Балканы с целью выхода в тыл турецкой армии для облегчения положения защитников перевала, но в то время главнокомандующий посчитал это преждевременным. А теперь, когда перед Ф. Ф. Радецким ставилась эта задача, у него возникли серьезные сомнения в успехе осуществления перехода в зимних условиях, и под всяческими предлогами он старался оттянуть ее выполнение. Но Николай Николаевич на сей раз оказался настойчивым и обязал начать переход не позднее 19 декабря. Поэтому Ф. Ф. Радецкому пришлось взяться за подготовку наступления.

Сущность подготовки сводилась к тому, что усиленный подкреплениями отряд делился на три колонны, из которых правая и левая, перейдя через Балканы восточнее и западнее Шипки, должны нанести одновременный удар по турецким позициям, расположенным к югу от перевала. В этот момент вступит в действие и центральная колонна, чтобы сковать силы неприятеля со стороны Шипкинского перевала.

В Габрове сосредоточились войска правой колонны в составе шестнадцати с половиной тысяч человек при четырнадцати орудиях. Эту колонну возглавлял М. Д. Скобелев. В районе Тырнова сосредоточивались войска левой колонны общей численностью девятнадцать тысяч человек при двадцати четырех орудиях под командованием Н. И. Святополк-Мирского, центральную колонну вел сам Ф. Ф. Радецкий — двенадцать тысяч человек при двадцати четырех орудиях. Путь правой колонны пролегал западнее Шипки через Имитлийский перевал, а левой — восточнее Шипки через Травненский перевал*. Сам по себе план окружения турецких войск сомнений не вызывал, но исполнителей ожидало множество трудностей. Основная, пожалуй, управление и организация связи между тремя колоннами, удаленными друг от друга на значительное расстояние. Сложным был и сам переход. Местные жители, болгары, когда их спрашивали, возможно ли преодолеть вышеназванные перевалы, отвечали, что летом через Имитлийский

* Травненский перевал — ныне Трявненский перевал.

перевал можно пройти одному человеку, через Травненский — всаднику, но зимой через них ходить редко кто отваживался.

Сам путь и условия движения по нему колонн сильно разнились друг от друга. Для правой колонны он равнялся семнадцати километрам, а для левой — сорока восьми километрам. Однако общая крутизна подъема правой колонны в три, а спуска в два с половиной раза превосходила крутизну подъема и спуска левой колонны. Если же учесть двухсотметровый обрыв в трех километрах от Имитли, то разница в профиле перевалов — еще заметнее. Но ко всему перечисленному добавлялось еще одно препятствие — значительная часть маршрута правой колонны проходила в зоне наблюдения и обстрела турок, что делало невозможным движение по нему днем.

Получив от Ф. Ф. Радецкого указания на подготовку колонны к переходу через Балканы, Скобелев, предполагавший такое развитие событий заранее, а поэтому не терявший времени даром, развил кипучую деятельность. Пожалуй за весь период войны с Турцией трудно найти пример более тщательной подготовки войск к действиям в суровых климатических условиях. Организаторский талант Скобелева раскрылся не менее ярко, чем военный. Он, как начальник колонны, трудился с одной мыслью: независимо от условий перехода необходимо сделать все, чтобы уберечь отряд от неоправданных потерь в пути, сохранить его боеспособность. «Убедите солдат на деле, что вы о них вне боя отечески заботливы, что в бою — сила, и для вас ничего не будет невозможного», — говорил Скобелев. Личный пример начальника, его требования к подготовке стали мерилom для всех офицеров и солдат отряда. По всей округе Скобелев разослал команды для закупки сапог, полушубков, фуфаек, продовольствия и фуража. В селах приобретались вьючные седла и вьюки. На пути следования отряда, в Топлеше, Скобелев создал базу с восьмидневным запасом продовольствия и большим количеством вьючных лошадей. И все это Скобелев осуществлял силами своего отряда, не упоая на помощь интендантства и товарищества, занимавшихся снабжением армии.

Время напряженных боев показало со всей очевидностью, что русская армия в качестве вооружения уступает турецкой, и поэтому Скобелев вооружил один батальон Углицкого полка ружьями, в большом количестве взятыми у турок. Для облегчения совершения перехода Скобелев во всем отряде заменил тяжелые ранцы на более легкие и удобные холщовые мешки. (На них уже после войны перешла вся русская армия). Над Скобелевым посмеивались, дескать, боевой генерал превратился в агента интендантства, и смешки еще более усилились, когда стало известно о приказе Скобелева иметь каждому солдату по полну сухих дров. Скобелев же продолжал говорить отряд. Как показали дальнейшие события, дрова очень пригодились. На привале солдаты быстро разжигали костры и отдыхали в тепле. За время перехода в отряде не было ни одного обмороженного. В других отрядах, особенно в левой колонне, по обморожению из строя выбыло большое количество солдат.

19 декабря Ф. Ф. Радецкий на совещании предписал начальникам колонн самый осторожный образ действий. Например, Скобелев получил задачу занять Имитли и там, укрепившись, оставаться впредь до приказа. В предписании Н. И. Святополк-Мирскому было столько подробностей, что

всякая его самостоятельность в действиях сводилась на нет. Мало того, после недельных колебаний, выступать или не выступать, Радецкий отдал дополнительные указания, которые окончательно сбивали с толку начальников колонн. Скобелеву этим предписывалось выступить вечером 25 декабря с целью занятия Шипки, а дальнейший смысл сводился к тому, чтобы он воздержался от выполнения этой задачи. Такие же расплывчатые распоряжения были отданы и Н. И. Святополк-Мирскому. Много позднее стало известно, что укрепленный лагерь турецких войск находился в деревне Шейново, а не на Шипке. Телеграфная связь имела только с левой колонной. С правой колонной связь предполагалось осуществлять посыльными. Установить сообщение между колоннами вообще не представлялось возможным. Эта несогласованность в действиях могла привести к тяжелой неудаче, так как турецкая армия под командованием Вессель-паши (тридцать пять тысяч человек) численно превосходила каждую из русских колонн в отдельности и могла разбить их в случае одновременности нападения. Вот в таких условиях предстояло действовать обеим колоннам.

«Генерал Скобелев лично осмотрел все части, советовался с начальниками частей, поговорил с офицерами, подбодрил солдат, пошутил с ними. Всюду кипела живая работа, настроение войск было бодрое. Заботливость, предусмотрительность начальника, отсутствие бесполокковой суетни, отмены раз отданных приказаний, отсутствие часто беспричинного разноса, хорошее расположение духа начальника и в этот раз, как и во всех других случаях, успокоительно действовали на войска и вселяли уверенность в исходе похода», — описывал итоги подготовки Скобелева начальник штаба Куропаткин.

Перед выступлением Скобелев отдал по отряду приказ: «Нам предстоит трудный подвиг, достойный испытанной славы русских знамен: сегодня мы начинаем переходить через Балканы с артиллерией, без дорог, пробивая себе путь, в виду у неприятеля, через глубокие снеговые сугробы. нас ожидает в горах турецкая армия... Не забывайте, братцы, что нам вверена честь отечества... Дело наше святое». В этом же приказе Скобелев обращался к болгарским дружинникам, входившим в состав отряда: «В сражениях в июле и в августе вы заслужили любовь и доверие ваших ратных товарищей — русских солдат. Пусть будет также и в предстоящих боях.

Вы сражаетесь за освобождение вашего отечества, за неприкосновенность родного очага, за честь и жизнь ваших матерей, сестер, жен — словом за все, что на земле есть ценного, святого».

Левая колонна Н. И. Святополк-Мирского выступила первой на рассвете 24 декабря. Оставив все орудия на подъеме из-за невозможности их перевоза, она относительно легко преодолела перевал.

Вечером 25 декабря начал движение авангард правой колонны, возглавляемый Скобелевым. За ним двинулись основные силы. Трудности перехода начались с первых шагов движения. Снег достигал глубины двух метров, и силами солдат удалось расчистить дорогу только до ширины, позволявшей отряду двигаться гуськом, а ведь через перевал предстояло провести большое количество повозок и артиллерию. Скобелев понимал всю сложность и опасность такого предприятия, однако не бросил орудия. Особен-

но опасным оказался участок пути длиной около трех километров по карнизу шириной не более двадцати пяти метров. Справа от карниза поднималась вверх отвесная скала, а слева круто обрывалась вниз глубокая пропасть. Подтаявшую снеговую поверхность сковало морозом в плотную корочку, которая не продавливалась ногой, а представляла скользкую поверхность. «Бездна тянула к себе, — вспоминал об этом переходе Вас. И. Немирович-Данченко, — голова кружилась, тошнило. Двое сорвались туда — и безвозвратно. Кое-где тропа эта идет наклонной плоскостью, тут — разве крылья ангелов могли удержать солдат». Когда же и это страшное место осталось позади, то встретилось новое препятствие — длинный двухсотметровый спуск с крутизной более 45 градусов, по которому надо было съезжать на природных салазках. О наличии крутого спуска и еще одной ветви дороги, более удобной для движения, Скобелеву было известно из рассказа болгарина Славейкова. Но, однако, Скобелев направил авангард в составе 2-й бригады 16-й дивизии с задачей взять Имитли по более сложному пути, так как подкупающая простота второго маршрута была коварной. Двигаясь по этой дороге, отряд стал бы отличной мишенью для турок, располагавших позиции у деревни Шипка.

Медленно продвигались по опасному маршруту. Скобелев был постоянно впереди. Когда разведка донесла, что противник обнаружил движение колонны, донеслось эхо выстрелов. Авангард завязал бой с турками у Имитли.

Скобелев произвел рекогносцировку, едва не стоившую ему жизни. Под ним была убита лошадь. Получил тяжелое ранение А. Н. Куропаткин. Стало ясно, что турки, занимая хорошо укрепленную позицию, вряд ли отдадут ее без боя. Скобелев нетерпеливо ожидал, когда соберется хотя бы половина отряда. Ограничившись обстрелом укреплений днем, он решил атаковать Имитли ночью.

Как только стемнело, на штурм турецкого лагеря выступил авангард под командованием Н. Г. Столетова. Бой был жесток, но внезапность ночной атаки и решительность атакующих сделали свое дело — к утру турки оставили деревню. Без передышки колонна продолжала путь.

Ущелья и долины наполнялись говором и шумом спускавшихся батальонов. Стали слышны слова команд, треск сучьев, и скоро среди надвигающейся темноты яркими факелами запылали костры.

— Здорово, братцы, — приветствовал солдат Скобелев, обходивший войска. — Устали?.. Ну да ничего, отдыхайте. Завтра еще поработаем вместе. — И так от костра к костру, везде расспросы, все ли у них есть: продукты, боеприпасы.

...Сложность маршрута, постоянные стычки с противником привели к тому, что расчетное время перехода Балкан оказалось нереальным. Скобелев понимал, что его отряд в полном составе не в состоянии принять участие в атаке Шейновского укрепленного лагеря, намеченной Ф. Ф. Радецким на 27 декабря, поэтому сообщил в донесении: «Сделаю все от меня зависящее, чтобы атаковать турок завтра к вечеру, но во всяком случае, и в котором бы часу ни было, если увижу атаку левой колонны, поддержу ее, какими бы малыми силами я ни располагал. Считал бы все-таки предпочтительнее

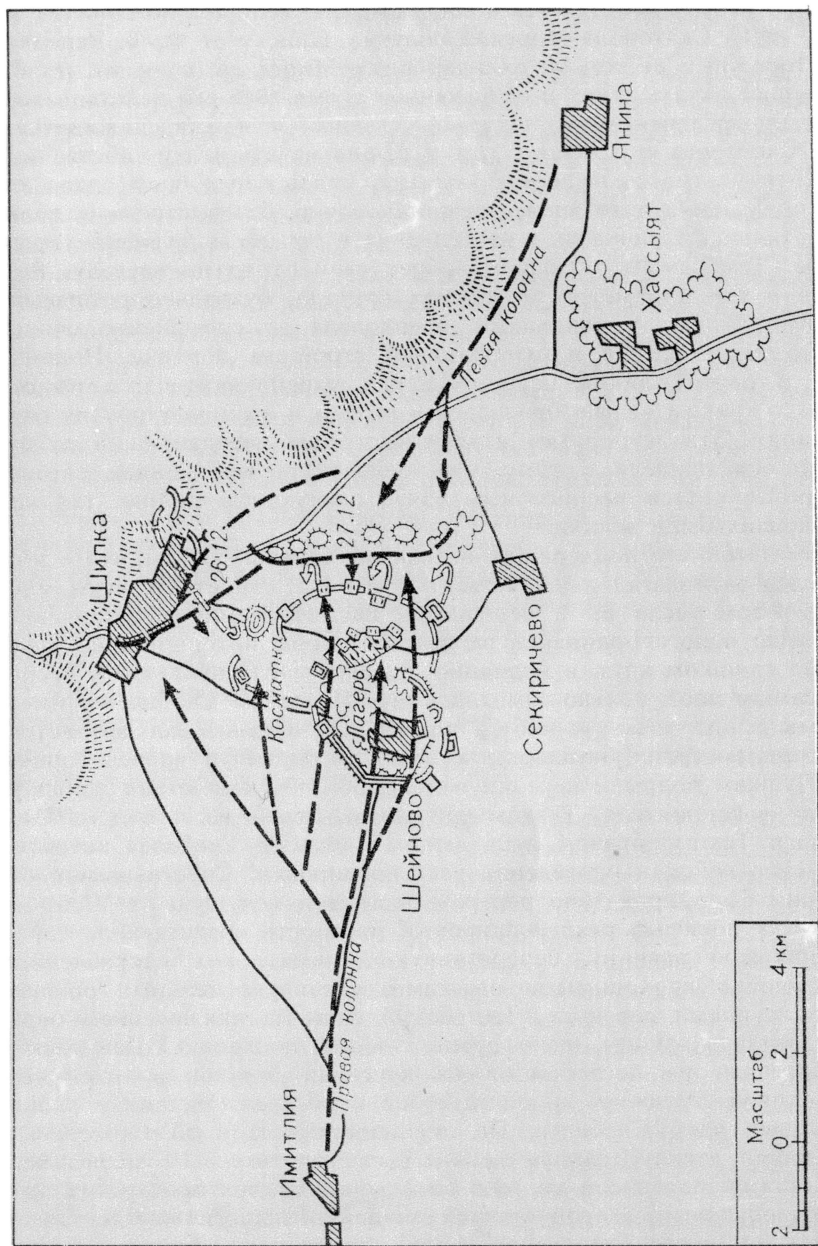

Схема. Бой у Шейнова. 27 декабря 1877 года

атаковать позже и буду действовать в этом смысле, если обстоятельства не переменятся». Н. И. Святополк-Мирский получил записку от Ф. Ф. Радецкого, однако осторожный ее тон не охладил пыла Мирского, и он во что бы то ни стало решил начать атаку в назначенное время. Все его действия возвращают к печальной памяти трех штурмов Плевны. Он не стал дожидаться, пока колонна Скобелева спустится с гор, и решил начать атаку собственными силами. Хотя местность не имела укрытия, князь перед боем отдал категорическое приказание идти вперед безостановочно, без выстрела и, сблизившись с противником, перейти в наступление в штыки и овладеть укреплениями турок. Тем самым он заранее обрек свой отряд на неудачу. Расстояние почти в три километра стрелковая бригада, буквально осыпаемая неприятельскими пулями и снарядами, преодолела по совершенно открытому месту, двигаясь вперед в блистательно стройном порядке. Подойдя без выстрела к первой линии неприятельских укреплений шагов на сто пятьдесят, она с криком «Ура!» бросилась в штыки и выбила турок из окопов первой линии. Эти «стройные» и «без выстрела» передвижения по открытому полю боя привели к тому, что, овладев первой линией окопов, отряд Мирского оказался неспособным взять следующую линию, так как потери наступавших были велики.

Необходимо было его поддержать, но какими силами? О том, что в этот момент Скобелев располагал лишь четвертью отряда, свидетельствуют многие очевидцы, в том числе В. В. Верещагин, Вас. И. Немирович-Данченко. Скобелев посылал одного ординарца за другим, чтобы поторопить со спуском, но он был слишком крут, и излишняя спешка могла привести к беспорядку и тем самым лишь только замедлить его. И все же Скобелев с имеющимися силами решил хоть как-нибудь помочь. Он организовал демонстративные действия, построил батальоны к атаке и выдвинул вперед горную артиллерию. Пушкам подрывли передки и добились, что они стали попадать прямо в середину неприятеля. Туркам пришлось отвлечь часть сил на Скобелевский отряд. Таким образом, весь день 27 декабря Скобелев потратил на сосредоточение войск и проведение рекогносцировки. Спустившимся отрядам кавалерии было приказано перерезать дорогу, ведущую от Шейнова к Казанлыку. Как показала рекогносцировка, местность представляла собой сплошную обширную равнину, перерезанную в нескольких направлениях неглубокими, удобно проходимыми оврагами, усеянную мелкими рощами и отдельными группами деревьев. Неглубокий снег, за исключением оврагов, где образовались заносы, мало препятствовал движению. Шейновские укрепления состояли из построенных на курганах редутов и отдельных между ними окопов, имеющих хороший обзор и обстрел. На них и решил направить главный удар Скобелев. По диспозиции, отданной Скобелевым вечером 27 декабря, атака Шейнова должна была начаться в 10 часов и вестись тремя линиями: передовой из трех батальонов и двух болгарских дружин с восемью орудиями, второй главной линией в аналогичном составе и общего резерва из шести батальонов. Если при третьем штурме Плевны проявились наметки такого глубоко эшелонированного построения боевого порядка, то под Шейновом оно приобрело более четкие формы. Общая глубина такого построения составила один километр. Этим же построением

в Скобелевском отряде окончательно утвердилась тактика стрелковых цепей.

Наступление и атака Шейнова по равнине, с ограниченным числом естественных укрытий от огня противника, успевшего за долгие месяцы расположения на месте хорошо укрепиться, могло легко привести к повторению неудачных плевненских боев. И надо отдать должное Скобелеву, что в Шейновском сражении он сделал еще один важный шаг в развитии способов ведения наступательного боя. Почти полное отсутствие артиллерии (одна горная батарея вряд ли могла соперничать с артиллерией противника) натолкнуло Скобелева на мысль подготовить наступление ружейным огнем. Первая линия наступающих батальонов имела на вооружении наиболее дальнобойные винтовки, в том числе и трофейные. Задача этих частей состояла в том, чтобы подавить огонь противника, для чего в переднюю линию были выдвинуты все восемь имевшихся в наличии пушек. Важная роль в бою отводилась кавалерии, которая действовала на флангах наступающих. В случае успешного развития боя кавалерийским частям ставилась задача выхода в тыл противнику с целью отрезать ему пути отхода.

Наступление правой колонны началось в 8 часов 28 декабря, раннее времени, намеченного диспозицией, чтобы воспользоваться туманом, снижавшим эффективность огня оборонявшихся. Основной удар Скобелев направил на правый фланг турецких укреплений, который атаковали два батальона и болгарские дружины, а вспомогательный — на левый: здесь действовал один батальон.

Когда расстояние до редутов сократилось до восьмисот — девятисот шагов, наступающие стали двигаться вперед перебежками (сто — сто пятьдесят шагов), которые позволили русской пехоте сблизиться с врагом при относительно небольших потерях.

Как было намечено в диспозиции Скобелевым, за пятьсот — шестьсот шагов от турецких позиций цепи остановились, залегли и открыли такой интенсивный огонь, что вскоре из редутов стали доноситься лишь разрозненные выстрелы. Воспользовавшись этим, русские батальоны и болгарские дружины ворвались в редуты. Турки пытались спастись в лесу. Вессель-паша, поняв, во что может превратиться этот прорыв, моментально бросил в атаку свой резерв, и под давлением превосходящего противника русские и болгары отступили. В этот момент Скобелев ввел в первую линию Углицкий полк, который с музыкой и распущенными знаменами двинулся вперед. В первой линии шел 1-й батальон, за ним 2-й и далее 3-й. Все батальоны на ходу перестроились в строй поротно в две линии, развернули все роты и разомкнули их. Вторая линия рот двигалась примерно в пятистах шагах от первой. С тысячи двухсот шагов движение началось перебежками. Командир Углицкого полка полковник Панютин так описывает порядок наступления полка: «Выдвинув 2-ю и 3-ю роты в направлении шейновских редутов разжиженным строем, я приказал им наступать вперед. За 2-ю и 3-ю ротами еще две и т. д. по две роты, приказав, чтобы задние роты подходили к передним скачками, а передние — скачком вперед. Таким порядком я был убежден, что турки не в состоянии будут установить точного при

цела по постоянно движущимся ротам. И выходило так, что задние роты вышибали передние».

На виду у Скобелева бушевало человеческое море, и в дыме, разрывах и выстрелах сражались, истекали кровью, но все-таки мыслили войны, обученные им. Даже когда в полосе наступления третьего батальона произошла заминка, то уверенность, что она будет непродолжительной и не расстроит планов, не покидала его. Так и произошло.

В этот критический момент поднялся барабанщик Углицкого полка. «Ваше благородие, — обратился он к Панютину, — что вы на них смотрите: пойдемте на редут. Пропадать, так по присяге. Тут все равно всех перестреляют!» И с этими словами он вылез, весь измаранный, из канавы и пошел вперед с барабанным боем. У такого начальника, как Панютин, реакция могла быть только одна — он взял у знаменосца знамя и понес вперед. Вдвоем они бросились на врага, а за ними и весь батальон. Турки, выбитые из редутов, еще упорно держались в домах деревни и в самом лагере. Укрепленный лагерь был не что иное, как деревня, где каждый плетень, заваленный землею, являлся бруствером траншеи, каждый дом — бастионом. Бой внутри лагеря разбился на отдельные схватки. Турки упорно защищали каждую улицу, каждый дом. Тогда Скобелев двинул в прорыв Казанский и два Донских казачьих полка. После этого удара положение турецкой армии стало безнадежным. Кавалерия отрезала ей все пути к отступлению. Сражение шло к закономерному финалу.

Ф. Ф. Радецкий, не имея связи ни с правой, ни с левой колоннами, и из-за тумана даже не видя их, предполагая, что дела у соседей плохи, решил перейти в наступление с фронта. Из-за слабой разведки подходов к турецкому укреплению, запиравшему спуск с перевала на юг, атаковать его пришлось по узкой дороге, представляющей собой нечто вроде желоба между скал. Естественно, о маневре силами рассчитывать не приходилось, и лобовая атака привела лишь к значительным потерям — тысяча пятьсот человек. Радецкий, отбиваясь от наседавших на него турок, вынужден был отойти. В это время прискакал один из его адъютантов с сообщением о капитуляции армии Вессель-паши.

Около 14 часов к Скобелеву привели пленного турецкого офицера, сообщившего, что Вессель-паша послал его договориться о предварительных условиях сдачи. Вскоре со стороны Шейнова прискакал казак.

— Ваше превосходительство! — обратился он к Скобелеву, — турки вывесили белый флаг!

Скобелев сел на лошадь и в окружении ординарцев выехал в Шейново. Везде груды убитых, у редутов русские, в траншеях, редутах и в лагере — турки. По дороге двигаются толпы пленных.

Когда Скобелев узнал, что таборов десять турок бежало, он сказал ординарцу: «Харонов! Стремглав сейчас же к Дохтурову... Слышите... Пусть кавалерия вдогонку... Чтобы ни один человек не ушел от меня... Поняли?» Дохтуров, командир казачьего полка, как ему и было предписано в диспозиции, перехватил отступающих на Казанлык турок и всем полком обрушился на них. В результате турки потеряли несколько сотен убитыми и шесть тысяч вынуждены были сдаться в плен.

В узких переулках Шейнова трудно было отыскать резиденцию Вессель-паши. Но вот показался небольшой холм, пестрящий красными фесками, на котором развевалось два белых флага. К Скобелеву подошел русский офицер и отдал саблю пленного паши. А где же он сам? От толпы в фесках отделилась небольшая группа. Впереди Вессель-паша, главнокомандующий Балканской армией, лицо мясистое, суровое, волосы с сильной проседью. Скобелев произнес несколько фраз о храбрости его войск, но ни одна морщина не разгладилась на лице паши. Он молча и злобно глядел на Скобелева и, наконец, еле слышно выдал фразу:

— Сегодня гибнет Турция, такова воля Аллаха! Мы сделали все!

— Вы дрались славно, браво... Такие противники делают честь. Они храбрые солдаты! — сказал Скобелев. Столетов перевел.

«А все-таки мерзавцы, что сдали такие позиции», — отметил Скобелев про себя.

Вокруг толпа пленных, раздавались возгласы: «Ак-паша! Ак-паша!»

— Что они говорят? — спросил Скобелев.

— Говорят, что их победили потому, что русскими командовал Ак-паша!

В это время со стороны Шипки донеслось эхо выстрелов: там шел жаркий бой.

Скобелев:

— Сдается ли Шипка?

Вессель-паша:

— Этого я не знаю.

Скобелев:

— Как не знаете? Да ведь вы главнокомандующий?

Вессель-паша:

— Да, я главнокомандующий, но не знаю, послушают ли они меня. Скобелев:

— А если так, то я сейчас же атакую Шипку. — И чтобы подтвердить угрозу делом, он приказал двинуть по направлению к перевалу резервную бригаду, Суздальский и Владимирский полки. Между турецкими офицерами произошло движение, они перебросились несколькими фразами.

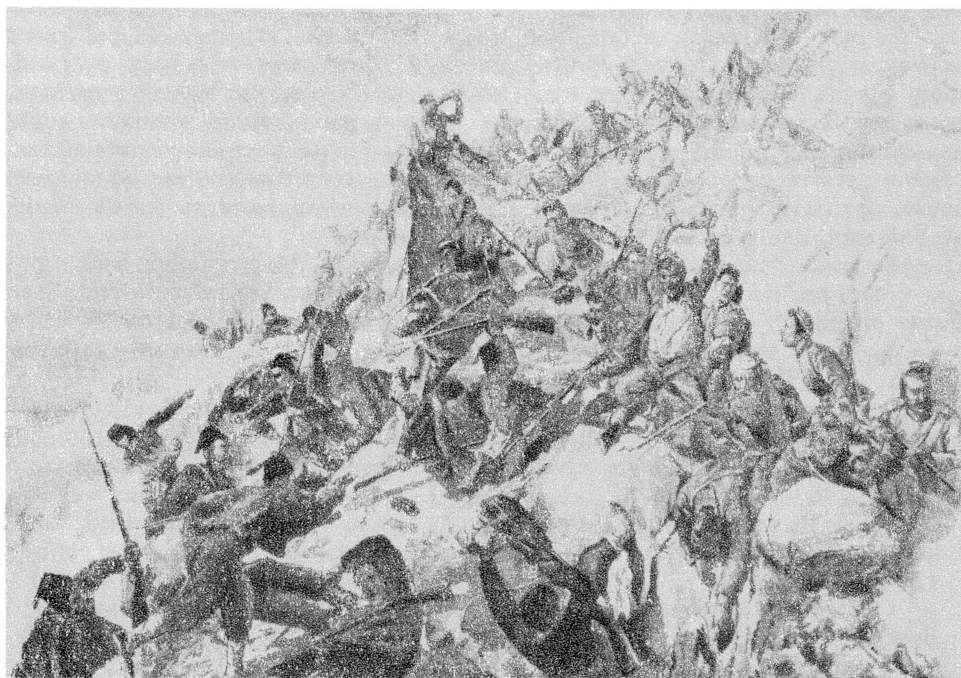
Вессель-паша:

— Постойте-постойте, я пошлю туда моего начальника штаба.

Вместе с генералом Н. Г. Столетовым начальник штаба армии Вессель-паши отправился на перевал... Двинулись по направлению к перевалу и войска, под музыку, на увеличенных дистанциях с тем, чтобы создавалось впечатление их огромной численности. Через несколько часов Скобелев получил сообщение о том, что и шипкинский отряд турок капитулировал.

Шейновское сражение закончилось блестящей победой русских войск. Перестала существовать еще одна из самых боеспособных турецких армий. Всего было взято в плен двадцать две тысячи человек, в том числе три паши и более семисот офицеров. Перед русскими войсками после этой победы открывался путь на Андрианонополь*, а затем на Стамбул.

* Андрианонополь — греческое название города Эдирне в Турции.

Героическая оборона Шипки

На следующий день после Шейновского боя Скобелев устроил смотр войскам. Длинные шеренги выстроились лицом к взятым редутам, сзади, словно сахарные глыбы, — Балканы. На равнине перед редутами следы вчерашнего сражения. На белом коне, сопровождаемый офицерами, Скобелев.

— Именем Отечества, именем государя, благодарю вас, братцы! — обратился он к победителям.

Грянуло такое громкое «Ура-а!», что казалось, эхо этого мощного крика способно донестись до Стамбула. Шапки полетели вверх. Нетрудно заметить, что Скобелев нарушил принятую форму обращения и на первый план поставил слово, которое в его приказах и письмах, лишенных пустозвонства и слащавой фразеологии, звучало с особой патриотической силой.

...Пока Скобелев воздействовал на Вессель-пашу, пытаясь заставить капитулировать шипкинский отряд, Н. И. Святополк-Мирский, не теряя времени даром, пользуясь услугами телеграфа, которого Скобелев был лишен, слал в главную квартиру донесения о своих успехах и, описывая их, выбирал самые цветастые обороты, не забывая упоминать свое имя.

Ну а теперь об одном эпизоде, рассказанном Скобелевым и записанном В. В. Верещагиным, но вычеркнутом цензурой из его книги.

«Говорят, что я нарочно дал туркам почти раздавить Мирского, что я нарочно не пошел в первый день, чтобы явиться после спасителем. Мирский интригует изо всех сил. Ведь он просто вор. Знаете, что он сделал? Он пришел в мой барак, когда меня не было дома, спросил у Курковского (денщика. — Б. К.) саблю Вессель-паши, которую тот сдал мне, и унес ее, чтобы представить Радецкому, — разве это не воровство? Ведь Вессель-паша передо мной положил оружие». Но что самое интересное — поначалу в победу Мирского многие поверили — сабля-то паши у него в руках. Ну и пошли награды. Ф. Ф. Радецкому, как прямому начальнику, высшее отличие Георгиевский крест III степени, Мирскому — крест того же достоинства. Сам победитель остался без ордена. Так порешили, что третья степень у него есть, а для второй он слишком молод. В чин генерал-адъютанта Скобелева тоже не произвели опять-таки из-за существенной причины — молодости. И все-таки Скобелева наградили. Наградили саблей с надписью «За храбрость» по пословице: «Бог троицу любит». Но так как до этого он был награжден шпагой и саблей за личное мужество, то, естественно, либо их приходилось возить с собой в обозе, либо носить все три на себе, что стесняло движение, да в общем-то и не было принято.

После победы под Шейновом Скобелев стал бельмом на глазу у многих. Главкомандующий, великий князь Николай Николаевич, посетив расположение войск под Шипкой, ни за что обласкал Ф. Ф. Радецкого, а Скобелева встретил более чем холодно и недружелюбно. «Солдаты, рассказывал В. В. Верещагин, — видимо, почувствовали невнимание, оказанное своему любимому начальнику, они встретили великого князя с таким малым проявлением энтузиазма, кричали «ура» так неохотно, что их холодный прием должен был броситься в глаза. Не знаю только, понял ли он, понял ли, что хоть не награда, а один сердечный поцелуй... герою — и солдатские шапки полетели бы вверх не по приказу, как это обыкновенно делается, а от восторга».

Кроме того, великий князь поощрял всякие сплетни, распространявшиеся о Скобелеве. «Ах, как мне эти интриги надоели, — говорил Скобелев. — А впрочем, бог с ними. Я не для крестов и отличий служу. Им меня не понять, и, разумеется, уж никак не их лаврам я завидую. Наши дороги различны». Скобелев был слишком впечатлителен, и часто ему казалось, что одолеть эту вражду окружающих просто невозможно. Легче умереть среди ада сражений.

...Отгремели раскаты Шейновского боя, но еще долго не утихали вокруг него страсти. Во-первых, одержана чистая победа, а во-вторых, как с военной, так и с политической точки зрения она расценивалась как важный шаг на пути общего разгрома Турции. Основу почетной победы составляли качественно новые формы борьбы на поле боя.

Думается, слова из приказа генерала И. В. Гурко, оценивающего героический переход своего отряда через Западные Балканы и захватившего 22 декабря столицу Болгарии Софию, можно отнести ко всем русским солдатам, принимающим участие в этой войне. «Пройдут года, и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: «здесь прошли

русские войска и воскресили славу Суворовских и Румянцевских чудо-богатырей!».

Закономерным следствием успешного завершения перехода, логическим его финалом стала капитуляция турецкой армии Вессель-паши. В ходе этих событий с новой силой проявился полководческий талант Скобелева. История военного искусства пополнилась новой яркой главой. Такой победой русского оружия можно гордиться.

А ведь задолго до свершенного русской армией Х. Мольтке писал: «Тот генерал, который вознамерится перейти через Троян, заранее заслуживает имя безрассудного, ибо достаточно двух батальонов, чтобы остановить наступление целого корпуса».

При переходе через Балканы, в Шейновском сражении, как и ранее на Шипке, высокие боевые качества продемонстрировали болгарские дружины. Прочно усвоив новые тактические приемы, болгары проявили героизм и беспримерную стойкость не меньше, чем русские солдаты.

Впечатление разорвавшейся бомбы произвел на Европу зимний переход русских войск через Балканы. Рассказывают, что когда наступила зима, Бисмарк сложил свою карту Балканского полуострова, по которой следил за ходом войны, и сказал, что до весны она ему не понадобится. Зимой, мол, наступление через Балканы невозможно. К такому же выводу пришло и правительство Австро-Венгрии, решившее до весны отложить вторжение в Боснию и Герцеговину. Английское правительство было в шоке. Когда после падения Плевны английский военный агент Уеллеслей, находившийся при главной квартире и кое-что пронюхавший о дальнейших планах русского командования, послал в Лондон телеграмму, в которой предупреждал о возможном переходе русской армии через Балканы еще зимой, английское военное министерство в сопроводительной записке, направленной вместе с телеграммой премьер-министру, сообщало, что полковник, очевидно, не знает того, о чем он говорит. Балканы никогда не были и не могут быть перейдены зимой.

Однако переход русской армии через Балканы стал свершившимся фактом, и развитие событий теперь зависело от скорости ее продвижения к Стамбулу.

НА СТАМБУЛ

Ипко-шейновское окружение целой полевой армии и успехи Западного отряда И. В. Гурко совершенно изменили соотношение сил на Балканском театре военных действий. Надежды Турции на вмешательство западно-европейских держав в ее пользу рухнули окончательно. Дальнейшая затяжка войны сулила туркам только поражения и полный развал армии. Отчетливо осознавая угрозу Турции, правительства западных государств, и в особенности Англии, пытались предотвратить это. Недаром председатель комитета министров граф П. А. Валуев отмечал тогда в своем дневнике, что «политический горизонт хмурится, несмотря на наши победы».

Как показали дальнейшие события, дипломатия Англии делалась все более агрессивной, и это в какой-то мере оказывало соответствующее влияние на правительство Турции. Чтобы хоть как-нибудь задержать продвижение русских войск и тем самым выиграть время на случай, если Англия решится открыто оказать помощь, турецкий военный министр Реуф-паша отправил главнокомандующему русской армией телеграмму, в которой сообщал, что турецкое правительство уполномочило Сулейман-пашу войти в отношения с русскими и начать переговоры о перемирии. Но быстрое продвижение войск к Стамбулу рассматривалось русской дипломатией как важный фактор для безоговорочного принятия условий мира, продиктованных Турцией. Поэтому на предложение о перемирии турки не получили ответа и были вынуждены перестроить свой план сдерживания наступления русских войск по рекам Марице и Тундже, где, опираясь на удобные для обороны пункты Филиппополь и Андрианополь, они могли надеяться их задержать на более или менее продолжительное время.

Не дать армии Сулейман-паши оторваться на большое расстояние и в кратчайший срок достичь Стамбула, а для этого организовать параллельное преследование несколькими отрядами: справа И. В. Гурко, в центре М. Д. Скобелева и И. С. Ганецкого, а слева Ф. Ф. Радецкого — такой план сложился у русского командования. Он имел все шансы на успех, так как опирался на большой численный перевес русских войск. К югу от Балкан действовала двухсоттысячная армия против восьмидесятипяти тысячной Сулейман-паши. Если в боях 1877 года русская армия продемонстрировала, что она умеет стойко обороняться и энергично наступать, то в начале января 1878 года она убедительно доказала, что с не меньшим успехом может преследовать противника в труднейших условиях зимней непогоды и распутицы.

Скобелеву ставилась задача совершить марш по маршруту Эски-Загра* — Андрианополь и предупредить прибытие туда армии Сулейман-паши. Выступление отряда намечалось на 3 января. В этот день Скобелев выслал вперед конницу для занятия железнодорожного узла Семенли — Тырново и моста через реку Марицу. Сулейман-паша начал совершать отход к Андрианоплю в ночь с 1 на 2 января. Его армии предстояло пройти сто восемьдесят километров. Авангард средней колонны под командованием Скобелева отделяло от Андрианополя расстояние в сто пятьдесят километров, на целый переход меньше. Таким образом, русские и турки имели примерно одинаковые шансы занять Андрианополь, и вопрос мог быть решен в чью-то пользу только быстротой и энергией движения сторон.

Если разговор зашел об энергии, то это качество преобладало у Скобелева. Многие окружавшие его в эти годы люди просто поражались неуемной жажде деятельности. Спокойствие утомляло Скобелева гораздо больше, чем самая неблагоприятная, черная работа. Он поражал всех своим оптимизмом даже в самых тягостных ситуациях, в которых порой находились войска.

Вот и теперь уставшим от трудного перехода через Балканы и напря-

* Эски-Загра — ныне город Стара Загора.

женного боя под Шейновом частям фактически без отдыха предстояло в очень короткий срок привести себя в порядок и в такой же короткий срок совершить марш. Понадобился весь организаторский талант Скобелева, чтобы за два дня подготовить отряд и выступить на день раньше срока, назначенного в приказе. Никогда еще не случалось пехоте совершать с такой быстротой переходы, которые едва ли под силу и кавалерии. Но если бы только личная воля и энергия Скобелева были основными движителями войск, то и тогда бы они не достигли такого успеха. Несомненно, решающая роль принадлежала умению и обученности войск. И именно результатом взрослого военного мастерства Скобелева и его подчиненных, их высокой военной выучки, ради которой Скобелев не щадил ни себя, ни их, стал стремительный, поистине суворовский темп продвижения отряда к Андрианополю.

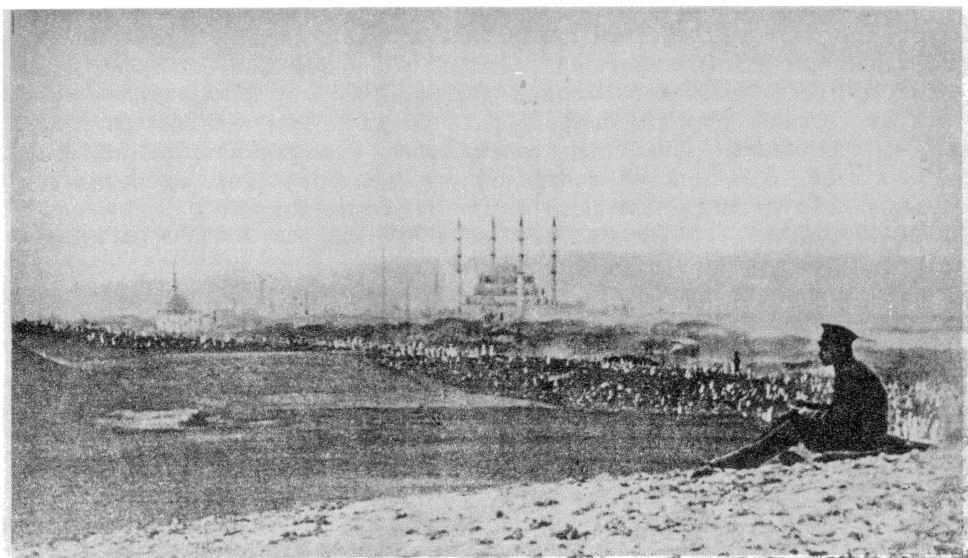
Дороги, ведущие к городу, были буквально забиты обозами и толпами турецкого населения, спровоцированного правительством Турции на поголовное бегство перед лицом якобы неизбежной гибели турок с приходом русских войск. Из-за бескормицы на дорогу падали обессилевшие животные, вдоль и поперек стояли брошенные повозки, на обочинах валялись трупы беженцев.

На протяжении всего пути войска Скобелева с боя брали турецкие позиции, мосты, железнодорожные станции, занимали населенные пункты. Кавалерийские отряды, стремившиеся как можно более детально разведать местность и противника, уходили далеко вперед, но колонны пехоты двигались с такой быстротой, что умудрялись догонять их и на привал располагались в одних и тех же местах.

Турки окончательно потеряли способность к сопротивлению. Тырновский мост на андрианопольской железной дороге был атакован всего лишь одним эскадроном, однако и этого оказалось достаточно, чтобы целый табор турецкой пехоты не выдержал и оставил позиции у моста. Такие же стремительные действия вели и остальные кавалерийские отряды, опережавшие отступавших турок, отрезавшие пути отхода, что породило панику среди турецких гарнизонов.

По колено в грязи, под холодным дождем, в насквозь промокших шинелях двигались солдаты. За сутки в таких условиях отряд проходил по пятьдесят километров. Люди выбивались из сил, но, видя, что командир впереди, делит с ними трудности перехода, мрачные, сосредоточенные, усталые шли и шли. Колонна Скобелева не имела отставших. Сказывались высокая взаимовыручка и взаимопомощь.

Когда до Андрианополя оставались считанные версты, разведка донесла о движении таборов египетского принца Гассана, командующего Южной армией турок. Узнав о поражении армии Сулейман-паши под Филиппополем, принц не осмелился выступить против всей русской армии, стремительно двигавшейся к городу. К тому же он совершал марш так медленно, что отряд Скобелева догнал его тылы и отрезал от основных сил. Был захвачен громадный обоз и около сотни верблюдов, которых Скобелев раздал по полкам. «И удивительные существа эти русские солдаты! — восклицал один из корреспондентов. — Способности ко всему изумительные: кажется,

Вид на город Андрианополь

посади их на шею хоть слону, любого корнака за пояс заткнут. Ну да и животные оказались препонятливыми и живо выучились излюбленным русским выражениям».

Авангард отряда Скобелева под командованием генерала Струкова 8 января занял Андрианополь, вторую столицу Турции, без боя. Видимо, действительно неудержимый в своем стремлении вперед Скобелев нагнал панического страха на турок, если они без выстрела бросили эти твердыни, которые могли сделаться для нашей армии посерьезнее Плевны. Русские войска значительно опередили армию Сулейман-паши.

Скобелев торжественно вступил в Андрианополь на следующий день. Болгарское и греческое население города восторженно встречало русские войска: радостные лица, ликующие возгласы. Жители забрасывали солдат цветами. Население Андрианополя поражалось порядку, который царил в отряде. Радость встречи, дни пребывания его в городе не были омрачены ни единым инцидентом, связанным с нанесением какой-либо обиды горожанам. Наоборот, солдаты с готовностью откликались на любую просьбу о помощи.

После непродолжительного отдыха отряд Скобелева выступил на Стамбул. Опять бешеный темп. 13 января авангард с боем взял Люлебургаз, а 17 января конница Струкова ворвалась в Чорлу, что в восьмидесяти километрах от столицы Турции. Этого было вполне достаточно, чтобы турецкое правительство запросило перемирия.

19 января состоялось его подписание в Андрианополе, куда переместил-

ся штаб Дунайской армии, после чего продвижение русских войск не остановилось, но военные действия прекратились. Ближе всех к Стамбулу оказался отряд Скобелева, занявший небольшой городок Сан-Стефано* и вышедший к берегам Эгейского моря в районе Деде-Агау в двенадцати километрах от столицы Турции. Вопрос брать Стамбул или нет был настолько серьезен, что вызвал множество разногласий. Главнокомандующий стоял за его взятие, большинство генералов его поддерживали. Скобелев был просто вне себя от медлительности в решении этого вопроса.

«Смею думать, — писал Скобелев великому князю, — что в настоящую минуту между нами и Константинополем нет серьезных преград... Это сознают наши враги... Заключаю: при большей энергии со стороны нашего посла господствующее влияние должно по силе вещей принадлежать России и весьма прискорбно, что столь могучий фактор, как присутствие в Андрианополе действующей армии и возможность... и теперь еще занять с бою столицу Турции, ...слишком мало принимается в расчет нашей дипломатией».

Но здесь в дело вмешались дипломаты. Враждебно настроенные по отношению к России великие державы Англия и Австро-Венгрия пытались оказать давление на Россию и поддержать Турцию. Англия подталкивала Австро-Венгрию к проведению мобилизации. Опасаясь захвата Стамбула, английское правительство послало к Дарданеллам флот, которому после непродолжительных колебаний султана разрешено было войти в Мраморное море. Одновременно с отправлением этой эскадры основные силы английского флота стали концентрироваться у острова Мальта.

Такая позиция Англии не сулила ничего хорошего России. Из морских далее подул ветер новой войны, для ведения которой не было ни средств, ни сил, настолько русско-турецкая война истощила как материальные, так и моральные возможности государства.

Небольшому, ничем не примечательному городку Сан-Стефано суждено было стать местом подписания договора. Доселе спокойная жизнь города была нарушена появлением в нем большого количества высокопоставленных чинов, как военных, так и гражданских. Следом за ними потянулись актеры и певицы с многоязычным репертуаром: в короткий срок Сан-Стефано превратился в маленький Париж.

Раздавались и такие куплеты с намеком на Скобелева:

Хочу спросить вас, белый генерал, не правда ли?
Что вы герой войны!

В ответ Скобелев сочинил шутовское четверостишие:

Мадам, я вам сказать обязан:
Я не герой, я не герой.
К тому же я любовью связан
Со всем с другой, совсем с другой.

* Сан-Стефано — ныне город Ешилькёй.

Но шумное веселье с трудом скрывало озабоченность. Отдых, которого столько ждали, был нервным, напряженным.

Как и многие, Скобелев не чувствовал морального удовлетворения от победы. Он прекрасно понимал, что остановка русских войск у стен Стамбула, затянувшийся период обсасывания дипломатами положений мирного договора не предвещают ничего хорошего России, а тем более Болгарии.

Против России складывался фронт враждебных государств, в основе деятельности которых лежала политика пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора. Обескровленная только что закончившейся войной Россия не могла вступить в новую войну с более серьезными противниками, чем Турция, и поэтому царь был вынужден согласиться с мнением Д. А. Милютина и Н. Н. Обручева о необходимости скорейшего заключения мира.

Наконец, 19 февраля 1878 года графом Н. П. Игнатьевым, русским послом в Стамбуле, был подписан мирный договор. Как и предполагал Скобелев, его положения не разрешали окончательно вопрос в таком духе, как этого хотели Россия и Болгария. Суть договора такова: Сербия, Черногория и Румыния признавались независимыми государствами. Босния и Герцеговина получали автономию. Болгария также становилась автономным княжеством, в состав которого входила Македония. По договору она обязывалась платить дань Турции. Россия получала триста десять миллионов рублей контрибуции. Тысяча сто миллионов рублей заменялись уступкой Турцией Тульчинского санджака, который Россия передавала Румынии, получая от нее взамен южную часть Бессарабии. На Кавказе к России присоединились крепости Ардаган, Карс, Батум и Баязет.

Несмотря на то, что договор в полной мере не оправдывал расчетов русского правительства и балканских народов, значение его велико. Особенно для Болгарии, которая после пятивекового турецкого господства становилась, правда, с ограничениями, самостоятельным государством. Однако, как показали дальнейшие события, даже в таком виде мирный договор вызвал гневную реакцию у Англии и Австрии. Ни одна из этих стран не желала допустить образования сильного славянского государства, каким могла стать Болгария. Не осталась в стороне в своем стремлении оторвать лакомый кусок и Германия.

ИТОГИ ВОЙНЫ

Русско-турецкая война стала суровой проверкой и серьезной школой для русской армии. На ее победном завершении в значительной степени сказались широкие по размаху организационные, технические и моральные изменения, произошедшие в вооруженных силах России в пореформенный период.

В боях и сражениях держала экзамен целая система взглядов на обучение войск, на управление ими, на способы и приемы ведения боевых действий и их боевого обеспечения. И в этом отношении русское военное искусство, несмотря на жестокое сопротивление со стороны отдельных консерваторов

в армии и в государственном аппарате, оказалось на голову выше не только турецкого, но и любой другой страны мира того времени.

Ни одна война XIX столетия не дала столь обильной пищи для размышлений многим военным деятелям различных государств, как война России с Турцией. По существу, она стала первой серьезной проверкой изменений, произошедших в техническом оснащении вооруженных сил многих государств.

Присущая русской армии наступательная стратегия и тактика проявились во всех своих преимуществах над оборонительной турецкой. Лучшие русские командиры Н. Н. Обручев, М. Д. Скобелев, М. И. Драгомиров, П. П. Карцов смело применяли новые приемы, шли на осуществление самого сложного маневра и добивались блестящих результатов. Стали классическими оригинальные по замыслам и осуществлению операции по форсированию мощной водной преграды — Дуная, перехода зимой труднопроходимых Балканских гор и энергичному параллельному преследованию разбитого противника.

Война предъявила значительные требования к одиночной подготовке солдата, к умению самостоятельно ориентироваться в сложной обстановке и быстро принимать решения. И с этой точки зрения она явилась замечательным примером победы «солдатской тактики». Впервые в практике наступательных действий применялись перебежки и рассыпной строй. Огонь артиллерии и винтовок поддерживал наступление. Позднее опыт русско-турецкой войны вошел во многие наставления и уставы. Не пренебрегали им и армии Запада. Примером этого может служить германский пехотный устав 1888 года, в значительной мере воплотивший в себе боевые достижения русских войск на полях сражений на Балканах.

Что же касается оценок русской армии, которые делали иностранные военные наблюдатели и корреспонденты как западных, так и русских газет, то суть их сводилась к тому, что армия выручила Россию, героем оказался все тот же народ, в силах и духе которого так часто сомневались, нигде не было трезвее, трудолюбивее и честнее армии. И такая оценка справедлива.

Война стала испытанием полководческой зрелости командного состава русской армии во всех его звеньях. Однако на конечном итоге сказались не умение высшего командования принимать целесообразные решения и управлять войсками, а частная инициатива и воинское мастерство среднего командного состава. Несмываемыми пятнами позора лежат на представителях высшего командования кровавые неудачи русской армии, напрасная гибель тысяч простых солдат. В этой среде с пренебрежением относились к изучению теории военного дела и не желали считаться с велением времени, а за чичливостью и высокомерием надежно скрывали глупость и ханжество. Все эти отрицательные качества облаченных властью вызывали гнев и возмущение прогрессивной общественности. Многие требовали изменений в руководстве армии, однако никто не был привлечен к ответственности, никто не впал в немилость, никто не услышал упрека.

В соперничестве с проявлениями крепостнических пережитков в русской армии завоевывали право на существование прогрессивные формы и методы управления войсками, приемы и способы ведения боевых действий. И наибо-

лее яркими представителями новой буржуазной школы были генералы Н. Н. Обручев, М. И. Драгомиров, П. П. Карцов, М. Д. Скобелев.

В развитии военного таланта Скобелева, как и в самой его личности, война сыграла важную роль. Из ее сражений он вышел сформировавшимся полководцем, добившимся признания своей деятельности не путем интриг или чьего-либо содействия, а лишь благодаря собственным заслугам. Скобелев стал видным военачальником потому, что он точно оценивал изменения, совершавшиеся не только в армии, но и внутри государства, и стремился совершенствовать способы руководства войсками с учетом новых условий войны.

От сражения к сражению росла уверенность Скобелева в себе. Он критически оценивал ход того или иного боя и в очередном исправлял явные ошибки. Конечно, влияние принципов ведения боевых действий Наполеона заметно сказывалось, но они так и не стали догмой. Например, Скобелев стремился добиться реального соотношения сил между наступающим и обороняющимся и настаивал, чтобы это соотношение было с преимуществом не менее как в два раза, чтобы войска вводились в бой планомерно, сохранив для решающего момента боеспособность. Но если эти положения вошли в военные учебники, то высказывание Скобелева «На войне нравственный элемент относится к физическому, как 3:1» осталось во многом не реализованным.

...На войне между частями, даже не имеющими соприкосновения, существует незримая связь. И когда Скобелев шел в атаку на Ловчу, а затем на Ловченский редут, он чувствовал, что на него обращены взоры не только его непосредственного начальства, но и всей армии, сосредоточенной под Плевной. Взяв на себя ответственность за успех, он добыл столь необходимую победу и тем самым позволил воспрянуть духом многотысячному войску.

В следующих боях на Зеленых горах и при третьем штурме Плевны Скобелев очень точно оценил обстановку и даже нарушил диспозицию, избрав собственное направление атаки. Такая продуманная инициатива послужила взятию городских редутов. Ограниченный в этом бою в маневре, он наглядно продемонстрировал под Шейновом желание сблизиться с противником с наименьшими потерями, ввел его в заблуждение ложным ударом.

В длительных оборонительных боях Скобелев умело намечал линию обороны, добивался скрытности в расположении артиллерии, доводил инженерные сооружения до совершенства, обеспечивающего необходимые удобства солдатам и офицерам.

Когда Скобелев и Драгомиров рассуждали перед началом кампании о месте начальника в бою, то сошлись на том, что каждый командир должен выбирать место, которое позволяет иметь полную информацию о ходе сражения и с которого без риска для собственной жизни он может руководить им. Но уже в самом начале войны и тому и другому пришлось пренебречь этими правилами и вести за собой войска, ставя свою жизнь рядом с солдатской. Правильно это или не правильно, рассудило время. Но на этом этапе и Скобелев и Драгомиров, хотя и в высоких чинах, были всего лишь исполнителями. Стоило же Скобелеву оказаться в роли начальника и начать выполнять самостоятельные задачи, такие, как оборона обширного участка под Плевной или Шейновское сражение, никто в первых рядах генерала не видел.

Хотя, по его собственным словам, ему стоило большого труда сдерживать себя.

В отдаче приказаний Скобелев был точен, стремился к тому, чтобы его мысль стала понятной всем, поскольку исправление той или иной ошибки в бою чревато напрасной гибелью людей. По оценке военного теоретика А. Зайончковского, Скобелев привил войскам свои взгляды и приучил действовать по-своему.

Уж чего не мог терпеть Скобелев, так это одергивающего окрика: «Не рассуждать!» Сам он не раз, сидя у костра, слушал солдатские рассуждения и откликался на них такими словами: «Верьте мне, ребята, как я вам верю».

Заслуга Скобелева состояла в том, что все свои планы он строил на осмысленном выполнении воинского долга, на доскональном знании изумительных боевых качеств русского солдата.

Требовать в бою от подчиненных возможного, а порой и невозможного, сообразовывать свои требования с моральным и физическим состоянием людей, мысленно охватывать динамику сражения, быстро реагировать на любое изменение обстановки, внушать войскам уверенность в победе, не колебаться ни минуты самому и не останавливаться ни перед какими преградами для достижения поставленной цели — вот те качества, которые в полной мере раскрылись в Скобелеве. Остается только сожалеть, что произошло это лишь в конце войны и не по его вине.

Но даже если бы Скобелев не проявил себя в войне как полководец, то его личный героизм и отвага, яркие примеры полной самоотдачи позволили, без всяких сомнений, заслужить репутацию героя. Там, где шли жаркие бои, где приходилось преодолевать невероятные трудности, где существовала необходимость повести за собой, — был Скобелев. С его появлением силы любого отряда, маленького или большого, словно увеличивались. Результат такого активного вмешательства в сражения нетрудно предугадать. Победы Суворова долгое время относили на счет случайности, везения. Аналогичное произошло и со Скобелевым. Но воевавшие с ним рядом по-другому смотрели на успехи, в которых не было места авантюризму, необдуманности, где каждым поступком руководили расчет и вера в победу.

Неординарность Скобелева, заслуги в войне создали ему заслуженный авторитет не только в русской армии, но и у военных всей Европы. Как отмечали тогда многие газеты, в русской армии появился полководец, заявивший о себе как достойный продолжатель русских национальных традиций в военном искусстве.

Иностранные корреспонденты, знакомя широкие круги общественности своих стран с личностью русского военачальника, ставили его имя рядом с именами Наполеона, Веллингтона, Гранта, Мольтке и других.

В России популярность Скобелева росла с каждым новым его успехом и не только благодаря прессе. Раненые солдаты и офицеры, служившие со Скобелевым, отправляясь в Россию, передавали из уст в уста рассказы о нем, содержавшие наряду с правдой элементы типично русского былинного творчества. Народная молва о генерале-богатыре ширилась, и русский народ чувствовал глубокое удовлетворение в том, что, наконец, и среди военных появился талант, которыми ранее славилась земля русская.

А что же думал о войне сам генерал? Один из первых исследователей деятельности М. Д. Скобелева Д. Д. Кашкаров считал, что Скобелев любил войну, как специалист любит свое дело, был поэтом и энтузиастом войны. С его легкой руки эти слова прочно отложились в памяти многих людей, которым не пришлось воевать бок о бок со Скобелевым. И уж конечно им вовсе была неизвестна одна из записей Скобелева, относящаяся еще к 1875 году: «Избегать поэзии на войне». Уже в более позднее время Скобелев сделал такое заключение: «Война извинительна, когда я защищаю себя и своих... Подло и постыдно начинать войну так себе... Черными пятнами на королях и императорах лежат войны, предпринятые из честолюбия, из хищничества, из династических интересов». Кто-то из генералов однажды заметил по поводу больших потерь под Плевной: «Лес рубят — щепки летят». Скобелев взорвался: «Конечно, раз начав войну, нечего уже толковать о гуманности... Но для меня в каждой этой щепке человеческая жизнь с ее страданиями и земными заботами». Война — это кровавое представление, где спектакли со многими действующими лицами — сражения, где в качестве режиссеров выступают полководцы, как в искусстве, и талантливые, и не обладающие этим даром. Сражениям в режиссуре Скобелева неизменно сопутствовала удача и лишь потому, что полководец, прежде чем стать таковым, выступал в качестве простого исполнителя на второстепенных ролях.

Редко на долю одного человека выпадает столько невзгод, сколько пришлось пережить Скобелеву за девять месяцев войны. Прошедшему хорошую школу в Туркестане, заслуженному генералу пришлось испытать чувства искренней дружбы людей, непосредственных участников его боевых дел, и терпеливо выносить интриги и ненависть тех, кто видел в нем угрозу бездеятельной, спокойной и безынициативной жизни. В сложившейся обстановке поражает высочайшая требовательность Скобелева к самому себе, стремление доказать правоту своих взглядов настойчивым трудом. Современники оставили нам рассказы о его удивительной работоспособности: в дни сражений он не ложился спать сутками, его богатырское здоровье выдерживало, казалось, самые невероятные нагрузки.

При самом огромном личном вкладе в успех того или иного сражения Скобелев никогда не стремился к возвеличиванию своих заслуг и поэтому очень негодовал, когда кто-нибудь из корреспондентов приписывал все успехи только ему одному. Он требовал, чтобы действия всех участников сражений получали реальную оценку.

Так как за войну полагались отличия, то зачастую менее сделавший для победы не упускал возможности приписать себе больше заслуг и каким-либо ненавязчивым способом превратить незаметную фигуру в личность, один жест или слово которой изменяли ход сражения. Таких деятелей «от бумажных побед» в русско-турецкой войне было предостаточно, и поэтому на фоне самовоспевающих донесений заметно выделяются реляции Скобелева, считавшего своим долгом показать заслуги своих подчиненных.

Щедрый на награды и отличия, Скобелев в то же время с редкой решительностью взыскивал с тех, от нерадения которых страдало общее дело и особенно, если это касалось выполнения боевой задачи. Во время Третьей

Плевны две роты одного из полков дрогнули и начали отступление. Оба ротных командира лишились должностей.

Ни к чему не относился Скобелев с таким вниманием, как к подготовке офицерского состава. Требуя от офицеров знаний, храбрости, исполнительности и инициативы, он стремился развивать в них эти качества. Уже командуя таким крупным соединением, как корпус, Скобелеву приходилось часто сталкиваться с людьми, пытавшимися завоевать его доверие и расположить к себе, клеветая на своих товарищей. Скобелев, считавший, что ничто так не подрывает доверие к начальнику у подчиненных и не убивает в них энергию и усердие, как то, что мнение начальника складывается не из личной оценки, а по слухам, с презрением относился к таким офицерам и говорил: «Я их слушаю поневоле, ушей не заткнешь, но в уме своем в графе против их фамилий ставлю аттестацию «подлец и дурак». Подлец потому, что клеветает про других и, главное, про своих товарищей, дурак потому, что передает мне это, точно у меня самого нет глаз во лбу, точно я не могу отличить порядочного человека от негодяя».

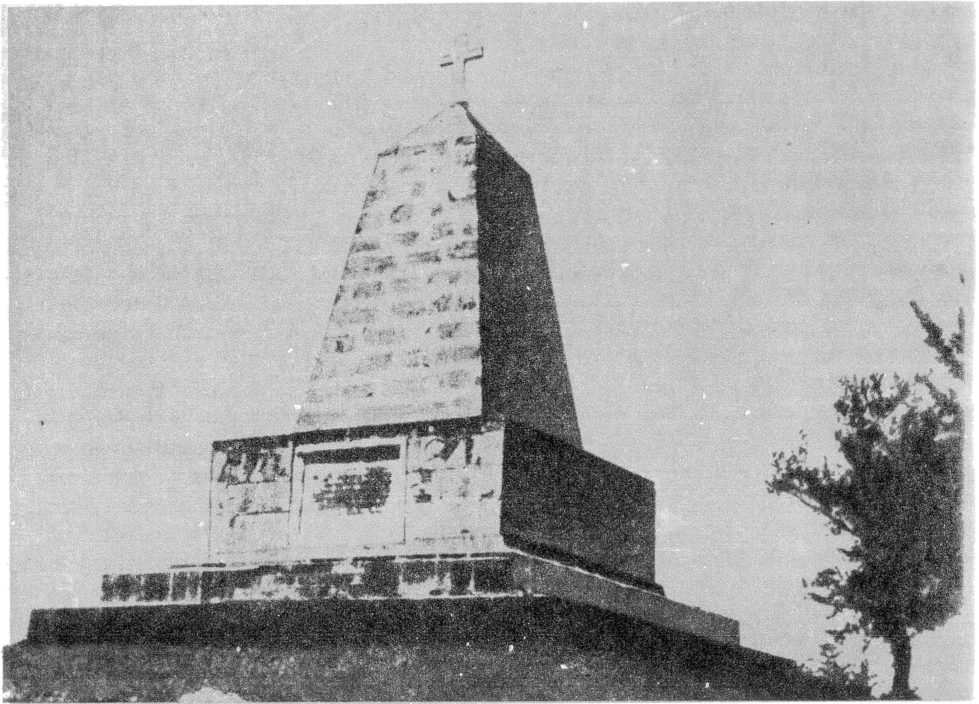
В кровавых сражениях характер Скобелева не ожесточился, не очерствел. Он стремился, чтобы его подчиненные умели взять свои слова обратно, когда в них звучал несправедливый упрек или грубость. Сам он был готов извиниться за замечание, за обиду, нанесенную в пылу раздражения. Такие факты, конечно, не часто встречаются в какой бы то ни было армии.

Скобелев серьезно опасался, что с прекращением военных действий исчезнет войсковая память, боевое куначество, уважение друг к другу. «То, что приобретено кровью, не должно быть растрчено» — так звучал в устах Скобелева призыв к сохранению боевого братства. И когда он узнал, что на банкете владимирцев первым прозвучал тост за ратных товарищей 30-й пехотной дивизии, был глубоко тронут.

Вот еще один штрих к портрету «белого генерала». В пору русско-турецкой войны Скобелеву было тридцать четыре года. К людям в таком возрасте, носившим штатское платье, в России обращались со словами «молодой человек». И он вел себя с горячностью, свойственной молодости. Врывался в самую гущу сражения, где его присутствие, по меркам воинского устава, не столь необходимо. К солдатам — молодецкое слово, клич и при этом театральный жест и картинная поза на великолепном белом коне! Впечатляюще не только для своих, но и для врагов. Он играл на воображении и тех и других, и притом что совсем рядом коса смерти делала очередной взмах.

Идя в бой одетым с иголки, с сильным запахом дорогих французских духов, присылаемых матерью из Петербурга, он хладнокровно отдавал распоряжения, проделывал под губительным огнем ружейные приемы, вдохновляя дрогнувшую роту. Но тем более кажутся необъяснимыми страх и волнение Скобелева перед строевыми смотрами, на которых присутствовало высшее командование. В. В. Верещагин, с улыбкой наблюдая за приготовлением Скобелева к Шейновскому смотру, сказал: «Да как же не смеяться: генерал, перед которым турецкая армия положила оружие, как школьник, заучивает разные слова, приемы, уловки...»

Но тот же «школьник», гордый сознанием собственного превосходства, зло и остро высмеивал инертных и мнительных генералов, начинавших свою

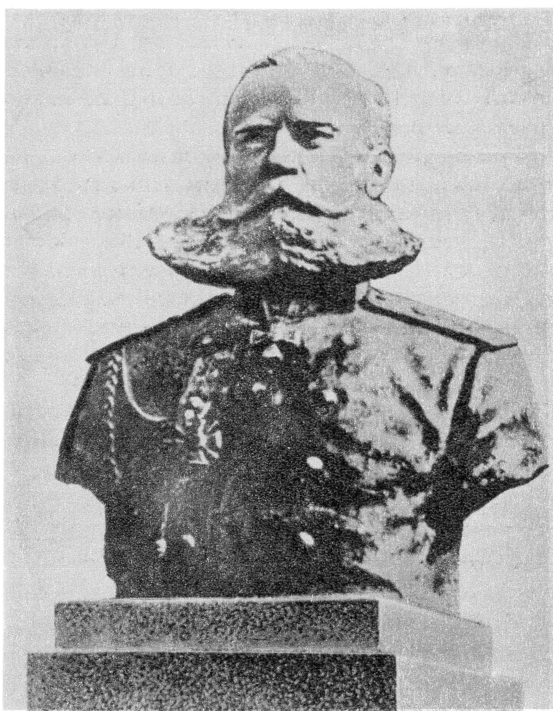

Памятник на братской могиле русских воинов в городе Ловече

военную карьеру при Николае I, прибегая к историческим параллелям, заимствуя сарказм у Эзопа и Лафонтена, нисколько не заботясь о последствиях. Окруженный сонмом корреспондентов, он поражал глубиной знаний, прибегая то к фразеологии романтизма, то резко переходя в мрачную двусмысленную область мистицизма и вызывая у современников невольное недоумение своим необычайным суеверием. Скобелев делил дни на «счастливые» и «несчастливые», такими же в его представлении были и встречи с людьми и кошками, малейшие заминки при ходьбе, сидение за столом в компании числом в «чертову дюжину».

Но все это исчезало, когда речь заходила о службе, об уважении к личности солдата. И совсем не казались театральными слезы Скобелева на панихиде по погибшим на Зеленых горах. Искренностью и трагедией веет от его слов: «Полководец должен испытывать укор совести, ведя на убой людей». Для него сведения об убитых и раненых — неперенные подробности даже самых блестящих реляций — несли бессонные ночи, глубокие внутренние мучения и христианское покаяние.

...Сотни памятников русским воинам-освободителям воздвигнуты на болгарской земле, множество музеев содержат замечательные экспонаты.

*Бюст М. Д. Скобелеву в парке Плевны.
Скульптор А. Спасов*

бережно хранимые как память о героическом времени. В Плевне, губернатором которой в годы войны был Скобелев, в центре города на большой площади сооружен храм-мавзолей. На мраморной плите при входе высечена эпитафия: «Они, богатыри необъятной русской земли, вдохновленные братскими чувствами к поработанному болгарскому народу, перешли великую реку Дунай, ступили на болгарскую землю, разбили полчища врага, разгромили турецкую тиранию и разорвали цепи пятивекового рабства. Они напоили своей богатырской кровью болгарские нивы, молодецкими костями устлали поля сражений... Они отдали самое дорогое — жизнь за высшее благо болгарского народа, за его свободу».

Болгарский народ свято чтит память о мужественных сыновьях России. И память, и уважение народа к своим освободителям настолько сильны, что даже гитлеровцы во времена своего господства не решились тронуть эти святыни из-за боязни вызвать гнев и возмущение всей Болгарии.

Когда советские войска в сентябре 1944 года пришли в Болгарию, чтобы освободить братский народ от фашистского нашествия, им был оказан

восторженный прием, и они увидели, насколько бережно относятся болгары к памятникам, воздвигнутым в честь их дедов. Советские солдаты приумножили боевую славу русской армии, принесшей освобождение болгарскому народу от турецкого ига. И на этой многострадальной земле встали памятники воинам Советской Армии.

Чувство глубокой признательности болгарского народа очень точно выразил выдающийся сын Болгарии Георгий Димитров, прибывший в Москву 15 марта 1948 года во главе болгарской делегации для подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и НРБ: «Вступая на дорожную московскую землю, первым нашим словом мы хотели выразить глубочайшую признательность и безграничную благодарность народам Советского Союза, прежде всего великому русскому народу за то, что они два раза освободили Болгарию от чужеземного ига. В первый раз — от пятивекового рабства, во второй раз — от немецко-фашистской кабалы».

После долгого перерыва возрожден национальный праздник освобождения Болгарии от турецкого ига. 3 марта к многочисленным памятникам русским воинам болгарский народ приносит живые цветы. В этот же день в Москве возлагаются цветы к подножию памятника героям Плевны. Спаянная кровью дружба двух братских народов выдержала более чем вековую проверку, стала еще более прочной и служит ярким примером искренности и доброжелательности в отношениях между государствами.

ВОЙНА ВЫИГРАНА — КТО ПОБЕДИТЕЛЬ?

В начале апреля главнокомандующий великий князь пригласил Скобелева отправиться в составе его свиты с визитом к султану. Из бесед со многими дипломатами, спешившими познакомиться со Скобелевым, ему стало ясно, что за многочисленными недомолвками и лъстивыми улыбками скрывается стремление представить дело таким образом, чтобы у «госпожи Европы» на период с 12 апреля 1877 года по сей день случился провал в памяти. Никакой, мол, войны не было, не было ни сражений, ни убитых, ни раненых, а раз ничего не было, то пусть все остается на своих местах.

Поэтому и султан оказал русской делегации самый любезный прием. Но за этой любезностью явно просматривалось желание умалить значение победы России. Произошла просто небольшая ссора, которая теперь позади. Даже такой тугодум, как Николай Николаевич, понял, что готовится заговор.

Скобелев после возвращения из поездки был немало удивлен и обрадован. Царь утвердил его назначение на должность командира 4-го корпуса. Справедливость восторжествовала, правда, с опозданием. Уже тогда многие выражали мысль, что если бы Скобелев в самом начале войны занимал эту должность, то, возможно, русская армия избежала бы многих тягостных неудач.

Штаб корпуса находился в селении св. Георгия, а сам корпус распола-

гался в окрестностях города, в лагерях. Первый день командования — смотр устройства лагерей. Война кончилась, а следовательно, должны кончиться и муки солдатские. Но где там! Без трудностей, создаваемых бездушным отношением к солдатам, видно, нельзя. Начальники дивизий, командиры полков, за исключением 16-й дивизии, по-прежнему далеки были от заботы о солдате и проводили большую часть времени в кутежах. Жизнь соединений шла самотеком. Каких-либо занятий с войсками не проводилось. Тиф, словно тысячерукий жнец, косил сотни солдатских жизней. Не хватало врачей, госпиталей.

«Неугомонный генерал» скакал из лазарета в лазарет, поднимал на ноги весь медицинский персонал, драл три шкуры с начальников, не проявлявших заботу о солдате. В результате — «один скобелевский отряд не давал ничего госпиталям...»

Скобелев дал почувствовать, что и в мирной жизни для него мелочей не существует. Со всей строгостью он взыскивал за кутежи, карточные игры, привлекая командиров к устройству лагерей. Возобновились занятия по боевой подготовке. И следует отметить, что дисциплина в корпусе возросла, а благодаря принятым мерам значительно снизилась смертность от болезней. По всей округе партии собирали продовольствие, белье. В Одессу был снаряжен пароход за обмундированием, причем к казенным деньгам Скобелев присовокупил и свои.

...Еще в самом начале войны Александр II обратился с воззванием к болгарскому народу, в котором следующим образом определялись планы русского правительства в отношении устройства послевоенной Болгарии. «По мере того, как русские войска будут продвигаться во внутрь страны, турецкие власти будут заменены правильным управлением. К деятельному участию в нем будет немедленно призваны местные жители под высшим руководством установленной для сего власти, а новые болгарские дружины послужат ядром местной болгарской силы, предназначенной к охранению всеобщего порядка и безопасности». Что же подразумевалось под «правильным управлением»?

При главнокомандующем русской армией действовало специальное гражданское управление, которое формировало административные органы в освобожденных районах. Новая местная администрация состояла почти целиком из болгар, представительство русских было минимальным, но именно они заняли в ней руководящие посты. Действия гражданского управления по устройству мирной жизни страны отличались крайней медлительностью и бюрократизмом, вызывая немало нареканий со стороны передовой общественности России и Болгарии. Однако, несмотря на это, Болгария постепенно вставала на путь ликвидации устоев феодализма и прочного установления национальной самостоятельности.

Но если вопросы обновления жизни Придунайской Болгарии решались в общем успешно, то внутреннее устройство забалканской территории рисовалось неясно.

...Столица Турции жила сложной жизнью, наполненной неведением. Русские войска стояли в десятке километров от Стамбула, и с холмов, на

которых располагались позиции, хорошо просматривались золоченые месяцы минаретов Софийской мечети, лес мачт в бухте Золотого Рога, серебристая гладь Босфора, на которой, лениво попыхивая трубами, стояли английские военные суда, прикрывая вход в город.

«Найдись какие-нибудь пять с лишним часов времени у Скобелева, этих пугал и следа не было бы», — отмечал В. В. Яшерев. Но даже такого мизерного отрезка времени Скобелеву не дали, как не дали его войскам возможности пройти церемониальным маршем по улицам Стамбула. И все же Скобелев в город попал. Странно было видеть генерала в штатской одежде, но приказ требовалось выполнять — русским офицерам запрещалось посещать столицу Турции в военной форме. Он поселился в английской гостинице, и вскоре его комната стала местом жарких споров о дальнейшем развитии событий.

В один из труднейших моментов, в котором оказалась русская дипломатия, Скобелев сохранил трезвый взгляд на вещи. Он считал, что лондонский кабинет консерваторов, которым руководит антирусская направленность, по всей вероятности, скоро рухнет и господствующее влияние, относительно решений Порты, должно было по силе вещей принадлежать России. Он сожалеал, что присутствие в Андрианополе действующей армии и возможности в любой момент занять столицу Турции слишком мало принимается в расчет русской дипломатией.

Это отношение Скобелева было очевидным даже для солдат, которые говорили: «Он, как кот округ мышеловки, у этого самого Константинополя ходит. То лапкой его пощупает, то так потрется».

Тотлебен, назначенный главнокомандующим русской армией, боялся одного. «Проснусь, — говорил он, — и узнаю, что Скобелев залез в Константинополь вместе со своим отрядом».

Это, как говорится, то, что могло бы случиться. А вот что произошло на самом деле.

Уходили в прошлое события русско-турецкой войны. Вот уже несколько месяцев как замолчали пушки. Военные обсуждали правильность или неправильность принятых решений. Им проще: они практики, они сделали свое дело. Но до подведения политических итогов еще было очень далеко. Усилиями дипломатов Англии, Австро-Венгрии, Германии и Турции плелась паутина заговоров, направленных против России. В таких условиях царское правительство дало вынужденное согласие на участие в созванном по инициативе Бисмарка Берлинском конгрессе. Называвший себя «честным маклером», канцлер немало преуспел в своей деятельности по ведению переговоров таким образом, чтобы они, во-первых, свели на нет все завоевания России в выигранной войне, во-вторых, закончились бы частичным разделом Турции.

В течение месяца канцлер А. М. Горчаков в одиночестве, в буквальном смысле слова, сражался за столом переговоров, но без успеха. По подписанному 1 июля 1878 года трактату Россия, завоевавшая кровью многих воинов победу, на сей раз потерпела хотя и бескровное, но серьезное дипломатическое поражение.

В. В. Яшеров вспоминал об этих днях: «Жаль, что не было из этой горницы (где располагался штаб Скобелева. — Б. К.) связи с залой, где заседал Берлинский конгресс, и Россия не знала, о чем прямо судил и рядил ее герой, работа мысли которого едва ли была не ценнее его храбрости».

Решением Берлинского конгресса срок пребывания русских войск на территории Болгарии ограничивался девятью месяцами.

Что же касается Англии и Австро-Венгрии, то эти две державы потом, пролитым за столом переговоров главами своих делегаций Б. Биконсфильдом и Д. Андраши (в Берлине стояло жаркое лето), «завоевали»: первая — остров Кипр, вторая — Боснию и Герцеговину. И только условия Сан-Стефанского мирного договора о признании независимости Сербии, Черногории и Румынии в Берлине не претерпели изменений.

Берлинский конгресс поставил точку в последнем предложении еще одной главы русской и европейской истории. Но как показали дальнейшие события, точка получилась расплывчатой: итоги русско-турецкой войны и Восточный вопрос еще долго продолжали оставаться в центре внимания европейских народов.

Русско-турецкая война закончилась убедительной победой России. Около двухсот тысяч русских солдат отдали свои жизни за свободу Болгарии. В этой войне Россия победила не только численностью своей армии и уж вовсе не превосходством ее технической оснащённости над противником. Война была выиграна благодаря беспримерному героизму русских воинов и сражавшихся с ними в едином строю болгарских ополченцев, румынских, сербских и черногорских солдат. Несмотря на то, что Россия и балканские народы в результате антиславянской направленности политики Англии, Австро-Венгрии и Германии не получили того, на что они имели законное право, результаты русско-турецкой войны привели к значительным изменениям на Балканском полуострове, дали толчок освободительной борьбе народов, продолжавших оставаться под игом Турции.

Война с наглядной очевидностью продемонстрировала, на кого могли положиться славянские народы в своем стремлении к независимости. Она подтвердила общность их интересов с русским народом. Значение победы особенно велико было для свободолюбивого народа Болгарии. Страна фактически становилась самостоятельным государством, ее зависимость от Турции носила чисто формальный характер и выражалась в выплате ежегодной дани. Освобожденная русскими войсками она вступила на путь новой жизни. Скинув лохмотья феодального рабства, Болгария в самом начале этого пути выступила на европейской арене как передовое государство с прогрессивным устройством и демократической конституцией.

Когда возник вопрос, кому доверить управление Болгарией, то среди нескольких кандидатур Александру II более всех пришлось по душе кандидатура Александра Баттенберга.

Россия выдвинула его на болгарский престол, и 17 апреля 1879 года Тырновское великое народное собрание единогласно избрала Баттенберга князем. 23 июня он получил фирман от турецкого султана на княжество, а ровно через три дня первый после многовекового перерыва правитель Болгарии дал присягу на верность болгарской Конституции. Одним из главных

вопросов, которые сразу же пришлось решать, был вопрос организации армии, которая сумела бы защитить завоеванную в трудной борьбе независимость. И в этом деле молодому государству Россия оказала бескорыстную помощь.

Скобелев же, как всегда, не мог сидеть без дела. «Казалось, он собирается быть турецким министром, — писал Вас. И. Немирович-Данченко, — до того точны и обстоятельны были его сведения».

О министерском портфеле Скобелев тогда еще не задумывался, а вот выполнять миссию, довольно-таки схожую с высшим административным постом, пришлось.

В Восточной Румелии (Южной Болгарии), оставшейся турецкой провинцией, запрещалось иметь регулярное войско. Тогда как в Северной Болгарии официально вводилась всеобщая воинская повинность и создавалось земское войско в составе двадцати семи пехотных дружин, четырех сотен кавалерии, шести полевых батарей, одной роты осадной артиллерии, двух саперных рот. В нем изъявили желание остаться служить добровольно триста сорок четыре русских офицера и две тысячи семьсот солдат.

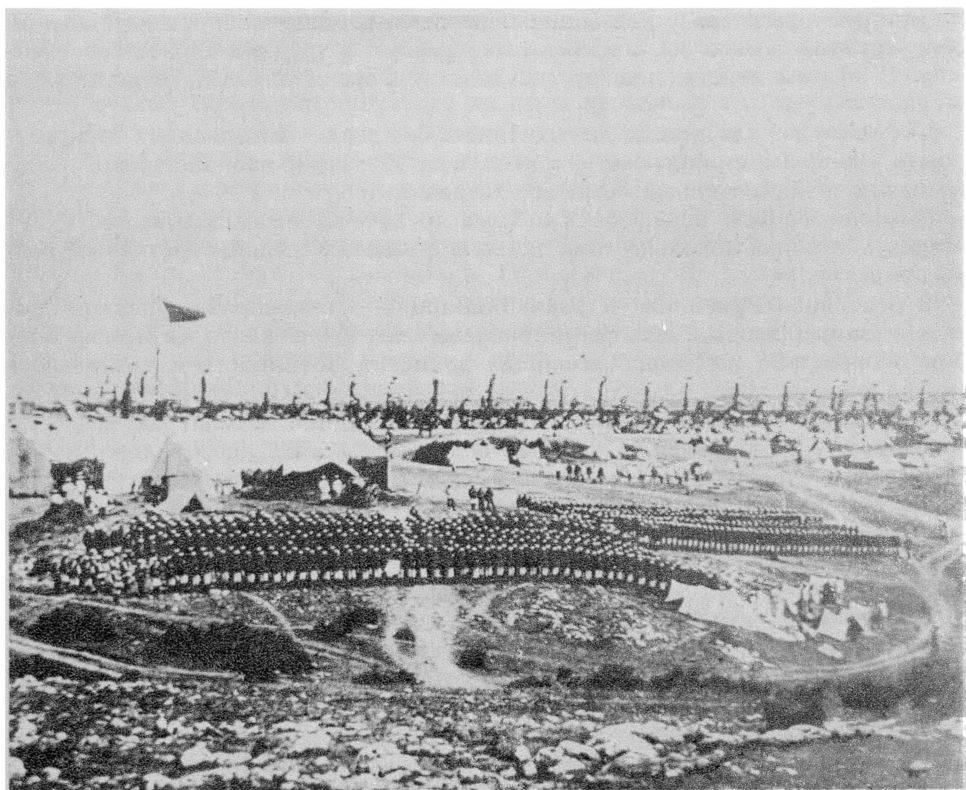
Таким образом, южные болгары оказывались как бы отрезанными от своих северных соотечественников. Однако освобожденный народ уже успел вдохнуть полной грудью свободы.

Но любой шаг русского правительства по оказанию вооруженной помощи Южной Болгарии могли расценить как вмешательство во внутренние дела Турции и потому приходилось полагаться на частную инициативу русских военачальников. «Вы там совсем растерялись в Петербурге, — писал Скобелев Вас. И. Немировичу-Данченко, — до того запутались, что и разобраться не можете, а мы тут не теряем времени и замазываем брешу, пробитые Берлинским конгрессом. Если мы и оставляем Болгарию расчлененной, то зато оставляем в болгарях такое глубокое сознание своего родства... что все эти господа скоро восчувствуют, сколь их усилия были недостаточны. А вдобавок к тому оставим мы... еще тысяч тридцать хорошо обученных войск. Эти к оружию привычны и научат при случае остальных».

До начала войны болгары были не только бесправны, но и платили подушную дань, военную подать, за овец, свиней, с виноградника, за виноград, вино, табак, за соль, за билет или паспорт, отчисляли гроши священнику, школьному учителю, старшине, должны были кормить турецких чиновников, бравших с них налоги за дороги и даже за сено.

«От забитости и бесправия — к самостоятельности и самозащите» — такой девиз выдвинул Скобелев, сформировавший идею создания военизированных гимнастических обществ. В кругу близких Скобелев не раз говорил: «Мой символ краток: любовь к Отечеству, наука и славянство. На этих китах мы построим такую политическую силу, что нам не будут страшны ни враги, ни друзья! И нечего думать о брюхе, ради этих великих целей принесем все жертвы».

Внешне его деятельность была не такой яркой, как в жестоких боях, однако во многом выиграло дело, которому отныне решил посвятить жизнь, считая его родным русским делом. В подготовку болгар к самозащите Скобелев, без преувеличения можно сказать, вложил всю свою душу.

Праздник Казанского полка Скобелевской дивизии

Был создан «Устав гимнастического дружества», цель которого определялась так: «Развитие и усовершенствование физических и нравственных сил человека и подготовка учителей гимнастики и стрельбы для дружеств и школ». Суть положений Устава показалась абсолютно безопасной официальному Стамбулу (к слову сказать, в тот период Турция не в состоянии была двинуть к Балканам ни одного табора). Ободранные и голодные остатки некогда многочисленных армий бродили по долине, нападая на жилища и грабя мирных жителей. Румелийское войско, которым предводительствовал ненавистный болгарам Виталис, ставленник Турции, не в состоянии было обеспечить в крае порядок.

А вот как отзывался о гимнастических обществах, словно по электрической цепочке создававшихся в селах одно за другим, Скобелев: «Несомненная настоящая сила страны — гимнастические дружества, от сближения с которыми правительства и будет зависеть установление порядка». Как истинный патриот, Скобелев сознавал в себе способность и мощь вдохновить це-

лый народ и вдохновил его. Он предполагал, что в результате этой деятельности появится восемьдесят тысяч вооруженных людей.

По донесению турецкого агента «в один прекрасный день» все население Южной Болгарии обзавелось ружьями с патронами. Пошли разговоры, что они куплены у русского правительства. Дипломаты, наезжавшие в болгарские села, пытались доказать, что ружья эти не заслужили хорошей репутации. На это они получали ответ: «Но ведь русские с ними дошли до Константинополя».

Осталось неизвестно, по каким признакам судил агент о дне, когда болгарские села, деревни стали на глазах превращаться в укрепленные лагеря, где дено и ночью несли стражу караулы, где шла напряженная боевая учеба, в которой никому не делалось послабления.

Русским офицерам, занимавшимся подготовкой дружин, Скобелев объяснял, что необходимо соединить жителей селений в отдельные сотни для успешного обучения и что главное внимание при этом должно обращать на правила строя и прицельную стрельбу.

Слова Скобелева: «Если нужно, отдайте жен, детей, именье, но берегите ружья» — стали всеобщим девизом. Селяне содержали оружие в идеальном порядке, которому могли позавидовать отдельные кадровые части. Случаи, когда кто-нибудь отказывался от занятий, длившихся по два часа утром и вечером, были редки. Даже привилегированное купечество, страшась чувствительных наказаний, установленных начальниками из болгар, не грешило пропусками занятий.

Один раз в неделю дружина сводилась воедино для совместных учений. Особенно болгары были усердны в окопных учениях. Раскрывшаяся в них природная сметка превратила селения в неприступные крепости.

В дни, когда шли занятия, села пустели, их покидали даже женщины, шедшие любоваться рыцарством мужчин. Осталось описание одного из учений: «Он (Скобелев. — Б. К.) сажал своих солдат за валы в траншеи и редуты и по несколько дней производил с болгарами маневры, приучал их брать такие укрепления, потом он сажал туда болгар и, командуя ими, приказывал русским солдатам нападать, а сам с болгарями отбивался от них».

30 августа 1878 года Скобелев был произведен в генерал-адъютанты. Радостное известие было омрачено случаем, который впоследствии привел к событиям загадочным и трагическим.

Из шпаги с надписью «За храбрость», которой был награжден Скобелев, оказались вынуты пять самых крупных бриллиантов. Генерал вспылил. Он мог простить все, даже трусость, но подлость и воровство расценивались им как самые нижайшие человеческие качества. К ним он был непримирим. Штаб генерала отличался честностью. Но и в такой дружной семье не обошлось без уroda. Вором оказался его ординарец Николай Узатис. Пожалев молодого поручика и надеясь на его исправление, Скобелев в тот же день отчислил его в полк. Мог ли предположить тогда Скобелев, что через несколько лет от руки Узатиса падет на болгарской земле его мать Ольга Николаевна, и вновь деньги станут едва ли не главным поводом для убийства.

...Истек срок пребывания русских войск на территории Болгарии, установленный Берлинским договором. Русское командование приступило к подготовке эвакуации армии. Было и радостно, и тревожно. Впереди — встреча с родиной. Покидать же Болгарию, которая за полтора года стала близкой и понятной русскому сердцу, народ, с которым пройдены сотни кровавых верст войны, было тягостно. Основную массу войск было решено перевезти морем, но для этого требовалось согласие Турции на пропуск русских судов в Босфор, однако и здесь в дело вмешались англичане, которые приняли нажим на султана с тем, чтобы не допустить входа, хотя и малочисленной, русской эскадры в пролив. «Я боюсь равно России и Англии, — говорил султан Абдул-Гамид великому князю Николаю Николаевичу, — воевать более не в силах». Э. И. Тотлебен, назначенный главнокомандующим русской армией вместо великого князя, ознакомившись с обстановкой, убедился в сложности положения и отдал распоряжение о начале вывода войск с территории Болгарии. Это было достаточно трудно осуществить: только морские перевозки заняли почти год. На родной земле торжественно встречали войска, возвратившиеся с Балкан.

На них — цветы и папиросы
Летят из окон всех домов
Да, дело трудное их — свято!
Смотри: у каждого солдата
На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках...

(А. Блок)

Вместе со всеми русскими войсками возвратился в Россию и корпус, которым командовал Скобелев. Дивизии его расположились в нескольких белорусских городах, а штаб — в Минске. Скобелев не собирался жить на проценты от своей славы и поэтому с первых послевоенных дней приступил к обобщению опыта войны и совершенствованию выучки войск.

Признанием заслуг Скобелева стало его избрание почетным гражданином города.

В Минске Скобелев отдал приказ, немало шокировавший родственников и вызвавший злоязычную реакцию в верхах. Все свое жалованье корпусного командира он повелел «отчислить в особую запасную сумму, которая будет расходоваться нуждающимся чинам корпуса ...чтобы просящим пособие никогда отказа не было». Однако он не ограничился и этим. Вот пример. Увидев плачущего солдата, теребившего в руках лист бумаги, спросил:

— Что реवेशь?.. Срам!..

Солдат вытянулся во фронт.

— Ну, чего ты? Что случилось такое?

Солдат мнется.

— Говори, не бойся.

Это было письмо из дому... Нужда в семье, корова пала, недоимки одолели, неурожай, голод...

— Ты бы и говорил, а не плакал. Ты грамотный?

— Точно так-с...

— Вот тебе пятьдесят рублей, пошли сегодня же домой. Да квитанцию принести ко мне...

Со всех концов России шли к Скобелеву просьбы о помощи, и ни одна из них не оставалась без внимания. Но не проходило дня, чтобы его тревожная память не возвращалась к войне, к Сан-Стефано и, конечно, к Берлинскому конгрессу. Скобелев разделял мнение русской общественности, причислявшей к одному из главных виновников сложившегося положения Германию.

Примечателен по этому поводу разговор между Ольгой Николаевной и ординарцем Скобелева Дукмасовым.

Дукмасов: «А правда ли, Ольга Николаевна, что Михаил Дмитриевич еще ребенком терпеть не мог немцев?».

Ольга Николаевна: «Да, это правда. Немцев он действительно не любил...»

В зрелом же возрасте Скобелев был еще более категоричен в этом вопросе.

Антинемецкие настроения Скобелева не мог не учитывать Александр II. В его правление немцы занимали видные места в государственном аппарате и особенно в армии. И потому совсем неожиданными для Александра II оказались сведения о подготовке Германией войны на два фронта, одним из которых была, без сомнения, Россия. Так родственные царствующим дома уже в то время стал точить червь разногласий. Зная о настоятельных требованиях Скобелева изучать противника не тогда, когда загремят пушки и польется кровь, а сейчас, царь предложил ему поездку в Германию, чтобы ознакомиться с состоянием ее вооруженных сил.

Но Скобелев, прежде чем отправиться в Берлин, зашел в книжный магазин М. О. Вольфа и унес с собой большую стопку книг о Германии. Его интересовали взгляды на войну и военное искусство немецких военных теоретиков Мольтке и Шлиффена. То, что первый из них проповедовал теорию вечности войн и относил очередное столкновение между государствами к «божественному явлению», для Скобелева секрета не составляло. Известны ему были и такие «открытия» Мольтке: «Перед тактической победой смолкают требования стратегии и она вновь приспосабливается к вновь создавшемуся положению вещей». Но все это не шло ни в какое сравнение с выводом, что «элементы, угрожающие миру, заключены в самих народах...» Вот реальная основа для развязывания любой войны, а уж какой ей быть Скобелев нашел у Шлиффена. В его творениях часто встречались слова «молниеносная победа», «сокрушительный удар»...

Без сомнения, в трудах немецких теоретиков явно просматривался авантюризм, но то, что Скобелев увидел на традиционных осенних маневрах немецкой армии, скорее можно было отнести к практичности и агрессивной целенаправленности пруссаков. О них его слова, прозвучавшие в разговоре с французской издательницей Ж. Адам: «...Я был очарован и испуган не столько военной силой Пруссии... сколько настойчивостью и систематичностью, с которой там готовятся к вероятной войне с нами...»

С первых шагов по немецкой земле Скобелев ощутил не только неприязнь

к себе, но и пренебрежительное отношение к России. Без сомнения, кайзеру Вильгельму было известно мнение Скобелева о послевоенном разделе Балкан. Без особой шепетильности кайзер сказал ему: «Вы проэкзаменовали меня до моих внутренностей. Вы видели два корпуса, но скажите Его Величеству, что все пятнадцать сумеют в случае надобности исполнить свой долг так же хорошо, как и эти два». Еще более фамильярно держался со Скобелевым принц Фридрих Карл: «Любезный друг, делайте, что хотите, Австрия должна занять Солоники».

В Германии Скобелев наглядно убедился, насколько быстро немцы переняли новое в тактике, появившееся на полях русско-турецкой войны, его поразила оснащенность немецкой армии самым современным вооружением, он стал свидетелем быстрых темпов роста военного производства в стране. На основании всего увиденного он сделал вывод об агрессивных помыслах Германии и уезжал в мрачном настроении и с горьким сознанием того, что быть России битой, если не принять неотложных мер, в числе которых он предлагал совершенствование, улучшение качества стрелкового и артиллерийского вооружения, равно как и развитие кавалерии. В своем подробном отчете, представленном в военное министерство, он дал реальную оценку сильным и слабым сторонам немецкой армии, высказал данные предложения, однако все они оказались преданными забвению. Николай Николаевич, снискавший славу победителя турок и опекавший военное министерство, называл Скобелева выскочкой и использовал всю полноту своей власти для того, чтобы его предложения остались без внимания.

И все-таки без Скобелева официальный Петербург обойтись не мог. Никто не знал Среднюю Азию лучше него и никто иной не мог разрубить гордиев узел неудач русских войск, прочно завязанный на берегах Каспия.

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Занятие побережья Красноводского залива и установление протектората над Хивой и Бухарой привело к усилению влияния России на значительной территории Туркмении. С этим Англия не хотела мириться и стремилась всеми способами помешать его распространению на остальную территорию. В одном из своих писем Скобелев писал: «Близкое будущее докажет нам, я полагаю, что Англия предпримет в этом направлении (завоевание господства в Туркестане. — Б. К.) ряд попыток и усилий, носящих вначале исключительно промышленный и торговый характер, но которые вызовутся впоследствии в могущественную, угрожающую нашим границам наступательную силу». Предыстория событий на восточном берегу Каспия такова. В ноябре 1878 года Англия начала военные действия против Афганистана. Россия, хотя и сохраняла нейтралитет в этой войне, воспользовалась ею для организации из Красноводска военной экспедиции в Ахал-Текинский оазис.

Еще задолго до этой экспедиции большинство туркмен добровольно при-

няли русское подданство. Однако самое большое из туркменских племен — текинцы, руководимые верхушкой, получавшей военную помощь от Англии, оказало вооруженное сопротивление России. Феодалам удалось повести за собой подвластное им население.

Стоит сказать, что даже хорошо оснащенные персидские войска никогда не осмеливались вступить в серьезную войну с текинцами, и можно понять радость пограничных правителей, когда в столкновении с какой-нибудь шайкой удавалось захватить несколько пленных и доставить их в Тегеран.

В 1879 году трехтысячный отряд генерала Ломакина подошел к стенам крепости Геок-Тепе и начал ее штурм, но, понеся большие потери, был вынужден отступить. Известие о неудаче русских войск было встречено в Лондоне с восторгом. Английские власти в Индии и Афганистане получили депеши об усилении антирусской деятельности в Туркестане.

Поражение русских войск под Геок-Тепе могло иметь серьезные последствия, и поэтому, выступая на государственном совете, Д. А. Милютин сказал, что без занятия этой позиции Кавказ и Туркестан будут разъединены, ибо остающийся между ними промежуток уже и теперь является театром английских военных происков, в будущем же может дать доступ английскому влиянию непосредственно к берегам Каспийского моря. Организацию новой экспедиции поручили Скобелеву.

Для этого он был вызван в Петербург. Александр II беседовал со Скобелевым, прохаживаясь по залу, взяв его под руку, называл голубчиком, говорил о том, что надобно постараться, что после неудачи весь мир смотрит на него. В заключение беседы посоветовал ему не спешить, назвал сумму в сорок миллионов рублей на затраты и определил срок завершения экспедиции в четыре года. Когда прощался, спросил:

Есть ли какие просьбы?

На это Скобелев ответил:

— Прошу, Ваше Величество, об одном, чтобы в отряде моем не было корреспондентов.

Просьба Александру II показалась странной, он развел руками:

Ну что ж, пусть будет так.

Скобелев пришел с приема в свою петербургскую квартиру на Моховой и сразу же сел изучать имеющиеся сведения о предыдущей экспедиции. На следующий день его квартира превратилась в штаб. Выясняли причины неудачи, делали выводы, и в скором времени стало ясно, что и в Туркестане заведомо пренебрежительное отношение к противнику и упование на его слабость привело к столь плачевному результату. Характерной чертой Скобелева была доскональная подготовка к самому малому делу, и не потому, что он пытался усложнить простое, а потому, что чувство ответственности у него никогда не уступало места расчету на авось, неоднократно апробированному многими генералами, в том числе и его предшественником генералом Ломакиным.

«В нем все было наизнанку, наоборот бюрократической мертвенности, — вспоминал современник. — Он не мог слышать формализма без дела, без разума, без нужды... Вы могли у него спать и ничего не делать сколько угодно — лишь бы дело у вас от этого сна и бездействия не страдало».

Адмирал С. О. Макаров. Портрет 1900 года

Ознакомившись подробно с материалами, Скобелев пришел к выводу, что неудача экспедиции кроется в слабом материальном оснащении и в отсутствии должного снабжения. Представленный Скобелевым расчет был всеобъемлющ, а подбор помощников говорил о том, что он умеет ориентироваться в массе военных и знает истинную цену каждому.

Так, на должность начальника штаба он выбрал полковника Н. И. Гродекова, обладавшего замечательным трудолюбием, высокой штабной культурой и обширными знаниями по географии, этнографии, истории Туркестана, жизни и быта ее народов, участника многих экспедиций и автора целого ряда научных трудов.

Если большинство вопросов, связанных с экспедицией, решалось в общем положительно, то вопрос перевозки грузов по морю таил в себе много неясного, так как оставалась вакантная кандидатура на пост начальника морской части экспедиции. В памяти Скобелева возникли картины переправы через Дунай.

Тогда, в июне, о моряках, сражавшихся на Дунае, ходили легенды, и довольно часто говорили о герое по фамилии Макаров. К слову сказать, поки-

дал Болгарию Скобелев на судне, как ему показалось, непонятного типа, каким оказался пассажирский пароход «Великий князь Константин», оборудованный для ведения боевых действий на море. Ему понравились распорядительность и энергия капитана с Георгиевским крестом в петлице кителя. Капитан представился: «Макаров».

И вот теперь, когда решался вопрос о том, кому поручить такой сложный участок, как осуществление морских перевозок, Скобелев решил предложить С. О. Макарову пост начальника морской части экспедиции. Будущий выдающийся флотоводец, не колеблясь, дал согласие.

От Красноводска отряду Скобелева предстояло преодолеть около пятисот верст по сыпучим пустынным пескам до Ашхабада. Дорог не существовало. И тогда Скобелев выдвинул идею строительства железной дороги, за которую с жадностью ухватились подрядчики, но узнав о том, что контроль за отпущенными средствами будет осуществлять сам Скобелев, с поразительной быстротой отказались. Скобелев из прошлого опыта знал, что привлечение дельцов не ускорит пуск дороги, а наоборот, жажда наживы создаст дополнительные трудности в ее строительстве. и потому решил действовать самостоятельно.

«С прибытием Скобелева в Закаспийский край, — вспоминал участник экспедиции Чанцев, — все закипело иной жизнью, все пришло в движение, на всем стала видна мысль, цель, сознательная работа. Генерал вставал в 4 часа утра, являлся со своими адъютантами на кухни, когда ротные котлы только что начинали ставить на огонь, проверял сам мясо, крупу, пробовал хлеб, ночью неожиданно являлся в госпиталь, осматривал сторожевую службу».

В самом начале экспедиции Скобелев выдвинул формулу: «Верблюды, верблюды и еще раз верблюды». Да, без этих «кораблей пустыни» невозможно было рассчитывать на успех в походе. Посланные во все концы отряды добыли необходимое количество животных. В семитысячном отряде к началу похода насчитывалось около шести тысяч верблюдов. По распоряжению Скобелева на пути до крепости Геок-Тепе создавались промежуточные укрепления и склады. Солдаты железнодорожного батальона и вольнонаемные рабочие строили полотно невиданными для того времени темпами — одна с четвертью верста в день, прокладывались телеграфные линии. Вместе с русскими войсками в пустыню шла цивилизация.

В степной дикости красиво и быстро, яркими звездочками мигали географические зеркала, непрерывно передавая азбукой Морзе предписания и сообщения о ходе дел и донесения Скобелева в Россию.

Тщательная подготовка и обеспечение регулярного подвоза продовольствия и боеприпасов позволили отряду Скобелева к январю 1881 года приблизиться к Геок-Тепе. На все его предложения о прекращении войны текинцы отвечали отказом. Неприятель нападал на караваны, нарушал связь, совершал вылазки. 11 января Скобелев отдал распоряжение на штурм и утром 12 возглавил его. Текинцы сражались с фанатичным упорством. Несмотря на их огромное количественное преимущество (за стенами крепости укрылось около двадцати шести тысяч человек, по другим сведениям — сорок пять тысяч че-

ловек), регулярные войска, обладавшие значительным военно-техническим превосходством, овладели крепостью.

На удивление ожидавших расправы туркмен, грозный Ак-паша, или, как по непонятной причине называли Скобелева, Гез-каглы (кровавые глаза), приказал русским солдатам собрать раненых, и русские врачи приступили к их перевязке и лечению. Но особенно поразило текинцев объявление о передаче городу продовольствия.

Как всякий русский человек, Скобелев исключал мысль о человеконенавистничестве.

— Из рабов мы стараемся сделать людей, — говорил генерал. — Это важнее всех наших побед.

Скобелев обладал очень важной чертой — уважением к народу, к его нравам и обычаям.

Скобелев запрещал брать с народа взятки и самовольные поборы. Виноватых в этом приказывал казнить. Не допускал войска до насилия. Требовал делать все возможное для населения.

14 января 1881 года указом императора Скобелев был произведен в чин генерала от инфантерии и награжден орденом св. Георгия II степени.

К весне 1881 года текинцы прекратили всякое сопротивление. Следом за Геок-Тепе пали Денгиль-Тепе и Ашхабад, последний представлял собой бедный аул с двумя тысячами жителей. Скобелев выполнил задачу, может быть, не столь блестяще внешне, но зато с огромной пользой не только для России, но и для всего Туркестана. На экспедицию понадобилось девять месяцев, тринадцать миллионов рублей, и обошлась она сравнительно небольшими потерями — четыреста человек. По рельсам Закаспийской железной дороги мчались доставленные флотилией С. О. Макарова железные кони, вызывая любопытство у туркмен и злобу у англичан. Присоединением Ахал-Текинского оазиса Россия прочно утвердилась в Туркестане и окончательно лишила Англию надежд на выход к водам Каспия.

В конце мая 1881 года Скобелев прибыл в Петербург. Для него были далеко небезразличны события, которые произошли в столице империи в его отсутствие. Официальные сообщения о покушении и смерти Александра II во многом дополнили подробные рассказы родственников. Но слушая их, Скобелев невольно ловил себя на мысли, что вместе с уходом из жизни Александра II внезапно оборвалось взаимопонимание, которое, он, можно сказать, завоевал. По сложившемуся мнению, Александр II все же любил Скобелева, хотя иногда прилюдно и распекал как мальчишку. Предположительно и то, что царь ненавязчиво опекал «белого генерала» в той обстановке кризиса, которые породили почти полное отсутствие в прессе вестей о ходе экспедиции. Мучительный вопрос: как сложатся отношения с сыном покойного императора — долго не покидал Скобелева.

...Барон Н. Врангель вспоминал, что Скобелев Александра III «презирал и ненавидел». Так ли это? И если так, то где источник этой ненависти? Может быть, неприязнь возникла на войне в Болгарии, когда до Александра доходили весьма нелестные отзывы Скобелева о его военном даровании?

А какова у вас, генерал, была дисциплина в отряде? — спросил Александр III Скобелева вместо того, чтобы узнать подробности экспедиции.

Кому, как не царю, было знать о доступности и демократичности Скобелева и по своей натуре, и по своим взглядам. Князь Долгоруков произнес фразу, подлившую масла в огонь неприязни:

— Это было словно возвращение Бонапарта из Египта.

Чувствуя холодное отношение к себе официального Петербурга, Скобелев испрашивает отпуск и уезжает в Спасское.

...Его память возвращалась к началу 1880 года. Внезапная болезнь и не менее внезапная смерть Дмитрия Ивановича повергла семью Скобелевых в глубокое горе. Отец завещал похоронить его в Спасском. Завещание было в точности выполнено, а по Петербургу прошел слух, что умер он не своей смертью. Явных врагов Дмитрий Иванович не имел, груз недугов, способных в одночасье свести в могилу, был невелик. И лишь немногим пришла в голову мысль, что удар сей направлялся против Скобелева-сына, деятельно готовившего Ахал-Текинскую экспедицию. Но догадка эта так и не превратилась в подлинный факт. Телеграмма о смерти Дмитрия Ивановича надолго выбила Скобелева из колеи. Может быть, на этом и строился расчет...

Мог ли предположить тогда Михаил Дмитриевич, что несколько месяцев спустя он лишится и матери при обстоятельствах, породивших в России волну слухов, в которых нелепость шествовала рука об руку с довольно правдивым и подробным изложением убийства.

Во время русско-турецкой войны Ольга Николаевна одной из первых включилась в деятельность по созданию санитарных отрядов, направлявшихся в Болгарию. И, по оценке многих, именно ее энергии и пониманию важности задач Болгария обязана была созданием целой сети приютов, больниц, где размещались сироты, вдовы, калеки. Совсем не случайно Российское общество Красного Креста делегировало ее в качестве начальницы лазаретов, а некоторое время спустя она возглавила Болгарский отдел общества Красного Креста. За чрезвычайно короткий срок ей удалось, зачастую вкладывая свои собственные средства, наладить трудное, хлопотное, но столь необходимое дело. Авторитет ее рос. Ежегодно Ольга Николаевна совершала поездки в Болгарию и, как правило, навещала основанный ею в Филиппополе приют на двести пятьдесят детей, родители которых были вырезаны башибузуками.

И если с именами мужа и сына связывали героические дела и военные успехи, то ее имя олицетворяло извечную доброту и сострадание русских женщин.

В одной из столичных газет сообщалось: «Когда она была в Софии, болгары сделали ей овацию, какая едва ли где-нибудь выпадала на долю женщины. Г-жа Скобелева зашла в парламент в сопровождении г. Кумани — дипломатического агента. Президент палаты депутатов г. Икономов обратился к ней с приветственной речью, которую депутаты встретили стоя и аплодисментами. Г-жа Скобелева сказала несколько слов».

О реакции, которую вызвал этот шаг Ольги Николаевны у сына, известно из его слов: «Матушка поехала в Болгарию. Я ей, впрочем, послал на днях телеграмму, чтобы она вернулась. Чего она там лазает по парламентам — только раздражает моих врагов...»

Тем не менее Ольга Николаевна поездку не прервала. Она намеревалась основать школу и заложить церковь в память о муже.

Занимаясь благотворительными делами, она отказывалась от жандармского конвоя, говорила, что «меня и без того в этой стране хорошо знают».

В поездке по Болгарии ее сопровождали Смолякова — директор одного из госпиталей, служанка, офицер Петров и унтер-офицер Иванов. Когда же она пересекла границу Восточной Румейлии, то к ним присоединился Николай Узатис. Характеристики поручика настолько противоречивы — от «храброго и милого офицера» до «бесчестного и пошлого человека с натурой авантюриста», что, как писалось в газетах, «какую-то психическую загадку кажется это дело. Какие соображения могли руководить преступником, вся карьера которого создана сыном зарезанной им жертвы?» Но обо всем по порядку.

Узатис знал, что Скобелева кроме дорогих икон и церковной утвари везет и большую сумму денег, по одним данным — один миллион рублей, по другим — восемь тысяч фунтов стерлингов. Очевидно, он уговорил Ольгу Николаевну ввиду сильной жары отправиться в путь вечером. В половине девятого на коляску, в которой ехали Скобелева и ее спутница, напали вооруженные грабители. Узатис убил Ольгу Николаевну ударом сабли, а нанятые им убийцы расправились с горничной и офицером, и лишь Иванову, дважды раненному, удалось ускользнуть от нападавших и добраться до Филиппополя. Спешно было организовано преследование, и отряд настиг убийц возле села Дермедере. В перестрелке подручные Узатиса были убиты, а сам он застрелился. Денег при них не оказалось.

В Спасском стало одной могилой больше. В прессе высказывалась мысль о том, что тут была целая махинация, доселе еще недостаточно выясненная. К горю семьи Скобелевых прибавилось горе всех честных людей, оскорбленных до глубины сердца в самых лучших своих чувствах. В печати появилось стихотворение поэта Г. А. Лишина, посвященное Ольге Николаевне:

Вместе внимали давно ль в умилении,
что отдаленный народ
Женщине русской в ее воплощении
Дивную честь воздает.

. . .
Жертвой тебя назовут искупления.
Сына за то — всем врагам в изумление
Бог сохранил в дни войны.

Узатис унес с собой и истинную цель убийства. Известие о гибели матери поразило Скобелева настолько, что он долгое время не мог прийти в себя. Это, определенно, был какой-то рок. Его корпус медленно, но верно отвоевывал у пустыни жизненное пространство, стоял на пороге решающего столкновения с текинцами, а в спину одна за другой судьба нанесла глубочайшие раны. И предположение, что это не обычное стечение обстоятельств, высказывали в то время многие.

ПРЕТЕНДЕНТ НА ПРЕСТОЛ?

Человек, мало-мальски знакомый с обстановкой российского императорского двора после покушения на Александра II, без труда мог засвидетельствовать, что страх и испуг, словно паутиной, оплели резиденцию Александра III. В дневнике председателя Санкт-Петербургского дворянства графа А. А. Бобринского есть такая запись: «Окружающие Александра III будто бы отсоветовали ему всякие конституционные меры: «нельзя уступать силе». О, эти окружающие! О, ограниченные, несчастные, безумные люди. Осторожные люди боятся теперь только одного — нового покушения... Беспокойство это большое и общее».

На фоне мелочности и ничтожности личностей, скудных на ум, на поступки и деяния, достойные государственных деятелей, резким контрастом выглядела фигура Скобелева. И вовсе не потому, что генерал от инфантерии оставался верным своей привычке неизменно носить белую форму. Русский народ имел возможность для сравнения.

Популярности Скобелева в то время мог позавидовать любой из европейских правителей. Несомненно, и сам Михаил Дмитриевич, даже не прибегая к помощи корреспондентов, обладал удивительным даром создавать вокруг себя обстановку, в которой далеко не каждый мог сориентироваться.

Проходимцы различных мастей всяческими посулами стремились добиться расположения генерала, газетчики ловили каждое его слово с тем, чтобы скроить очередную сенсацию, представители дипломатического корпуса навязчивыми визитами и разговорами пытались выведать, какие мысли скрывает Скобелев за порой резко противоположными высказываниями. Его добротой пользовались оставшие солдаты, не имевшие кроме ран, увечий и медалей даже средств на пропитание, офицеры, сражавшиеся с ним бок о бок и вышедшие в отставку со скромным пенсионом и затерявшиеся в океане чиновничьего бездушия. Крестьяне находили в нем заступника в обычном земном желании жить и трудиться на земле без притеснений. Во многих семьях отставных прапорщиков и поручиков на торжествах поднимали первую чарку за «незабвенного командира»; из Болгарии «белому генералу» слали скромные подарки жители Плевны, Ловчи, Андрианополя.

Трудно и, пожалуй, невозможно представить, сколь рознились мнения о «белом генерале». У друзей и товарищей по оружию Скобелев — герой Плевны, герой России, олицетворение воинского исступления, человек, умеющий проторить дорогу к сердцу солдата, а следовательно, и народа; у седовласых генералов он — забубенная головушка, каких много на Руси, человек со страстным стремлением к подвигам, с задорным характером, всегда имеющий врагов; для царедворцев — личность никчемная и пустая, с эксцентрическими замашками, нелояльная по отношению к монарху, генерал без ума и таланта, необходимых для полководца, подвиги которого раздуты, а неудачи затушеваны, военачальник, стремившийся к славе Наполеона и к обладанию фельдмаршальским жезлом; для людей, понимавших его, — он гуманист-рыцарь с доброй отзывчивой душой ребенка, с изящными великосветскими манерами, с внутренним миром ученого, с ясновидящим глубоко умом,

с собственным мировоззрением; для покоренных народов он — Ак-паша, «кровавые глаза», внушающий уважение и суеверный страх, представитель могущественной державы; для людей политики он — образчик русского космополитизма, талантливый честолюбец, ищущий острых ощущений в борьбе мнений и идей, лишенный государственного чутья; для людей, искренне заинтересованных в процветании России, он — надежда на осуществление глубоких преобразований, лидер, слова которого с жадностью ловили и которые пробуждали мысль; для русофобов — шовинист, крайне вредный для мирного развития России, живущий надеждами на реванш, на осуществление славянофильских химер. В глазах официального Петербурга Скобелев, обладавший завидным умением наживать себе многочисленных врагов, продолжал оставаться бельмом, избавиться от которого предпочитали старым испытанным приемом: держать на вторых ролях и подальше от столицы.

Так вокруг Скобелева складывалась обстановка ненависти, зависти к человеческой личности, к блестящему, ясному и дальновидному уму, к уникальным военным дарованиям, к трудолюбию и терпению. В нем придворная камарилья видела опасного конкурента, и потому полный генерал пребывал все еще на должности командира корпуса.

Один из придворных называл Скобелева опасным сумасшедшим, который может наделать много бед, если обстоятельства будут ему благоприятны.

Чего же опасались при дворе?

Мартовский взрыв на Екатерининском канале лишил жизни не только правителя земли русской, но и болезненно отозвался на многих государственных начинаниях. Вместе с «царем-освободителем» в склепе Петропавловского собора оказалась наглухо замурованной надежда русского общества на перемены, которыми в перспективе мог стать постепенный и продуманный переход без смут и потрясений к парламентарной монархии, с привлечением широких слоев населения России к законодательной деятельности. Но «...роковой день 1 марта... отодвинул это на целую четверть века... Все робкое в обществе шарахнулось в сторону реакции и на внутреннем политическом горизонте обрисовались зловещие фигуры К. П. Победоносцева и графа Д. И. Толстого». Назвав зловещей фигурой К. П. Победоносцева, А. Ф. Кони, видный общественный деятель, наверняка знал и о других эпитетах, которые неизменно употреблялись рядом с фамилией обер-прокурора Синода: «злой гений России», «самый хитрый человек России», «лидер мракобесия» и тому подобные. Воистину надо было обладать всероссийской неординарностью, чтобы заслужить такие оценки и прослыть у друзей и врагов человеком с «железной убежденностью».

Высокопоставленный императорский сановник имел живой ум, глубокие знания в теории государства и права, в юриспруденции, в философии и других общественных науках. Колоссальная эрудиция позволила ему создать свою собственную теорию о перспективах развития России. В понятии К. П. Победоносцева «масса населения не способна к управлению, и... она неминуемо поддается влиянию людей, умеющих воздействовать на нее своим красноречием и ловкими приемами». «Меня упрекают, будто я тяну Россию вспять, — говорил также обер-прокурор, — но это неверно, а верно то, что я смотрю на Россию, как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте.

с которого разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю. Фундамент этот: православие и самодержавие. Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания, но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым».

Но ведь К. П. Победоносцев не мог не знать, что взгляды Скобелева во многом не совпадают с его. И все же в них отчетливо просматривается общая магистральная линия — благоденствие России. Не потому ли помышлял он о привлечении Скобелева на свою сторону, что это во многом усилило бы русскую консервативную партию.

Император назначил Скобелеву аудиенцию, но открытого обмена мнениями не получилось. Видимо, хозяин Зимнего дворца хотел разобраться в своем собеседнике.

Славянофильская мысль родилась как продукт национальный, присущий только России и опирающийся на психологию русского народа, на глубокое понимание духа российской истории. Основу ее составляет отношение к самодержавию, к вере и народным массам.

Союз царя и народа рассматривался славянофилами как нравственная основа государства, поскольку освящал ее господь и единый судья, общими для правителя и подданных были закон божий, христианская правда и совесть, страх перед всевышним. Критически оценивая и переосмысливая реформы Петра I, славянофилы предосудительно относились к внутреннему переустройству России: «Общество было взнуздано, затянато в мундир, причесано, выбрито, одето по указу, расписано по рангам, действовало по команде — руки по швам». Так был создан, по мнению создателей теории, механизм «насилования жизни», а император, подменив бога, стал верховным владыкой. И поэтому Россия нуждалась в возврате к самобытности, а политическим идеалом должна была стать «самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе».

Ничто не страшило так славянофилов, как безверие. Большой укор из уст славянофилов раздавался в адрес православной церкви, которой предлагалось оставить отвлеченную догматику учения, наставлений и проповедей и перейти к практическому осуществлению заповеди о любви к ближнему, формируя чистоту мировоззрения у людей. Революционный лозунг «Свобода, равенство, братство» не отвергался славянофилами, как не противоречащий христианскому учению. Не стремились они воспитать в своих последователях и враждебное отношение к науке, к либеральным течениям. Также славянофилы пришли к заключению, что русскому народу чуждо стремление к великодержавным притязаниям, что он далек от стяжательства за счет других народов, что его самое сокровенное желание — жить во внутреннем и внешнем спокойствии, кормиться трудом своих рук и укреплять национальные особенности и традиции. Именно славянофилы возродили термин «святая Русь». Дабы отстоять этот идеал от искажения и поливания грязью, славянофилы настоятельно требовали крепости убеждений, свободы мысли, духа, слова, печати. «Государство не вправе требовать от общества никакой гражданской доблести, никакой помощи и содействия, если духовная жизнь об-

М. Д. Скобелев. Фото 1882 года

щества поражена духовным гнетом». Это подводит к самой острой проблеме взглядов славянофилов на славянский мир.

На Западе воинствующие противники славянофильства предпринимали значительные усилия, чтобы выдать их учение как панславистское, то есть несущее в себе агрессивность. В начале, да и в середине XIX века многие на Западе рассматривали Россию как страну азиатскую, варварскую, скифскую, и потому не было недостатка в предложениях о вытеснении русских за Уральский хребет. И сама мысль о том, что Россия может быть покровительницей славян, вызывала яростный протест.

Многие вопросы, например, о том, настало ли время для изменения формы правления, созрела ли Россия для политических свобод и способна ли она проявить себя на международной арене в качестве лидера славян, по-видимому, были решены Скобелевым по-своему. Несомненно, что на их трак-

товке сказались значительное влияние И. С. Аксакова. Но понимание значимости русского народа, шедшего по стезе истории, имея особые задачи и цели, рассматривалось Скобелевым гораздо глубже. Он был далек от идеализации быта и нравов допетровской патриархальной Руси и не отказывался от восприятия опыта других народов. «...Учиться и заимствовать у них (у Запада. — Б. К.) все, что можно, — говорил он, — но у себя дома устраиваться, как нам удобнее». Само же славянофильство рассматривалось им как основа верного жертвенного служения народу, которого Скобелев считал основной движущей силой истории. За личностью он признавал идею, умение возглавить массы. Российское самодержавие, по взглядам Скобелева, нуждалось в изменении, хотя твердая государственная власть бесспорно признавалась им.

Без труда можно обнаружить сходство взглядов славянофилов и Скобелева в значении для России Земского собора, крестьянской общины, самоуправления, то есть основ демократического государства. Нельзя упрекнуть Скобелева в подавлении мысли и схоластике, когда речь заходила о науке и прогрессе. Но наука и прогресс воспринимались им не как самоцель, а только в непосредственном служении человеку. В такой же неразрывной связи рассматривалась им и «спасительная сила просвещения» и «великое дело народного образования».

Гораздо сложнее было его отношение к учению Христа. Не отрицая его в целом, как уже упоминалось, он выбрал из него рациональное зерно — человеческое братство на земле. Скобелев был далек от предубеждений, и различия религий славянских народов не воспринимались им как препятствия к единению.

Обвинения Скобелева в панславизме имеют весьма зыбкую почву. Но было в его славянофильстве одно «но»: ни в чем так резко не расходились взгляды Скобелева и славянофилов, как в расстановке сил, которые могли осуществить перемены в стране. И потому поражает интенсивность поисков контактов, которые зачастую приводили Скобелева к людям с противоположными политическими кредо. В 1882 году во время пребывания в Париже Скобелев пытался добиться встречи с П. Л. Лавровым. Однако теоретик народничества решительно отказался от свидания, сославшись на то, что ему не о чем говорить с генералом Скобелевым. Оторванный на долгие годы от родины, он, по всей видимости, не смог оценить той силы, которую представлял Скобелев в русском обществе. Не имел он представления и о взглядах Скобелева.

Если в понимании необходимости просвещения в позициях П. Л. Лаврова и Скобелева имелись точки соприкосновения, то их взгляды на пути обновления России разделяла огромная пропасть. Скобелев выражал свои мысли более чем ясно. «Правительство отжило свой век, но бессильное извне, оно также бессильное и внутри. Что может его низвергнуть? Конституционалисты? Они слишком слабы. Революционеры? Они также не имеют корней в широких массах. В России есть только одна организованная сила — армия, и в ее руках судьба России. Но армия не может подняться только как масса, а на это ее может двинуть лишь такая личность, которая известна каждому солдату, которая окружена славой сверхгероя. Но одной популярной лично-

сти мало, нужен лозунг, понятный не только в армии, но и широким массам. Таким лозунгом может быть только провозглашение войны немцам и объединение славян. Этот лозунг сделает популярной войну в обществе».

Нетрудно заметить резкий переход от проблем внутренних к проблемам внешним и притом решения первых способом, широко применяемым властью имущими. Что это? Политическая близорукость или желание вновь окунуться в пламень международной бойни? Впрочем, как у военного, оно жило в Скобелеве постоянно и об этом он часто говорил в кругу знакомых.

В «умном, хитром и отважном до безумия» Скобелеве постепенно рождались убеждения если не в исключительности, то в высоком своем предназначении совершить решительный шаг, каким мог стать правительственный переворот.

Слухи, муссировавшиеся в обеих столицах, определяли даже его дату — день коронации Александра III, и что Скобелеву суждено взойти на российский престол под именем Михаила III. Бывший министр в правительстве Александра II М. Т. Лорис-Меликов мог убедиться в серьезности таких намерений. «Он меня даже не посадил!» — говорил Скобелев ему о приеме Александром III, затем заявил: «Дальше так идти нельзя... Все, что вы прикажете, я буду делать беспрекословно, я пойду на все. Я не сдам корпуса — а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду. Я ему устрою так, что если он придет смотреть 4-й корпус, то на его «здорово, ребята!» будет ответом гробовое молчание. Я готов на всякие жертвы...»

Без сомнения, личная обида сквозит в словах Скобелева, поэтому М. Т. Лорис-Меликов завершил свой рассказ о встрече с ним на минорной ноте, говоря о Скобелеве как о человеке совершенно без убеждений, то есть подверженным лишь собственным эмоциям и амбициям.

Попытка добиться понимания у отставного государственного деятеля оказалась безуспешной, и Скобелев на время прекратил обивание порогов тех, кто некогда стоял у истоков мысли о конституционном устройстве России. Их разобщенность не вызвала сомнений.

Сознавая в себе возможного лидера, Скобелев пытался найти поддержку в военных кругах, где Александр III не имел авторитета. У многих на памяти жили тревожные вести из Рушукского отряда, едва не погубленного цесаревичем. Барон Н. Врангель оставил свидетельство, подтверждающее сказанное. В Петербурге у генерала Дохтурова, в большой компании Воронцова-Дашкова, Черевина, Драгомирова, Щербатова и других «отзывались о хозяине не особенно лестно». Между многими мыслями, высказываемыми видными военными деятелями, главной преобладала мысль о том, что самодержавие роет себе могилу. Но, пожалуй, резче это суждение звучало в устах Скобелева.

— Пусть себе толкуют! — сказал он Дохтурову, когда гости разошлись. — Слыхали уже эту песнь! А все-таки в конце концов вся их лавочка полетит тормашками вверх.

— Полетят, полетят, — ответил Дохтуров, — но радоваться этому едва ли приходится. Что мы с тобой полетим с ними, еще полбеда, а того и смотри, Россия полетит...

— Вздор, — прервал Скобелев, — династии меняются или исчезают, а нации бессмертны...

Еще более конкретное мнение высказал Скобелев об участии армии в коренных преобразованиях: «В революциях... стратегическую обстановку подготавливают политики, а нам, военным, в случае чего, предстоять будет одна тактическая задача. А вопросы тактики... не предрешаются, а решаются во время самого боя...»

Без сомнения, отзыв подобных высказываний чрезвычайно популярного генерала доходил до резиденции императора.

С. М. Степняк-Кравчинский писал: «Говорили, что либо в это время или несколько позднее смелый план дворцовой революции был задуман генералом Скобелевым». Так высочайшее нравственное мужество и искренняя тревога за судьбу Отечества и бесспорный всероссийский авторитет «белого генерала» вступили в противоречия, а следовательно, в незримую борьбу с придворным ханжеством и ограниченностью. М. Воюю дополняет эту мысль: «Весь обезумевший Петербург только и твердит о нем (о Скобелеве. — Б. К.) как о искателе с династическими притязаниями». Последние слова экзальтированного француза далеки от истины, но способность Скобелева возглавить антиправительственное движение сомнению не подлежит.

Определенную цель преследовало выступление Скобелева на банкете по случаю первой годовщины взятия Геок-Тепе. Скобелев приехал в Петербург в конце января 1882 года. К своему выступлению он готовился тщательно, взвешивая каждое слово, что было присуще Скобелеву. Не исключено, что по отдельным положениям этого выступления он консультировался с И. С. Аксаковым.

Начал он речь со вступления, в котором вспомнил славные дела, боевых товарищей, дал оценку совершенному год назад и, взяв в руки стакан с водой, дабы его слова не отнесли к бреду пьяного человека, сказал: «...Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он благодаря истории все-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, боже сохрани, тот же человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде доморощенных и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования, что этот русский человек находится лишь под влиянием причин ненормальных, под влиянием каких-либо вакханалий... Престранное это дело, и почему нашим обществом овладевает какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса для русского сердца вполне законного, являющегося результатом всей нашей тысячелетней истории». Завершил Скобелев речь такими словами: «Сердце болезненно шемится. Но великим утешением для нас вера и сила исторического призвания России».

Речь нашла горячий отклик у присутствующих, а ее изложение вызвало бурную реакцию на страницах газет. Дошло ее содержание до славянских народов о поддержке справедливой борьбы, о которой ратовал Скобелев. И если все предыдущие высказывания по этому поводу произносились либо в тесном кругу знакомых и друзей, либо содержались в частных письмах, то публичный призыв к защите славян и к единению прозвучал как вызов официальной политике в отношении единоверцев. Еще более откровенен был Скобелев в беседах в кулуарах с участниками банкета. Когда его упрекнули, что он хочет навязать русского царя всем славянским народам, он ответил,

что предлагает «...вольный союз славянских племен, полнейшую автономию у каждого, одно общее войско, деньги... Управляйся внутри как хочешь...»

Без сомнения, это высказывание, не содержащее и толики реакционности, еще раз опровергает мнение о Скобелеве как о яром приверженце панславизма. Подтверждает это и реалистическая оценка раздела Польши. Скобелев считал его политическим преступлением, а подавление свобод — братоубийственной резней. Различие религий в его глазах не должно было стать помехой в сближении польской и русской наций. Такое же сближение представлялось ему возможным с чехами и словаками. Но и в том, и другом случае на пути к нему стояли Германия и Австро-Венгрия, изрядное приращение территорий которых произошло за счет славян. Устранить эту жестокую несправедливость, ликвидировать национальный гнет и вырвать славянские народы из корон империй зла и насилия — такую цель преследовала парижская речь Скобелева.

В столице Франции он оказался далеко не по собственной воле. Реакция императора на петербургское выступление была однозначной — генерал от инфантерии, очевидно, запомнил, что он носит погоны, о политике должны судить политики. Генералу непростительны вольные высказывания. В Зимнем дворце сочли, что генерал нуждается в отдыхе, и обязали его взять отпуск с непременным условием провести его вне России. Но, как показали последующие события, расчет верхов на благоразумие и молчание Скобелева за границей не оправдался.

Учитывая ситуацию, в которой оказалась Россия после Берлинского конгресса, а Франция после поражения во франко-прусской войне, Скобелев на свой страх и риск бросился в омут политических страстей, бушевавших в Париже. Не проходило дня, чтобы в квартире Скобелева на рк Пентьер не появлялся очередной посетитель, корреспондент, дипломат или просто частное лицо, пытаясь добиться расположения «белого генерала» и прошупать его взгляды на взаимоотношения России и Франции. В официальных французских кругах того времени они расценивались как хрупкие и замороженные.

Ж. Адам, издательница «Нувель Ревю», доподлинно убедилась в серьезности намерений генерала посвятить себя делу установления прочных отношений между государствами и, не скрывая симпатий к Скобелеву, публиковала восторженные отзывы о нем. Но даже они не могли идти ни в какое сравнение со взрывом эмоций, которые вызвала беседа Скобелева с сербскими студентами, обучающимися в Париже, и получившая впоследствии известность как парижская речь Скобелева. Она была пронизана идеей единения славян и борьбы против немецкой экспансионистской политики.

Можно представить, что творилось на душе у императорского посланника в Париже графа Орлова, когда в его руках оказался номер французской газеты с речью Скобелева. Он переслал газету в Петербург с препроводительной: «Генерал не может безнаказанно произносить подобные речи». Из русской столицы в Париж полетела официальная телеграмма: «Отозвать!» Скобелеву даже предписывался маршрут, который шел мимо Берлина. Но он не смог отказаться от возможности увидеть В. В. Верещагина, который

в то время находился в столице Германии и, конечно, знал о парижском выступлении Скобелева.

По приезде 7 марта 1882 года в Петербург следует объяснение в резиденции императора. Еще до этого Скобелев побывал у военного министра, который объявил ему выговор. Но, к удивлению Скобелева, выговор не обрел реальной силы, то есть не был зафиксирован на бумаге. Существует свидетельство современника, что «этот выговор был напечатан только в английских газетах». Пресса других стран, в том числе и России, осталась в неведении.

Свидетелем аудиенции Скобелева у императора оказался лишь один из дежурных флигель-адъютантов. Слухи, которые поползли по Петербургу сразу же после разговора, были достаточно противоречивы, поскольку участники этой беседы не оставили письменных воспоминаний.

Скобелев в кабинет царя вошел якобы со словами: «Несу повинную голову, русское сердце заговорило». Начало разговора не предвещало Скобелеву ничего хорошего, поскольку тот посмел вторгнуться в область недозволенного и выступал с заявлениями от имени России, народа, то есть делал то, чего ему никто не поручал. Императору и хотелось бы рубануть с плеча и обрушить весь гнев на непокорного генерала, но Скобелев был нужен России (так ответил Александр III Александру Баттенбергу на просьбу дать разрешение Скобелеву на выезд в Болгарию и занять пост военного министра), поэтому вторая часть беседы проходила в отечески-назидательном тоне.

Не остались без последствий и те усилия, которые предприняли близкие к Александру III люди — граф Н. П. Игнатьев, М. Н. Катков, чтобы сгладить у императора неприятный осадок от парижской речи Скобелева. Так или иначе, слухи о непомерном разносе, который учинил император «белому генералу», вызывают сомнения. Да и мог ли Александр III все два часа, которые длилась беседа, распекать Скобелева! По-видимому, и тот, и другой за это время выяснили многое, иначе бы Скобелев не вышел из кабинета «веселый и довольный», сказав Гирсу (министру финансов. — *Б. К.*), что государь задал ему «порядочную головоломку». А. Витмер считал, что, очевидно, талантливый честолюбец успел заразить миролюбивого государя своими взглядами на нашу политику.

Для сближения с Францией, то есть того, о чем мечтал Скобелев, понадобились годы.

И все же настал тот момент, когда две державы установили прочные союзнические отношения. Но Скобелеву не суждено было стать этому свидетелем. 21 апреля 1882 года он вновь удостоился короткой беседы с императором на официальном представлении, а 22 апреля отбыл в штаб корпуса в Минск. Почти следом княгиня Белосельско-Белозерская, сестра Скобелева, отправила письмо, в котором были и такие строки: «Его Величество говорил о тебе с большим уважением... Император сказал более чем ясно, что он рад всегда тебя видеть, когда ты этого захочешь».

И если дни, проведенные в Петербурге, не дали повода к унынию, то возвращение в Минск радости не принесло. Мечта иметь свой семейный очаг была близка и осуществима. Екатерина Александровна Головкина — незнатная, но обаятельная и интеллигентная девушка вызвала у Скобелева искрен-

нее, доброе чувство, не схожее с мимолетными увлечениями. Оно нуждалось в ответе порывистом, искреннем и душевном. Но это были годы, когда вихрь эмансипации ворвался в Россию, изломав и искалечив немало юных судеб. Мечты о равенстве, желание властвовать над представителями сильного пола, вызывая в них муки и страдания, порождали безмерный эгоизм. Строки одного из писем Е. А. Головкиной в достаточной мере подтверждают это: «Михаил Дмитриевич... я сознаю, что идя рука об руку с вами, я могу быть полезным человеком, а не слабым существом. Дайте мне право над вами, полное, бесконечное, я дам вам счастье...» К сожалению, у волевой, способной жить на собственные средства девушки, обладавшей завидным умением постоять за себя, не хватило мужества пренебречь кривотолками и сплетнями, которые в мирной жизни плотно окружали Скобелева. Она предпочла соображения практичности высокому чувству, которое могло сохранить «белого генерала» России. Пытаясь избавиться от груза переживаний, Скобелев весь ушел в служебные дела.

Закрепить уроки войны, создать в русской армии атмосферу подлинной боевой учебы, искоренить крепостнические пережитки, клещом впившиеся в вооруженные силы России, — вот тот минимум задач, который ставил перед собой Скобелев. Маневры, походы, учения, стрельбы, ежедневные занятия и на каждом — личное присутствие, личный пример, граничащий порой с напрасным риском. «Я почитаю за величайший талант того, кто возможно меньше жертвует людьми. К самому же себе отношусь так, как и к тем, кто проливает кровь».

Корпусные маневры в Могилевской губернии вылились во всенародную демонстрацию любви к Скобелеву. В Могилеве, где стояла 16-я дивизия, ему была устроена восторженная встреча. Скобелев въехал в город поздно вечером, на улицах, освещенных факелами, находились толпы людей, войска были построены шпалерами. Выйдя из экипажа, генерал пошел с непокрытой головой по улицам, запруженным людьми. В Бобруйске католический каноник Сенчиковский пригласил Скобелева в костел. Генерал вошел в него под песнопение. Вся служба прошла на русском языке. Православное духовенство устроило в честь Скобелева не менее торжественный молебен. Такое могло кому угодно вскружить голову...

Но после пышных встреч на Скобелева вдруг нападала хандра. Он не впадал в пессимизм, но иногда в его слова проникали сомнения о недолговечности его жизни: «Я знаю, мне не позволят жить. Не мне закончить все, что я задумал».

Трудно и, по существу, невозможно судить о дальнейших планах Скобелева, в которые он посвящал только близких. Не потому ли для многих показалось совершенно неожиданным его решение о распродаже ценных бумаг, золота, недвижимости. Сумма, которую получил Скобелев и передал И. И. Маслову, управляющему делами, приближалась к миллиону рублей. Что собирался делать с этими деньгами Скобелев, так и осталось неизвестным. Тогда же он составил завещание, по которому Спасское отдавалось в распоряжение инвалидов войн. Время шло, но эффект петербургской и парижской речей продолжал свое воздействие на умы.

Это было знамя борьбы против внутреннего и внешнего подавления сла-

вянских народов. Славянским Гарибальди называли Скобелева, часто приносившего строфы из стихотворения Хомякова «Орел»:

Их час придет! Окрепнут крылья,
Младые ногти подрастут,
Вскричат орлы и цепь насилья
Железным клювом расклюют...

«И это будет, будет непременно, — добавлял Скобелев, — когда у нас будет настолько много «пищи сил духовных», что мы будем в состоянии поделиться с ними ею; а во-вторых, когда «свободы нашей яркий свет», действительно будет ярок и целому миру ведом... А до тех пор надо надеяться, верить, не опускать голову и не терять своего сродства с народом, сознания своей национальности». Между тем в огромной почте Скобелева все чаще и чаще стали появляться письма с анонимными угрозами. Из какого лагеря они исходили, так и осталось загадкой.

«Ради бога, береги себя, — обращалась к Михаилу Дмитриевичу одна из петербургских знакомых В. Чичерина, — ты теперь принадлежишь еще более, чем когда-либо, России».

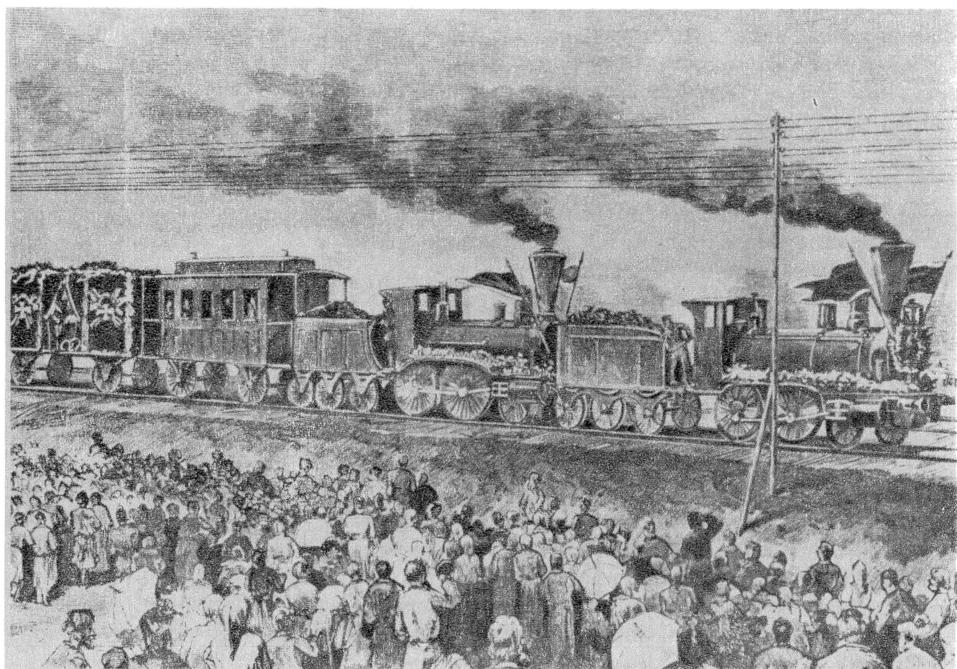
Но Скобелев был не из тех людей, кого могли остановить предупреждения и угрозы.

13 июня Скобелев написал черновик ответа Е. А. Головкиной, покинувшей Минск, отдал распоряжение И. И. Маслову на отправку ей тысячи рублей, написал приказ, в котором подвел итоги маневров, и выехал 22 июня в Москву. О цели своей поездки он сообщил начальнику штаба Духонину, что намеревается-де осмотреть выставку, заехать в Спасское на могилу родителей и проверить ход строительства школы и больницы. Скобелев закончил беседу с Духониным на минорной ноте:

— Все на свете — ложь! Даже слава...

Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким, как в этот день. М. Филиппов сообщает: «Утром 25-го Скобелев дал знать Аксакову, что будет у него завтра, однако зашел к нему сегодня и принес связку бумаг, сказав при этом: «В последнее время я стал подозрительным». По свидетельству Ж. Адам Скобелев расстался с Аксаковым в 11 часов вечера 24 июня, сказав своему другу: «Я всюду вижу грозу». Затем, остановившись в гостинице «Дюссо», он написал записку Вас. И. Немировичу-Данченко с приглашением на завтрашний обед (то есть 26 июня).

В полдень Скобелева видели в «Эрмитаже». Генерал сидел за столом один, был задумчив. Одиночество к вечеру навалилось тоской. В надежде, что хороший ужин, веселое застолье в компании встряхнет его, Скобелев направляется в ресторан «Англия» в Столешников переулок. Кутеж был в разгаре, когда из соседнего кабинета к Скобелеву вышел мужчина и предложил выпить бокал шампанского. Скобелев не отказался, поскольку из кабинета доносились здравицы в его честь. Как ни старался Скобелев, веселье не приходило. Даже очарование известной всей Москве кокотки Ванды не избавило от хандры. Не прошла она и в роскошном номере, где продолжался ужин. Каково же было удивление дворника, когда поздно ночью он услышал пронзи-

Траурный поезд с телом М. Д. Скобелева

тельный крик, а затем увидел неряшливо одетую, испуганную и зареванную Ванду.

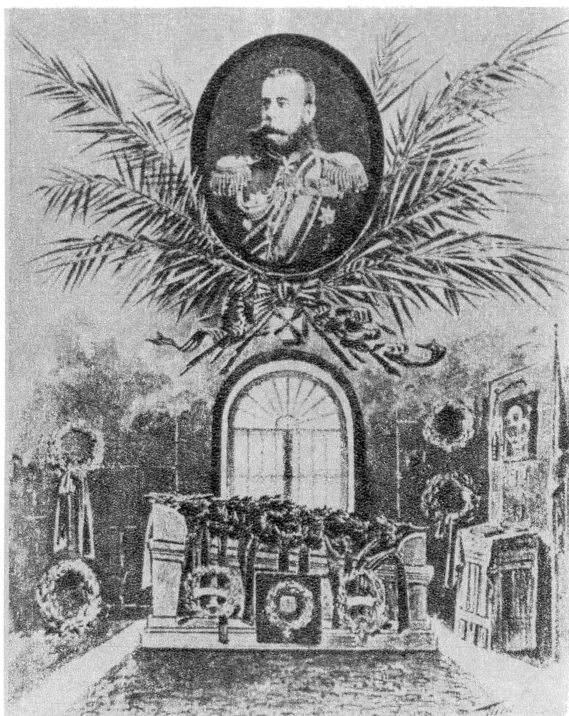
— У меня в номере умер офицер, — дрожащим голосом сказала она.

Дворник послал за полицией. Скобелев был опознан, а затем его тело перенесли в гостиницу «Дюссо». Подозрение о причастности Ванды к смерти Скобелева полиция отвергла, однако за ней прочно укрепилось прозвище «могила Скобелева».

Смерть Скобелева потрясла Москву. Она будто замерла, а потом разразилась всеобщей скорбью и плачем.

Александр III направил Надежде Дмитриевне письмо: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для Русской армии трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей». В искренности этих слов трудно усомниться.

Болгария погрузилась в траур. Умер национальный герой, столько сделавший во имя братской дружбы русского и болгарского народов. Несколько позже признательность болгар обретет реальные очертания, и появятся бульвары, улицы, сады и музеи, носящие имя Скобелева. Они и поныне — свидетели всеобщей любви к «белому генералу».

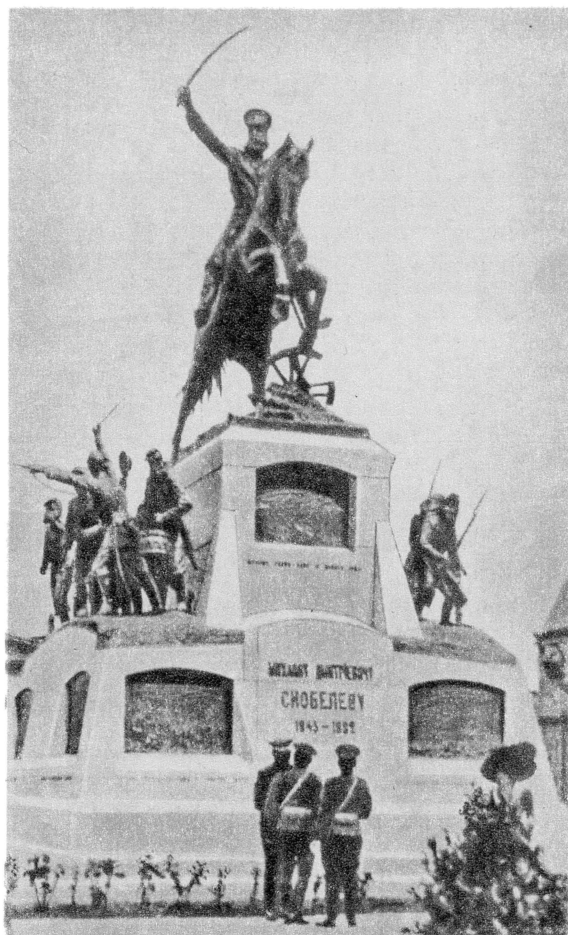
Гробница М. Д. Скобелева в церкви села Спасское

...Гроб с телом Скобелева стоял в отеле «Дюссо», а затем был перенесен в церковь Трех Святителей у Красных ворот, заложенную Иваном Никитичем. Не слышны в шумном центре крики извозчиков, не видно толкотни. Люди стоят по сторонам улиц, ведущих к церкви. Люди — в открытых окнах, на крышах домов. Черные крестьянские куртки и нарядные женские платья, порывшиеся рубахи рабочих и костыли инвалидов, парадные военные мундиры. Лица... Разные... Но на всех — скорбь, у многих на глазах слезы.

Чувства россиян очень точно выразил Я. Полонский:

Зачем толпой стоит народ!
Чего в безмолвии он ждет?
В чем горе, в чем недоуменье?
Не крепость пала, не сраженье
Проиграно. -- пал Скобелев! не
стало

Той силы, что была страшней
Врагу десятка крепостей..
Той силы, что богатырей
Нам сказочных напоминала.

Памятник М. Д. Скобелеву в Москве

Между тем стали известны результаты вскрытия тела Скобелева, которое производил прозектор Московского университета Нейдинг, констатировавший смерть от паралича сердца и легких. Но все же версия об отравлении Скобелева существовала еще долго и связывалась с немецкими происками. Слухи приписывали агентуре Германии кражу из Спасского плана войны, который разработал Скобелев.

Панихида должна была состояться на следующий день, но люди шли прощаться со Скобелевым весь вечер и всю ночь. Церковь утопала в цветах, венках и траурных лентах.

20 верст от станции Раненбург до Спасского гроб несли на руках крес-

тьяне. Вновь была церковь, слезы, стенания, венки. Но среди них выделялся серебристой листвою венки от академии Генерального штаба с надписью: «Герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, полководцу, Суворову равному».

...24 июня 1912 года перед домом градоначальника в Москве на Тверской площади был установлен памятник «белому генералу», который, «несмотря на свою монументальность, создавал гармоничное впечатление» и на который жертвовала деньги вся Россия. Для создания памятника в печати был объявлен демократический конкурс, победителем которого стал доселе неизвестный широкой публике скульптор подполковник А. П. Самонов. Открытие скобелевского ансамбля, как иногда называли памятник, состоялось через тридцать лет после смерти Скобелева. Как видно, Россия оказалась памятной. Сопровождал открытие обычный по тому времени ритуал освящения. На торжество прибыли посланцы от Ферганской области с венком, на ленте которого была надпись: «Белому генералу, умиротворившему Фергану, обогатившему туземное население, вплетшему жемчужину Востока в корону русского царя». Надпись на ленте венка от Болгарии гласила: «Ловеч, Плевен, Шейново — незабвенному витязю Освободительной войны, славному генералу Скобелеву — благодарный болгарский народ». Прозвучали на площади и такие слова: «...Москва счастлива, что на ее долю выпало быть хранительнице... этого народного достояния...»

Но памятник, к сожалению, простоял недолго. Согласно Декрету «О снятии памятников царей и их слуг и выработке проектов памятников Российской социалистической революции» 1 мая 1918 года памятник Скобелеву был снесен. Так на многие десятилетия из русской истории было изъято имя человека, который на протяжении всей своей короткой, но яркой жизни оставался слугой Отечества.

Трагическая судьба российского Нечерноземья не обошла и имение Скобелевых Спасское. Но перед опустевшим, неухоженным домом еще долго красовалась клумба, за которой Скобелев ухаживал с особой любовью. Цветы на ней яркие желтые цветы и красовались слова: «Честь и слава!»

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И. С. Собрание сочинений. В 7 т. — М., 1887.
- Военные действия против кокандцев в 1875—1876 гг. — Спб., 1876.
- Гибер фон Грейффенфельс А. Г. Покорение Ферганы. — Спб., 1901.
- Граф Д. А. Милютин в отзывах его современников. — Спб., 1912.
- Гребнер А. В. Осады и штурмы среднеазиатских крепостей и населенных пунктов. — Спб., 1897.
- Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. В 4 т. — Спб., 1883.
- Гурко В. И. Основы внутренней политики императора Александра III. — Спб., 1910.
- Епанчин Н. А. Война 1877—1888 гг. Действия передового отряда генерал-адъютанта Гурко. — Спб., 1895.
- Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 годов в России. — М., 1952.
- Затворницкий Н. М. Фельдмаршал великий князь Николай Николаевич старший. — Спб., 1912.
- Иззет-Фуад паша. Упущенные благоприятные случаи. Стратегическо-тактический этюд русско-турецкой кампании 1877—1878 гг. — Спб., 1901.
- Император Александр III. — Спб., 1894.
- Колокольцев Д. Г. Воспоминания о К. П. Кауфмане. — М., 1887.
- Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 3 Ч. 1. — Берлин, 1922.
- Кнорринг Н. Н. Скобелев. Ч. 1 и 2. — Париж, 1939.
- Литвинов П. П. Роль России в исторических судьбах киргизского народа. — Фрунзе, 1985.
- Мехмет-Мидхат. Сборник турецких документов о последней войне. — Спб., 1879.
- Милютин Д. А. Дневник. — М., 1949.
- Мирович В. Г. Славянофилы и их учение. — М., 1915.
- Михайлов М. А. Поход в Коканд в 1875 году. — Ташкент, 1884.
- Хомяков А. С., Аксаков К. С. и Аксаков И. С. Сборник избранных стихотворений. — М., 1910.
- Обзор царствования государя императора Александра II и его реформ. — Спб., 1871.
- Описание русско-турецкой войны. В 9 т. — Спб., 1910.
- Панчулидзев С. А. Сборник биографий кавалергардов. Т. 4. — Спб., 1901.
- Полянский М. А. Библиографический указатель литературы, относящийся к биографии М. Д. Скобелева. — Спб., 1904.
- Резниченко В. Ф. М. И. Драгомиров. — Чернигов, 1916.
- Русский биографический словарь. — Спб., 1904.
- Русско-турецкая война 1877—1878 гг. — М., 1977.
- Седельников Н. М. Русско-турецкая кампания 1877—1878 гг. — М., 1879.
- Симанский П. Н. Падение Плевны. — Спб., 1903.
- Степняк-Кравчинский П. И. Царь-чурбан, царь-цапля. — Пг., 1921.
- Таль-Ат. Описание военных действий под Плевной. — Спб., 1885.
- Теория государства у славянофилов. Сборник статей. — Спб., 1898.
- Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. — Фрунзе, 1954.
- Хасанов А. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х годах XIX века. — М., 1961.
- Чижев Б. И. Генерал-адъютант фон Кауфман. — Пг., 1915.
- Шильдер Н. К. Граф Э. И. Тотлебен, его жизнь и деятельность. В 2 т. — Спб., 1886.

СОДЕРЖАНИЕ

«...Не более как сын русского солдата»	5
Призвание — служба	16
В Туркестане	21
Из-за чего начинаются войны	34
В ожидании войны	43
Переправа	46
Хорошее начало — не всегда половина дела	54
Первая и Вторая Плевна	57
Ловча	66
Третья Плевна	75
Блокада Плевны	102
Падение Плевны	112
Шейново	118
На Стамбул	130
Итоги войны	135
Война выиграна — кто победитель?	143
Последняя экспедиция	152
Претендент на престол?	159

Научно-художественное издание

Костин Борис Акимович

С О Б Е Т Ъ

Художественный редактор *А. П. Присекина*
Технический редактор *И. А. Авдеева*
Корректор *И. Н. Киргизова*

ИБ № 5023

Сдано в набор 22.08.89 г. Подписано в печать 28.05.90 г. Г-43467. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага для глуб. печати. Гарнитура типа таймс. Печать глубокая. Усл. п. л. 12,87. Усл. кр.-отт. 26,69. Уч.-изд. л. 12,97. Тираж 75 000 экз. Заказ 583. Цена 4 р. Изд. № 5 д-89.

Ордена «Знак Почета» издательство ЦК ДОСААФ СССР «Патриот»
129110, Москва, Олимпийский просп., 22.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

4 p.